Организация Объединенных Наций A/CN.4/720

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
30 April 2018
Russian
Original: English

Комиссия международного права
Семидесятая сессия
Нью-Йорк, 30 апреля — 1 июня 2018 года,
и Женева, 2 июля — 10 августа 2018 года

Первый доклад по вопросу о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, представленный Специальным докладчиком Марьей Лехто

Содержание

Стр.

Введение . . . 3

A. Ранее проделанная работа по данной теме . . . 3

B. Прения в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на ее семьдесят первой (2016 год) и семьдесят второй (2017 год) сессиях . . . 4

C. Цель и структура доклада . . . 8

I. Защита окружающей среды с точки зрения правовых норм, регулирующих режим оккупации . . . 11

A. Понятие оккупации . . . 11

B. Защита окружающей среды через механизм имущественных прав . . . 18

C. Защита окружающей среды при помощи других правовых норм, регулирующих режим оккупации . . . 28

II. Защита окружающей среды в условиях оккупации посредством применения международных стандартов в области прав человека . . . 34

A. Взаимодополняющий характер норм, регулирующих режим оккупации, и международных стандартов в области прав человека . . . 34

B. Окружающая среда и права человека: право на здоровье . . . 41

III. Роль международного экологического права в условиях оккупации . . . 49

A. Взаимодополняемость норм международного экологического права . . . 49

B. Должная осмотрительность . . . 51

C. Устойчивая разработка природных ресурсов . . . 56

18-05313X (R) 150518 210518

Просьба отправить на вторичную переработку

IV. Предлагаемые проекты принципов 61
V. Будущая работа 62
A. Вопросы, которые будут рассмотрены во втором докладе 62
B. Прочие вопросы, касающиеся завершения работы над темой 62
VI. Выборочный список использованной литературы 65
Приложение
Сводный перечень проектов принципов, которые были приняты в предварительном порядке либо Комиссией, либо Редакционным комитетом 79

Введение*

A. Ранее проделанная работа по данной теме

1. На своей шестьдесят пятой сессии (2013 год) Комиссия включила тему «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами» в свою программу работы и назначила Специальным докладчиком по этой теме г-жу Мари Г. Якобссон[1]. Комиссия рассмотрела предварительный доклад Специального докладчика (A/CN.4/674 и Corr.1) на своей шестьдесят шестой сессии (2014 год)[2], а ее второй доклад (A/CN.4/685) – на своей шестьдесят седьмой сессии (2015 год)[3]. На своей шестьдесят восьмой сессии (2016 год) Комиссия рассмотрела третий доклад Специального докладчика (A/CN.4/700)[4] и приняла в предварительном порядке восемь проектов принципов, а также комментарии к этим проектам принципов[5]. Комиссия также приняла к сведению девять других проектов принципов, которые были приняты в предварительном порядке Редакционным комитетом на той же сессии[6].

2. На своей шестьдесят девятой сессии (2017 год) Комиссия постановила учредить рабочую группу для рассмотрения вопроса о дальнейших действиях в связи с данной темой, поскольку г-жа Якобссон к тому моменту уже покинула Комиссию[7]. Рабочая группа отметила, что по данной теме уже была проделана значительная работа, и подчеркнула необходимость завершить ее, обеспечив сохранение и развитие уже достигнутых результатов. Рабочая группа также отметила, что, помимо определенных аспектов проектов принципов, включая, в частности, их совершенствование, терминологические аспекты, устранение имеющихся пробелов и улучшение общей структуры текста, а также завершение работы над проектом комментариев, имеются и другие вопросы, в связи с которыми можно было бы предпринять дополнительные шаги. В данной связи, в частности, упоминались вопросы комплементарности с другими отраслями международного права, включая международное экологическое право, проблему защиты окружающей среды в условиях оккупации, вопросы правовой и материальной ответственности, ответственность негосударственных акторов, а также общие принципы применения проектов принципов к вооруженным конфликтам немеждународного характера[8]. Комиссия согласилась с выводами Рабочей группы и постановила назначить Специальным докладчиком по данной теме г-жу Марью Лехто[9].

---

* Специальный докладчик выражает признательность Катерине Н. Райт из Нью-Йоркского университета, Оути Пенттиля из Хельсинкского университета и Рине Куусипало из Стэнфордской школы права за помощь в проведении научно-исследовательских работ в ходе подготовки настоящего доклада.

[1] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят восьмая сессия, Дополнение № 10 (A/68/10)*, пункт 131.

[2] *Там же, шестьдесят девятая сессия, Дополнение № 10 (A/69/10),* пункты 186-222.

[3] *Там же., семидесятая сессия, Дополнение № 10 (A/70/10)*, пункты 130-170.

[4] *Там же, семьдесят первая сессия, Дополнение № 10 (A/71/10)*, пункты 139-189.

[5] *Там же*, пункт 188.

[6] *Там же*, пункт 146. Тексты проектов этих статей см. Приложение I.

[7] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят вторая сессия, Дополнение № 10 (A/72/10)*, пункт 255.

[8] *Там же*, пункт 259.

[9] *Там же*, пункт 262.

B. Прения в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на ее семьдесят первой (2016 год) и семьдесят второй (2017 год) сессиях

3. В 2016 году на рассмотрение Шестого комитета были представлены те проекты принципов с комментариями, которые уже были в предварительном порядке приняты Комиссией, а также те проекты принципов, которые были в предварительном порядке приняты Редакционным комитетом. В 2016 году по данной теме высказались представители в общей сложности 33 государств и Международного комитета Красного Креста (МККК)[10], а в 2017 году – представители 18 государств[11]. В целом ораторы поддерживали дальнейшую работу по данной теме и подчеркивали ее актуальность[12]. В данной связи, в частности, упоминались Ассамблея Организации Объединенных Наций по окружающей среде Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП)[13] , Глобальная группа высокого уровня по вопросам воды и мира[14], Повестка дня в

---

[10] Австрия (A/C.6/71/SR.27, пункты 106–109); Вьетнам (A/C.6/71/SR.29*,* пункты 43–45); Греция (*там же*, пункты 16–18); Египет (A/C.6/71/SR.23, пункт 45); Индия (A/C.6/71/SR.30, пункт 20); Индонезия (*там же.*, пункты 8–9); Израиль (A/C.6/71/SR.29, пункты 99–101); Исламская Республика Иран (*там же*, пункты 92–93); Испания (A/C.6/71/SR.28, пункты 42–45); Китай (A/C.6/71/SR.24, пункт 96); Ливан (A/C.6/71/SR.28, пункты 16–18); Малайзия (A/C.6/71/SR.29, пункты 28–33); Мексика (*там же*, пункты 75–76); МККК (A/C.6/71/SR.30, пункт 21); Нидерланды (A/C.6/71/SR.29, пункты 2–4); Норвегия (от имени пяти стран Северной Европы: Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции) (A/C.6/71/SR.27, пункты 90–94); Перу (A/C.6/71/SR.30, пункт 7); Португалия (A/C.6/71/SR.28, пункты 32–33); Республика Корея (A/C.6/71/SR.30, пункт 13); Румыния (A/C.6/71/SR.28, пункты 19–20); Сальвадор (A/C.6/71/SR.27, пункты 142–150); Сингапур (*там же*, пункт 129); Словения (A/C.6/71/SR.29, пункты 50–53); Соединенные Штаты Америки (*там же*, пункты 69–70); Судан (A/C.6/71/SR.28, пункт 2); Таиланд (A/C.6/71/SR.29, пункт 10); Того (A/C.6/71/SR.23, пункт 20); Украина (A/C.6/71/SR.30, пункты 2–4); Федеративные Штаты Микронезии (A/C.6/71/SR.28, пункты 52–59); Франция (A/C.6/71/SR.20, пункт 79); Хорватия (A/C.6/71/SR.28, пункт 41); Чехия (A/C.6/71/SR.27, пункты 118–120) и Япония (A/C.6/71/SR.29, пункт 89).

[11] Австрия (A/C.6/72/SR.25, пункт 47), Вьетнам (A/C.6/72/SR.26, пункт 123).Дания (от имени пяти стран Северной Европы: Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции) (A/C.6/72/SR.25, пункт 40), Испания (*там же*, пункт 67), Ливан (A/C.6/72/SR.26, пункт 92), Малайзия (*там же*, пункты 119-120), Нидерланды (*там же*, пункт 37), Португалия (A/C.6/72/SR.25, пункт 94), Российская Федерация (A/C.6/72/SR.19, пункт 36), Румыния (A/C.6/72/SR.26, пункты 28-29), Сальвадор (*там же*, пункты 128-129), Словения (A/C.6/72/SR.25, пункт 108), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (A/C.6/72/SR.26, пункт 114), Соединенные Штаты Америки (*там же*, пункты 8-9), Таиланд (*там же*, пункт 60), Тринидад и Тобаго (от имени КАРИКОМ) (A/C.6/72/SR.25, пункт 34), Турция (A/C.6/72/SR.26, пункт 104) и Чехия (*там же*, пункт 90).

[12] Высказывались и иные мнения; см., например, выступления представителей Российской Федерации (A/C.6/72/SR.19, пункт 36) и Чехии (A/C.6/72/SR.26, пункт 90).

[13] В резолюции 2/15 Ассамблеи Организации Объединенных Наций по окружающей среде от 27 мая 2016 года, озаглавленной «Охрана окружающей среды в районах, пострадавших от вооруженных конфликтов» (UNEP/EA.2/Res.15) была выражена поддержка текущей работы Комиссии по данной теме (двенадцатый пункт преамбулы). См. также ее резолюцию 3/1 от 5 декабря 2017 года, озаглавленную «Смягчение последствий загрязнения и его ограничение в районах, пострадавших в результате вооруженных конфликтов или терроризма» (UNEP/EA.3/Res.1), в которой Ассамблея «*просит* Директора-исполнителя продолжать взаимодействовать с Комиссией международного права, в том числе путем предоставления Комиссии по ее запросу соответствующей информации в поддержку ее работы, связанной с загрязнением в результате вооруженных конфликтов или терроризма» (пункт 11).

[14] *«Вопрос выживания»: Доклад Глобальной группы высокого уровня по вопросам воды и мира* (2017 год).

области устойчивого развития на период до 2030 года и Цели в области устойчивого развития[15]. Решение Комиссии продолжить работу по данной теме было встречено в целом позитивно, а ряд государств поддержал идею продолжения консультаций с участием МККК, ЮНЕП и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, а также других международных организаций, располагающих соответствующим опытом[16].

4. Хотя и было высказано мнение о том, что тему следует ограничить правом вооруженных конфликтов[17], налицо была широкая поддержка идеи изучения взаимосвязей между правом вооруженных конфликтов и другими отраслями международного права, включая, в частности, стандарты в области прав человека и международное экологическое право, которые воспринимались как «имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой теме»[18]. Указывалось также, что деградация окружающей среды в ходе вооруженных конфликтов и после их завершения влечет за собой прямые негативные последствия для благополучия людей[19]. Кроме того, подчеркивалась необходимость прояснить вопрос о том, «каким образом другие отрасли международного права могли бы обеспечивать принятие дополнительных мер по охране окружающей среды, в том числе в ходе вооруженных конфликтов»[20]. В данном контексте также упоминались морское право[21] и международное договорное право[22]. Одновременно с этим подчеркивалась роль международного гуманитарного права в ходе вооруженных конфликтов в качестве *lex specialis*[23], а также указывалось, что Комиссии не следует пытаться изменить право вооруженных конфликтов[24].

5. Выбор поэтапного подхода к рассмотрению данной темы в целом приветствовался, хотя и было указано, что, возможно, будет трудно провести четкую грань между различными группами проектов принципов, поскольку многие из них применимы на всех трех этапах, т.е. до начала, во время и после завершения вооруженного конфликта[25]. Некоторые государства предложили определить понятие «природная среда»[26] или же уточнить, идет ли в проектах принципов речь

---

[15] Резолюция 70/1 Генеральной Ассамблеи от 25 сентября 2015 года, озаглавленная «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (A/RES/70/1).

[16] Малайзия (A/C.6/72/SR.26, пункт 119), Португалия (A/C.6/71/SR.28, пункт 33), Словения (A/C.6/72/SR.25, пункт 108) и Таиланд (A/C.6/71/SR.29, пункт 10, и A/C.6/72/SR.26, пункт 60).

[17] Мексика (A/C.6/71/SR.29, пункт 75).

[18] Греция (A/C.6/71/SR.29, пункт 17); см. также выступления представителей Португалии (A/C.6/71/SR.28, пункт 32), Сальвадора (A/C.6/71/SR.27, пункт 149), Таиланда (A/C.6/72/SR.26, пункт 60, и A/C.6/71/SR.29, пункт 10) и Федеративных Штатов Микронезии (A/C.6/71/SR.28, пункт 54). См. также выступления представителей Малайзии (A/C.6/72/SR.26, пункт 120), Румынии (*там же*, пункт 28) и Тринидада и Тобаго (от имени КАРИКОМ) (A/C.6/72/SR.25, пункт 34).

[19] Ливан (A/C.6/71/SR.28, пункт 18) и Украина (A/C.6/71/SR.30, пункт 2).

[20] МККК (*там же*, пункт 21).

[21] Румыния (A/C.6/72/SR.26, пункт 28).

[22] Малайзия (*там же*, пункт 120).

[23] Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (*там же*, пункт 114) и Соединенные Штаты Америки (*там же*, пункт 8),

[24] Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (A/C.6/71/SR.28, пункт 25). См. также Нидерланды (A/C.6/72/SR.26, пункт 37).

[25] Исламская Республика Иран (A/C.6/71/SR.29, пункт 92), Китай (A/C.6/71/SR.24, пункт 96), Ливан (A/C.6/71/SR.28, пункты 16-17), Нидерланды (A/C.6/71/SR.29, пункт 2), Португалия (A/C.6/71/SR.28, пункт 33), Республика Корея (A/C.6/71/SR.30, пункт 13) и Сальвадор (A/C.6/71/SR.27, пункт 142). Вместе с тем высказывались и иные мнения; см, например, выступления представителей Малайзии (A/C.6/71/SR.29, пункт 28) и Испании (A/C.6/71/SR.28, пункты 42-43).

[26] Израиль (A/C.6/71/SR.29, пункт 101).

о «природной среде» или об «окружающей среде» в целом[27]. Другие государства высказали мнение о том, что экологическую проблематику нельзя ограничивать природной средой, поскольку она включает в себя вопросы прав человека, устойчивости и культурного наследия, и указали, что они предпочли бы использовать более широкое понятие[28]. Кроме того, было отмечено, что в прошлом два указанных понятия использовались непоследовательно, и предложено вернуться к данному вопросу на одном из дальнейших этапов[29]. Высказывалось также мнение о том, что «природную среду нельзя рассматривать в отрыве от тех людей, которые в ней живут и зависят от нее в том, что касается, в частности, источников средств к существованию, жилья, культурных традиций и устойчивого развития»[30]. Указывалось, что ущерб, который наносится окружающей среде в результате вооруженных конфликтов, способен приводить к долгосрочным разрушительным последствиям как для экологического благополучия планеты, так и для жизни людей, что, в свою очередь, может свести на нет результаты многолетних упорных усилий, направленных на развитие[31]. Подчеркивались взаимосвязи между безопасной природной средой и условиями жизни населения, с одной стороны, и поддержанием международного мира и безопасности, с другой[32].

6. Был высказан ряд замечаний в отношении классификации вооруженных конфликтов, а также отражения данного вопроса в проектах принципов. По мнению некоторых государств, проекты принципов не должны затрагивать вооруженные конфликты немеждународного характера[33], тогда как ряд других государств считал это необходимым с учетом того, что на современном этапе вооруженные конфликты в своем большинстве являются немеждународными[34]. Некоторые государства подчеркнули необходимость уточнить, какие именно проекты принципов применимы как к международным, так и к немеждународным вооруженным конфликтам, или же ясно заявить о том, что комплекс проектов принципов в своей совокупности применим к обоим типам конфликтов[35]. Была высказана обеспокоенность по поводу использования в тексте проектов некоторых принципов императивных формулировок[36].

7. В отношении принципа 9 [II-1], озаглавленного «Общая защита природной среды во время вооруженных конфликтов», указывалось, что меры превентивного характера должны быть направлены не только на минимизацию, но и на предотвращение ущерба окружающей среде. Было отмечено, что ориентирами в контексте выработки подхода к вопросу о превентивных мерах могли бы стать правило 44, содержащееся в исследовании МККК под названием «Customary International Humanitarian Law» («Международное обычное гуманитарное право»)[37], а также принцип предосторожности. Кроме того, к Комиссии был об-

---

[27] Республика Корея (A/C.6/71/SR.30, пункт 13); Сальвадор (A/C.6/71/SR.27, пункт 143).
[28] Малайзия (A/C.6/71/SR.29, пункты 29-30) и Судан (A/C.6/71/SR.28, пункт 2).
[29] Малайзия (A/C.6/71/SR.29, пункт 29).
[30] Федеративные Штаты Микронезии (A/C.6/71/SR.28, пункт 54).
[31] Таиланд (A/C.6/72/SR.26, пункт 60) и Украина (A/C.6/71/SR.30, пункты 2-3).
[32] Дания (от имени пяти стран Северной Европы: Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции) (A/C.6/72/SR.25, пункт 40).
[33] Исламская Республика Иран (A/C.6/71/SR.29, пункт 93) и Мексика (*там же*, пункт 75).
[34] Португалия (A/C.6/71/SR.28, пункт 33), Сальвадор (A/C.6/72/SR.26, пункт 128), и Тринидад и Тобаго (от имени КАРИКОМ) (A/C.6/72/SR.25, пункт 34).
[35] Испания (A/C.6/71/SR.28, пункт 44), Малайзия (A/C.6/71/SR.29, пункт 31), Республика Корея (A/C.6/71/SR.30, пункт 13), Сальвадор (A/C.6/71/SR.27, пункт 142) и Словения (A/C.6/71/SR.29, пункт 50).
[36] Соединенные Штаты Америки (A/C.6/72/SR.26, пункт 9).
[37] “Methods and means of warfare must be employed with due regard to the protection and preservation of the natural environment. In the conduct of military operations, all feasible precautions must be taken to avoid, and in any event to minimise, incidental damage to the

ращен настоятельный призыв предоставить дополнительную информацию относительно того значения, которое вкладывается в понятие «обширного, долговременного и серьезного ущерба», упоминаемого в пункте 2 проекта принципа 9, а также в пункте 3 статьи 35 и пункте 1 статьи 55 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов[38]. Поднимались вопросы о совместимости проекта принципа 5 [I-(x)] («Специальное обозначение охраняемых зон»), с одной стороны, и проекта принципа 9 и проекта принципа 12 [II-4] («Запрет на репрессалии»), с другой, а также о взаимосвязи между ними[39].

8. В отношении проектов принципов, принятых Комиссией к сведению, т.е. проектов принципов 4, 6-8 и 14-18, были высказаны многочисленные замечания в рамках этапа, который можно рассматривать как начальную стадию обсуждений их содержания. Ожидается, что эти обсуждения продолжатся на одной из последующих сессий, когда будут распространены сопровождающие их комментарии, а эти проекты принципов будут приняты Комиссией в предварительном порядке.

9. Некоторые государства поставили под сомнение уместность упоминания вопросов, касающихся коренных народов, в проекте принципа 6[40]. Некоторые другие государства поддержали их упоминание в тексте[41], полагая, что интересы коренных общин должны соблюдаться на всех этапах вооруженного конфликта[42]. Кроме того, было предложено отразить в проектах принципов «обязательства воюющих сторон в отношении учета традиционных знаний и практики коренных народов в том, что касается природной среды их проживания»[43]. Вместе с тем другие государства выступили в пользу дальнейшего изучения этих вопросов[44] или же высказали пожелание уделить внимание и другим категориям населения, для которых характерны тесные связи с окружающей средой в местах их проживания[45].

10. Проект принципа 16 («Пережитки войны») и проект принципа 17 («Пережитки войны на море») в целом приветствовались; было также предложено внести в них ряд изменений[46]. В отношении проекта принципа 16 было указано, что сфера охвата данного проекта принципа является более широкой по сравнению с положениями Протокола о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств с поправками, внесенными 3 мая 1996 года (Протокола II с поправками, внесенными 3 мая 1996 года), прилагаемого к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, а также Протокола по взрывоопасным

---

environment. Lack of scientific certainty as to the effects on the environment of certain military operations does not absolve a party to the conflict from taking such precautions" (J.-M. Henckaerts and L. Doswald-Beck, *Customary International Humanitarian Law: Rules*, vol. I, ICRC and Cambridge University Press, 2005, p. 147).

[38] Греция (A/C.6/71/SR.29, пункт 18).

[39] Испания (A/C.6/71/SR.28, пункты 44–45) и Сальвадор (A/C.6/72/SR.26, пункт 129).

[40] Вьетнам (A/C.6/71/SR.29, пункт 45), Израиль (*там же*, пункт 100), Индонезия (A/C.6/71/SR.30, пункты 8-9), Мексика (A/C.6/71/SR.29, пункт 76), Нидерланды (*там же*, пункт 2) и Франция (A/C.6/71/SR.20, пункт 79).

[41] Малайзия (A/C.6/71/SR.29, пункт 33); Сальвадор (A/C.6/71/SR.27, пункт 150); и Федеративные Штаты Микронезии (A/C.6/71/SR.28, пункт 58).

[42] Федеративные Штаты Микронезии (A/C.6/71/SR.28, пункт 58).

[43] *Там же.*

[44] Словения (A/C.6/71/SR.29, пункт 52).

[45] Румыния (A/C.6/71/SR.28, пункт 19, и A/C.6/72/SR.26, пункт 29).

[46] Сальвадор (A/C.6/71/SR.27, пункт 149); Вьетнам (A/C.6/71/SR.29, пункт 44), Ливан (A/C.6/71/SR.28, пункт 17); Словения (A/C.6/71/SR.29, пункт 52); Украина (A/C.6/71/SR. 30, пункт 3) и Федеративные Штаты Микронезии (A/C.6/71/SR.28, пункты 56-57).

пережиткам войны (Протокола V) к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие[47]. Конкретные комментарии по вопросу о пережитках войны включали в себя предложение о включении в проекты принципов положения о том, что сторона конфликта, действия которой привели к загрязнению природной среды вредными веществами, несет ответственность за поиск, устранение и уничтожение пережитков войны, попавших в природную среду по ее вине[48], а также о необходимости наличия в тексте проектов принципов, касающихся пережитков войны, конкретных ссылок на ущерб окружающей среде и защиту окружающей среды[49]. Комиссии также было предложено рассмотреть вопрос об исключении из текста соответствующего проекта принципа формулировки «без промедления»[50]. Указывалось, что некоторые пережитки войны наносят непосредственный ущерб окружающей среде, в связи с чем любые задержки в их устранении могут приводить к катастрофическим последствиям для окружающей среды и создавать долгосрочную угрозу населению[51]. Некоторые другие государства высказались в пользу существующего варианта текста, который не содержит данной формулировки[52].

11. Необходимость проекта принципа 8 («Миротворческие операции») была поставлена под сомнение[53], но при этом высказывалась и его поддержка[54], а также мнение о необходимости дополнительного обсуждения его содержания[55]. Была выражена поддержка принципа 15 («Оценки состояния окружающей среды и восстановительные меры после вооруженных конфликтов»), а также подчеркнута важная роль компетентных международных организаций и учреждений в данной области[56]. Проект принципа 18, касающийся обмена информацией, был встречен с одобрением, хотя и прозвучали замечания в отношении сферы его охвата[57].

C. Цель и структура доклада

12. Настоящий доклад преследует двоякую цель. С учетом составленного Рабочей группой перечня вопросов, которые, по ее мнению, требуют дальнейшего изучения в контексте данной темы, первоочередное внимание в докладе уделяется вопросу о защите окружающей среды в условиях оккупации. Ранее проделанная работа по данному предмету убедительно продемонстрировала наличие природоохранных проблем, которые необходимо решать на всех этапах цикла развития вооруженного конфликта, т.е. до начала, во время и после завершения

---

[47] Израиль (A/C.6/71/SR.29, пункт 100); Нидерланды (*там же*, пункт 3); и Соединенные Штаты Америки (*там же*, пункт 70, и A/C.6/72/SR.26, пункт 9).
[48] Вьетнам (A/C.6/71/SR.29, пункт 44).
[49] Португалия (A/C.6/71/SR.28, пункт 32).
[50] Федеративные Штаты Микронезии (A/C.6/71/SR.28, пункт 57).
[51] *Там же*. Аналогичное мнение высказал представитель Сальвадора (A/C.6/71/SR.27, пункт 149).
[52] Израиль (A/C.6/71/SR.29, пункт 100) и Нидерланды (*там же*, пункт 3).
[53] Вьетнам (A/C.6/71/SR.29, пункт 45), Нидерланды (A/C.6/71/SR.29, пункт 2) и Соединенные Штаты Америки (A/C.6/71/SR.29, пункт 70). См. также выступление представителя Австрии (A/C.6/71/SR.27, пункт 107).
[54] Федеративные Штаты Микронезии (A/C.6/71/SR.28, пункт 55).
[55] Норвегия (от имени пяти стран Северной Европы: Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции) (A/C.6/71/SR.27, пункт 94).
[56] Ливан (A/C.6/71/SR.28, пункт 17); Украина (A/C.6/71/SR.30, пункт 4); и Федеративные Штаты Микронезии (A/C.6/71/SR.28, пункт 55).
[57] Нидерланды (A/C.6/71/SR.29, пункт 4); Словения (*там же*, пункт 53); и Украина (A/C.6/71/SR.30, пункт 4).

конфликта. То же самое можно сказать и о ситуациях, связанных с оккупацией[58]. В тех случаях, когда оккупация является следствием вооруженного конфликта, можно исходить из того, что окружающей среде уже был нанесен ощутимый ущерб. Кроме того, организационный коллапс, к которому зачастую приводят вооруженные конфликты, затрагивает в том числе и органы, занимающиеся природоохранной деятельностью, затрудняя усилия по решению экологических проблем в постконфликтный период[59]. Вспышки активных боевых действий в период оккупации или возобновление вооруженных конфликтов также могут способствовать появлению новых или обострению существующих экологических проблем[60]. Хотя более стабильный режим оккупации может в значительной мере походить на постконфликтную ситуацию, позволяя оккупационным властям реализовывать политику и принимать меры, способствующие улучшению экологической ситуации на оккупированной территории, определенные виды практики, связанные с оккупацией, могут приводить к дальнейшей деградации окружающей среды. Так, например, можно ожидать, что присутствие оккупационной армии и сопутствующей военной инфраструктуры будет приводить к негативным последствиям для окружающей среды. Экологический ущерб от военной деятельности может быть связан, в частности, с применением химикатов или оружия, неадекватностью мер по удалению и захоронению токсичных или опасных отходов, а также с использованием природных ресурсов[61].

13. Меры по защите окружающей среды, предусмотренные правовыми нормами, которые регулируют режим оккупации, включая Гаагское положение 1907 года[62], Женевскую конвенцию о защите гражданского населения во время войны (Конвенцию IV), Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, и нормы обычного права, в большинстве случаев обеспечивают такую защиту лишь косвенным образом. За исключением Протокола I, документы, которые содержат правовые нормы, регулирующие режим оккупации, предшествовали не только оформлению международного экологического права в качестве самостоятельной отрасли международного права, но даже и концептуализации понятия «окружающая среда» в качестве объекта правовой защиты. Несмотря на то, что в силу вышеизложенных причин нормы, регулирующие режим оккупации, не предусматривают конкретных положений о защите окружающей

---

[58] См. проведенные ЮНЕП оценки экологической ситуации в странах, пострадавших от конфликтов, в том числе: *A Rapid Assessment of the impact of the Iraq-Kuwait Conflict on Terrestrial Ecosystems* (1991 a, 1991 b, 1991 c); *Desk Study in the Occupied Palestinian Territories* (2003) (URL: https://postconflict.unep.ch/publications/INF-31-WebOPT.pdf); *Desk Study on the Environment in Iraq* (2003b); *Environment in Iraq: UNEP Progress Report* (2003); *Assessment of Environmental "Hot Spots" in Iraq* (2005); и *Environmental Assessment of the Areas Disengaged by Israel in the Gaza Strip* (2006).

[59] UNEP, *From Conflict to peacebuilding*. *The Role of Natural Resources and the Environment*, 2009, p. 17.

[60] UNEP, *Environmental Assessment of the Gaza Strip, following the escalation of hostilities in December 2008-January* 2009 (2009); и *Protecting the Environment During Armed Conflict. An Inventory and Analysis of International Law*, 2009, pp. 17–18.

[61] См. U.C. Jha, *Armed Conflict and Environmental Damage* (New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd, 2014) (информацию об экологических последствиях наличия военных баз см. на стр. 174–179 английского текста). См. также D.L Shelton and I.Cutting, "If you break it, do you own it? Legal consequences of environmental harm from military activities", *Journal of International Humanitarian Legal Studies,* Vol. 6 (2015) 1-46,), pp. 206 -213; и Z. Brophy and J. Isaac, "The Environmental impact of Israeli military activities in the occupied Palestinian territory", Applied Research Institute, Jerusalem (URL: http://www.arij.org/publications/papers/html).

[62] Конвенция (IV) о законах и обычаях сухопутной войны, (Гаагская конвенция IV), Приложение к Конвенции: Положение о законах и обычаях сухопутной войны (Гаагское положение).

среды, практика показала, что они являются достаточно гибкими для того, чтобы приспосабливаться к меняющимся условиям. Так, например, некоторые положения, касающиеся имущественных прав, уже давно и последовательно применяются к природным ресурсам, таким, как нефть и вода, которые также являются важными экологическими ресурсами. Уничтожение, истощение и нерачительное использование природных ресурсов может приводить к деградации экосистем, включая утрату среды обитания и исчезновение видов[63].

14. Во вторую очередь в докладе рассматривается вопрос о комплементарности других соответствующих отраслей международного права, который также был поднят Рабочей группой и действительно имеет непосредственное отношение к изучаемой теме. Ситуации, связанные с оккупацией, охватывают широкий диапазон вариаций между вооруженным конфликтом и мирным временем, в связи с чем возникает ряд возможностей для изучения взаимосвязей между правом вооруженных конфликтов, международными стандартами в области прав человека и международным экологическим правом. Общепризнано, что стандарты в области прав человека применимы к ситуациям, связанным с оккупацией. Вместе с тем конкретный порядок применения этих стандартов в области прав человека зависит от сложившихся условий, включая характер оккупации (стабильный или нестабильный) и ее продолжительность, и во многих отношениях регламентируется правовыми нормами, регулирующими режим оккупации, в качестве *lex specialis*. Существует общий консенсус в отношении наличия многочисленных взаимосвязей между стандартами в области прав человека и окружающей средой[64]. В частности, такие экономические, социальные и культурные права, как права на воду, питание, здоровье и жизнь, «не могут быть реализованы в экологическом вакууме»[65]; их соблюдение требует защиты окружающей среды и экосистем. В дополнение к материальным экологическим правам защите окружающей среды способствуют и процессуальные права, главным образом – через права участия и доступ населения к информации об экологических рисках[66].

15. Экологическая проблематика затрагивает большинство отраслей международного права. В консультативном заключении Международного Суда о законности угрозы ядерным оружием или его применения было ясно указано, что это утверждение справедливо и в отношении права вооруженных конфликтов[67]. Работа Комиссии над темой «Последствия вооруженных конфликтов для договоров» также подготовила почву для рассмотрения вопроса о том, каким образом

---

[63] См. D. Jensen and S. Lonergan (eds.), *Assessing and Restoring Natural Resources in Post-Conflict Peacebuilding* (Abingdon, Routledge, 2012).

[64] Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций и ЮНЕП; Human Rights and the Environment: Rio+20: Joint Report OHCHR and UNEP (2012); Совет по правам человека, Доклад Независимого эксперта по вопросу об обязательствах в области прав человека, связанных с пользованием безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, Джона Х. Нокса, от 30 декабря 2013 года (A/HRC/25/53), а также его последующие доклады от 3 февраля 2015 года (A/HRC/28/61) и от 24 января 2018 года (A/HRC/37/59).

[65] K.Hulme,"Using a framework of human rights and transitional justice for post-conflict environmental protection and remediation", in Carsten Stahn, Jens Iverson and Jennifer S. Easterday, eds., *Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace.* Oxford University Press, 2017, pp. 119–142, p. 124.

[66] См., например, Рио-де-Жанейрскую декларацию по окружающей среде и развитию, 12 августа 1992 года (A/CONF/151/26/Rev.1 (том 1), стр. 5, принцип 10.

[67] *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion, 1. C.J. Reports 1996*, p. 226.

международное экологическое право может дополнить право вооруженных конфликтов[68]. Во многом аналогично тому, как это имеет место в случае со стандартами в области прав человека, конкретные условия той или иной ситуации, связанной с оккупацией, а также требования правовых норм, регулирующих оккупацию, могут ограничивать сферу практического применения международных природоохранных обязательств.

16. Настоящий доклад продолжает три ранее опубликованных доклада по данной теме; при этом ставится цель обеспечить его преемственность по отношению к той работе, которая была проделана до настоящего времени. Отправная точка для работы Комиссии над данной темой должна остаться без изменений: Комиссия не изменяет нормы права вооруженных конфликтов, не намеревается это делать и не имеет для этого возможностей[69]. С учетом этого основное внимание в докладе будет сосредоточено на выработке и уточнении руководящих принципов и/или обязательств, касающихся защиты окружающей среды, которые возникают в рамках международного права в условиях оккупации.

17. Глава I доклада посвящена вопросам защиты окружающей среды с точки зрения норм, регулирующих режим оккупации. Раздел A содержит общую информацию, касающуюся понятия оккупации. В разделе B рассматривается вопрос об имущественных правах как основе для природоохранной деятельности. В разделе C приводится обзор прочих норм, регулирующих режим оккупации, которые имеют значение с точки зрения защиты окружающей среды. Глава II посвящена теме взаимодополняемости между нормами, регулирующими режим оккупации, и стандартами в области прав человека с уделением особого внимания праву на здоровье. В главе III анализируется вопрос о взаимодополняемости между нормами, регулирующими режим оккупации, и международным экологическим правом. В главе IV содержатся новые проекты принципов, предлагаемые в настоящем докладе, а глава V посвящена будущей работе по данной теме.

18. Для целей удобства ознакомления восемь проектов принципов, принятых в предварительном порядке Комиссией на сегодняшний день, а также девять проектов принципов, принятых в предварительном порядке Редакционным комитетом, прилагаются к настоящему докладу.

I. Защита окружающей среды с точки зрения правовых норм, регулирующих режим оккупации

A. Понятие оккупации

19. Ситуации, связанные с военной оккупацией, рассматриваются в праве вооруженных конфликтов в качестве одной из особых форм международного вооруженного конфликта. В данной связи следует напомнить о том, что момент завер-

[68] Draft articles on the effects of armed conflicts on treaties, with commentaries, *Yearbook ...* 2011, vol. II (Part Two), pp. 107–130, paras. 100–101.

[69] Предварительный доклад Специального докладчика г-жи Мари Якобссон, A/CN.4/674 и Corr.1, пункт 62.

шения международного вооруженного конфликта определяется общим окончанием военных действий[70], а в случае с оккупацией – окончанием оккупации [71]. Ситуации, связанные с оккупацией, регламентируются особыми положениями права вооруженных конфликтов. Вместе с тем с практической точки зрения ситуации, связанные с оккупацией, во многом отличаются от вооруженных конфликтов. Самое важное отличие состоит в том, что активные боевые действия в период оккупации, как правило, не ведутся; ситуации, связанные с оккупацией, могут возникать даже в таких условиях, когда вооруженные силы, осуществляющие вторжение, не встречают вооруженного сопротивления[72]. Установленные правила, касающиеся продолжительности оккупации, отсутствуют, а ситуации, связанные с оккупацией, могут носить самый разнообразный характер. В частности, длительная оккупация может «по своему характеру приближаться к мирному времени»[73]. Тем не менее кратковременные периоды в ходе вооруженного конфликта, в течение которых управление на части территории одного государства осуществляется другим государством, также может расцениваться как оккупация[74]. В течение периода оккупации оккупирующее государство может столкнуться с вооруженным сопротивлением и даже временно утратить контроль над частью оккупированной территории, но связанная с этим ситуация попрежнему будет характеризоваться как оккупация[75]. Вместе с тем в большинстве случаев фаза военных действий и фаза оккупации рассматриваются отдельно друг от друга и регламентируются различными правилами. В данной связи можно говорить о том, что оккупация представляет собой промежуточную стадию между миром и войной[76].

---

[70] Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Конвенция IV), статья 6. В соответствии с пунктом 3 этой статьи на оккупированной территории применение Конвенции прекращается через год после общего окончания военных действий, однако оккупирующая держава «в той степени, в которой она осуществляет функции правительства на этой территории», продолжает быть связана рядом положений.

[71] Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 1977 год (Протокол I), статья 3(b). Данное положение официально заменяет «правило одного года» для участников Дополнительного протокола I (UK Ministry of Defence *The Manual of the Law of Armed Conflict*, Oxford University Press, 2004, p. 277, para. 11.8); см. также: R. Kolb and S. Vité, *Le droit de l'occupation militaire. Perspectives historiques et enjeux juridiques actuels*, (Bruxelles: Bruylant, 2009), p. 166.

[72] Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Конвенция IV), статья 2, пункт 2.

[73] A. Roberts, "Prolonged military occupation: the Israeli-occupied territories since 1967", *American Journal of International Law,* Vol. 84 (1990), pp. 44–103, p. 47. В статье упоминаются несколько ситуаций, которые имели место после окончания Второй мировой войны и были связаны с оккупацией, продолжавшейся более пяти лет.

[74] Комиссия по рассмотрению взаимных претензий Эфиопии и Эритреи указывала: "с одной стороны, район, в котором продолжаются боевые действия и атакующие силы еще не установили контроль, обычно не может считаться оккупированным… .С другой стороны, когда боевые действия не происходят в районе, контролируемым даже в течение всего нескольких дней вооруженными силами неприятельской державы, по мнению Комиссии, должны применяться правовые нормы, применимые к оккупированной территории ." *Partial Award: Central Front - Eritrea's Claims 2, 4, 6, 7, 8 & 22*, 28 April 2004, *UNRIAA* vol. XXVI pp. 115–53, para. 57.

[75] ICRC, Commentary of 2016 to article 2 of the Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field (Convention I), para. 302 (URL: www.icrc.org). См. аналогично: *The Manual of the Law of Armed Conflict* (сноска 71 выше), p. 277, para. 11.7.1.

[76] Kolb and Vité (см. сноску 71 выше), p. 114: "le régime de l'occupation reste principalement un droit de transition de la guerre vers la paix". Международный трибунал по бывшей Югославии характеризовал эту ситуацию как "a transitional period following invasion and preceding the agreement on the cessation of the hostilities" (*The Prosecutor v. Mladen*

20. Устоявшееся толкование понятия «оккупация» основывается на статье 42 Гаагского положения 1907 года, в соответствии с которой «территория признается занятою, если она действительно находится во власти неприятельской армии. Занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность». Данное определение распространяется на ситуации, при которых власть на определенной территории передается от государства территориальной юрисдикции (без его согласия) оккупирующему государству; оно распространяется также на территории с неопределенным статусом, перешедшие под иностранное управление[77]. Определение, содержащееся в статье 42, было подтверждено Международным Судом и Международным трибуналом по бывшей Югославии, которые называли его единственным критерием наличия ситуации, связанной с оккупацией, в рамках права вооруженных конфликтов[78]. Хотя определение 1907 года относится к классическому понятию военной оккупации[79], на сегодняшний день оно охватывает «широкий диапазон ситуаций, при которых вооруженные силы того или иного государства или нескольких государств временно осуществляют управление на населенной территории, находящейся вне пределов признанных международных границ упомянутого государства»[80].

21. Основным характерным признаком ситуации, описанной в статье 42, является эффективный контроль, который рассматривается как необходимое условие оккупации[81]. Таким образом, в данной связи недостаточно, чтобы вооруженные силы оккупирующего государства физически вошли на оккупированную территорию в отсутствие юридически действительного согласия местных органов власти. Согласно решению Международного Суда по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго» необходимо было, чтобы «вооруженные силы Уганды в [Демократической Республике Конго] не только были дислоцированы в определенных местах, но и заменили власть правительства Конго своей собственной властью»[82]. Власть в данном контексте рассматривается как практическое понятие; оккупация «приводит к передаче оккупационной администрации не суверенитета, а всего лишь полномочий по осуществлению некоторых прав, связанных с суверенитетом»[83]. Содержание понятия «эффективный контроль» для целей зачисления ситуации в категорию связанных с оккупацией зависит от конкретной обстановки на местах[84]. Полный и постоянный контроль над всей

Naletilić, aka "TUTA" and Vinko Martinović, aka "ŠTELA", Case No. IT-98-34-T, Judgment of 31 March, 2003, Trial Chamber, para. 214.

[77] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004, p. 136, at pp. 174–175, para. 95.*

[78] *Ibid.,* para. 78*; Prosecutor v. Naletilić and Martinović* (см. сноску 76 выше)*,* para. 215. См. также: ICRC, Commentary of 2016 to article 2 ... (см. сноску 75 above), para. 298.

[79] См. E. Benvenisti, “Occupation, belligerent”, para. 1, *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*; URL: www.mpepil.com.

[80] A. Roberts, “Occupation, military, termination of”, para. 3, *Ibid.*. См. также: A. Roberts, “What is a military occupation?”, *British Yearbook of International Law*, vol. 55, No. 1 (1985), pp. 249–305.

[81] Y. Dinstein, *The International Law of Belligerent Occupation*, (Cambridge University Press, 2009), p. 43.

[82] *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Judgment, I.C.J. Reports 2005*, p. 168, at p. 230, para. 173. См. также: *The Manual of the Law of Armed Conflict* (сноска 71 выше), p. 275, para. 11.3.

[83] *United States Department of Defense Law of War Manual*, June 2015, updated December 2016 (*United States Law of War Manual*), sect. 11.4, pp. 752–754. См. также: K. Dörmann and H.-P. Gasser , “Protection of the Civilian Population”, in D. Fleck (ed.), *The Handbook of International Humanitarian Law*, 3rd ed., Oxford University Press, 2013, pp. 231–320, at p. 274, para. 529.

[84] Включая, например, условия местности, плотность населения и степень сопротивления; см. Dinstein (сноска 81 выше), p. 43–44; и *United States Department of Defense Law of*

территорией или частью территории оккупированного государства не требуется при том условии, что оккупирующее государство установило там свою власть и сохраняет способность осуществлять такую власть[85]. После того, как власть оккупирующего государства установлена в отношении определенной сухопутной территории, считается также, что она распространяется на прилегающие морские районы, а также на вышележащее воздушное пространство[86].

22. Хотя в целом и признается, что момент завершения оккупации определяется с использованием тех же самых критериев, что и в случае с ее началом (присутствие сил противника, способных осуществлять эффективный контроль, лишение правоспособности субъекта территориального суверенитета)[87], зачастую завершение оккупации становится результатом постепенного процесса[88]. Так, например, выход Израиля из Газы в 2005 году породил различные правовые оценки. Одни специалисты утверждают, что речь идет просто о продолжении оккупации[89], вторые говорят о переходе к другим правовым режимам[90], а третьи – о сохранении актуальности некоторых аспектов норм, регулирующих режим оккупации. Так называемый «функциональный подход» предполагает допустимость поэтапного применения норм, регулирующих режим оккупации, с учетом характера и масштабов контроля, который осуществляется оккупирующим государством[91]. МККК соглашается с тем, что «в некоторых конкретных и исключительных ситуациях», при которых иностранные вооруженные силы покидают оккупированную территорию, но при этом сохраняют за собой основные прерогативы власти или же иные важные функции управления, аналогичные

War Manual (см. сноску выше), sect. 11.2.2.1, p. 746. См. также: *Prosecutor v. Naletilić and Martinović* (см. сноску 76 выше), para. 218; Судебная палата постановила, что вопрос о том, была ли установлена требуемая степень контроля в определенные периоды времени в тех или иных местах, должен решаться ею с учетом обстоятельств каждого конкретного случая.

[85] ICRC, Commentary of 2016 to article 2... (см. сноску 75 выше), para. 302. См. также: *The Manual of the Law of Armed Conflict* (сноска 71 выше), p. 275, para. 11.3.

[86] *Manual of the Laws of Naval War*, Oxford, 9 August 1913, Section VI, art. 88; URL: https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/265?OpenDocument; Dinstein (сноска 81 выше), p. 47; E. Benvenisti, *The International Law of Occupation*, 2nd ed., Oxford University Press, 2012, p. 55 (обсуждаются действия нескольких оккупирующих государств); а также: M. Sassòli, "The concept and the beginning of occupation", *в* A. Clapham, P. Gaeta and M. Sassòli (eds.), *The 1949 Geneva Conventions: a Commentary*, Oxford University Press, 2015, pp. 1389–1419, at p. 1396.

[87] Kolb and Vité (см. сноску 71 выше), p. 15; and ICRC, Commentary of 2016 to article 2... (см. сноску 75), para. 306.

[88] Roberts, "Occupation, military, termination of" (см. сноску 80 выше); и ICRC, Commentary of 2016 to article 2... (см. сноску 75), para. 305.

[89] Dinstein (Динстайн) рассматривал «утверждения Израиля о том, что он волен в любой момент, используя военные средства, вновь по своему усмотрению установить контроль над любой частью сектора Газа», как «наиболее убедительное свидетельство того, что оккупация не закончилась» (см. Dinstein (сноска 81 выше), p. 279, para. 670).

[90] Kolb and Vité (Колб и Вите) утверждают, что подобные ситуации регламентируются не нормами, регулирующими режим оккупации, а другими правовыми режимами, имея в виду, в частности, стандарты в области прав человека (см. сноску 71 выше, p.182).

[91] A. Gross, *The Writing on the Wall: Rethinking the International Law of Occupation*, Cambridge University Press, 2017. См. также: Gross, "Rethinking occupation: the functional approach", Opinio Juris (April 23, 2012); URL:www.opiniojuris.org/2012/04/23/symposium-on-the-functional-approach; and T. Ferraro, "Determining the beginning and end of an occupation under international humanitarian law", *International Review of the Red Cross,* vol. 94, No. 885 (Spring 2012), pp. 139–163.

функциям, которые обычно принимает на себя оккупирующая держава, «в территориальных и функциональных пределах этих юрисдикций могут по-прежнему применяться правовые нормы, регулирующие режим оккупации»[92].

23. В Комментарии МККК от 2016 года по общей статье 2 Женевских конвенций о защите жертв войны излагаются три общих условия, которые должны быть соблюдены для того, чтобы можно было установить наличие состояния оккупации по смыслу международного гуманитарного права:

- «вооруженные силы государства физически находятся на иностранной территории без согласия уполномоченных местных органов власти, осуществлявших управление на момент вторжения;
- уполномоченные местные органы власти, осуществлявшие управление на момент вторжения, были или могут быть полностью или в значительной мере лишены способности выполнять свои властные функции в результате несогласованного присутствия иностранных вооруженных сил;
- иностранные вооруженные силы способны осуществлять управление соответствующей территорией (или ее частями), заменяя собой местные органы власти»[93].

24. В настоящем документе это определение воспроизводится для информации. Комиссия пока еще не приняла решение о необходимости рассмотрения вопроса об употреблении терминов в контексте проектов принципов. Временные определения понятий «вооруженный конфликт» и «окружающая среда» были включены в предварительный доклад предыдущего Специального докладчика[94]. В основу обоих определений легла работа, проделанная Комиссией ранее: определение вооруженного конфликта содержится в проектах статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров[95], а определение окружающей среды – в проектах принципов, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности[96]. В случае с определением понятия «оккупация» аналогичного прецедента в работе, проделанной Комиссией ранее, не было. На случай, если будет принято решение включить в текст проектов принципов упомянутое определение вооруженного конфликта, следует также отметить, что в его оригинальном варианте предполагалось его распространение на ситуации, связанные с оккупацией[97].

25. Зачастую вопрос о том, является ли та или иная территория оккупированной, становится предметом дискуссий, в том числе в ситуациях, когда для целей осуществления контроля над оккупированной территорией оккупирующее государ-

---

[92] ICRC, Commentary of 2016 to article 2... (см. сноску 75 выше), para. 307.
[93] *Ibid.*, para. 304.
[94] Предварительный доклад Специального докладчика г-жи Мари Якобссон, A/CN.4/674 и Corr.1, пункт 78, («вооруженный конфликт»), и пункт 86 («окружающая среда»).
[95] Проекты статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров с комментариями (*Yearbook ...* 2011, vol. II (Part Two), статья 2(b) (pp. 110-111).
[96] Проекты принципов, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности, с комментариями (*Yearbook ...* 2006, vol. II, (Part Two), принцип 2(b).
[97] Комиссия сочла «желательным, чтобы определение распространялось на ситуации вооруженного конфликта в отсутствие военных действий между сторонами. Таким образом, определение включает в себя оккупацию территории, которая не встречает вооруженного сопротивления». (*Yearbook ...* 2011, vol. II (Part Two), p. 110.

ство опирается на местных ставленников, переходное правительство или повстанческие группы[98]. Вместе с тем общепризнано, что правовые нормы, регулирующие режим оккупации, применимы и к таким случаям, при том условии, что местные ставленники, выступающие от имени государства, осуществляют эффективный контроль над оккупированной территорией[99]. Возможность подобной «непрямой оккупации» признавалась Международным трибуналом по бывшей Югославии, указывавшим на обстоятельства, при которых «иностранная держава «оккупирует» определенную территорию или действует на ней исключительно через посредничество местных органов или агентов, осуществляющих властные функции де-факто»[100]. Представляется, что и Международный Суд в своем решении по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго» признал, что Уганда являлась бы «оккупирующей державой» применительно к районам, находившимся под контролем и управлением конголезских повстанческих групп, если бы эти негосударственные вооруженные группы находились «под контролем» Уганды[101]. Кроме того, Европейский суд по правам человека подтвердил, что обязательство одного из государств-участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейской конвенции по правам человека) по соблюдению предусмотренных Конвенцией прав и свобод в районе, находящемся за пределами его национальной территории, в отношении которого оно осуществляет эффективный контроль, «вытекает из самого факта такого контроля вне зависимости о того, осуществляется ли он непосредственно им самим, через его вооруженные силы или через подчиненную ему местную администрацию»[102].

26. Правовые нормы, регулирующие режим оккупации, применимы ко всем ситуациям, которые с фактической точки зрения удовлетворяют требованию наличия эффективного контроля над иностранной территорией вне зависимости от того, ссылается ли оккупирующее государство на правовой режим оккупации[103].

---

[98] Roberts, «Prolonged military occupation...” (см. сноску 73 выше), p. 95; Dörmann and Gasser, (сноска 83 выше), p. 272.

[99] Benvenisti, *The International Law of Occupation* (см. сноску 86 выше), p. 61–62. Аналогично: ICRC, *Expert Meeting: Occupation and other Forms of Administration of Foreign Territory*, 2012, pp. 10 and 23 (теория «непрямого эффективного контроля» была встречена с одобрением). См. также *The Manual of the Law of Armed Conflict* (сноска 71 выше), p. 276, para. 11.3.1 («вероятно, применима»); Kolb and Vité (см. сноску 71 выше), p. 181; и ICRC, Commentary of 2016 to article 2... (см. сноску 75), paras. 328–332.

[100] См. *Prosecutor v. Duško Tadić* a/k/a *“Dule”, Case No. IT-94-1-A, Opinion and Judgment* of 7 *May 1997*, Trial Chamber, International Tribunal for the Former Yugoslavia, para. 584. См. также: *Prosecutor v. Tihomir Blaskić , Case No. IT-95-14-T, Judgment of 3 March 2000* (Судебная палата, Международный трибунал по бывшей Югославии), paras. 149–150.

[101] *Armed Activities on the Territory of the Congo* (сноска 82 выше), p. 231, para. 177. См. также особое мнение судьи Кооймансa (*ibid.*, p. 317, para. 41).

[102] *Loizidou v. Turkey, Application No. 15318/89, Judgment (Merits) of 18 December 1996*, Grand Chamber, European Court of Human Rights, *Reports of Judgments and Decisions 1996-VI*, para. 52: “ответственность Договаривающейся стороны может также наступать, когда вследствие военных действий - законных или незаконных – она осуществляет эффективный контроль над районом за пределами своей национальной территории. Обязанность обеспечивать в таком районе соблюдение прав и свобод, предусмотренных в Конвенции, проистекает из факта такого контроля, независимо от того, осуществляется ли он косвенно, с помощью ее вооруженных сил или подчиненной местной администрации ”.

[103] *The Hostages Trial: Trial of Wilhelm List and Others*: “[w]hether an invasion has developed into an occupation is a question of fact” (*Case No. 47*, United States Military Tribunal at Nuremberg, *Law Reports of Trial of War Criminals*, vol. VIII, London, United Nations War Crimes Commission, 1949, p. 55. См. также: *Armed Activities on the Territory of the Congo* (сноска 82 выше), p. 230, para. 173; *Prosecutor v. Naletilić and Martinović* (см. сноску 76 выше), para. 211; и ICRC, Commentary of 2016 to article 2... (см. сноску 75 выше), para. 300.

Подобные случаи встречаются нечасто[104]. Таким образом, хотя число случаев реального применения государствами правовых норм, регулирующих режим оккупации, является крайне ограниченным (наиболее известные примеры подобного рода – оккупированные палестинские территории в период после 1967 года, а также Ирак в 2003-2004 годах), имеется определенный свод решений по данному вопросу, принятых международными и региональными судебными органами, включая консультативное заключение Международного Суда по вопросу о правовых последствиях строительства стена на оккупированной палестинской территории[105] и его решение по делу («Вооруженная деятельность на территории Конго», несколько решений Европейского суда по правам человека, включая, в частности, решения по Северному Кипру и Нагорному Карабаху[106], а также решения Комиссии по рассмотрению взаимных претензий Эфиопии и Эритреи[107] и ряд решений по делам, рассматривавшимся после завершения Второй мировой войны[108]. Имеются также ситуации, которые были квалифицированы как связанные с оккупацией Советом Безопасности или Генеральной Ассамблеей[109]. В последующем тексте доклада такие ситуации упоминаются в той мере, в которой они проливают свет на изучаемую тему. Кроме того, иногда приводятся ссылки на соответствующую практику учреждений системы Организации Объединенных Наций.

---

[104] Проанализировав 14 различных ситуаций, связанных с оккупацией, в период после 70-х годов, Бенвенисти приходит к выводу о том, что оккупационная власть, как правило, не ссылается на нормы, регулирующие режим оккупации, в качестве источника своих властных полномочий (Benvenisti, *The International Law of Occupation* (см. сноску 86 выше), pp. 167–202). Другой автор насчитал 19 случаев оккупации, отвечающих критериям Гаагского положения, в период с 1945 по 2006 годы; см. G. H. Fox, “Exit and military occupations”, in R. Caplan (ed.), *Exit Strategies and State Building*, Oxford University Press, 2012, pp. 197–223.

[105] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory* (см. сноску 77 выше).

[106] См., например, Loizidou v. Turkey*, Application No. 15318/89, Preliminary Objections, Judgment of 23 March 1995*, European Court of Human Rights, *Series A: Judgments and Decisions*, vol. 310, и *Judgment (Merits) of 18 December 1996* (сноска 102 выше); Cyprus v. Turkey*, Application No. 25781/94, Judgment of 10 May 2001*, Grand Chamber, European Court of Human Rights, Reports of Judgments and Decisions 2001-IV, p. 1; и Chiragov and Others v. Armenia*, Application No. 13266/05, Judgment (Merits) of 16 June 2015*, Grand Chamber, European Court of Human Rights, Reports of Judgments and Decisions 2015.

[107] См., например, Eritrea–Ethiopia Claims Commission, *Partial Award: Central Front–Eritrea’s Claims 2, 4, 6, 7, 8 & 22* (сноска 74 выше).

[108] См., например, *“The Krupp Case”, Case No. 10, Judgment of 31 July 1948*, United States Military Tribunal at Nuremberg, *Law Reports of Trial of War Criminals*, vol. IX, London, United Nations War Crimes Commission, 1950, p. 1340; *Prosecutor v. Hermann Wilhelm Göring* et al. , *Judgment of 1 October 1946,* International Military Tribunal, *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal*, vol. 1, Nuremberg, 1947; and *Prosecutor v. E. W. Bohle* et al., *Judgment of 14 April 1949*, International Military Tribunal, *Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10*, vol. XIV, Washington D.C., United States Government Printing Office, 1952.

[109] См., например, резолюции Генеральной Ассамблеи 34/37 от 21 ноября 1979 года и 35/19 от 11 ноября 1980 года по вопросу о Западной Сахаре; резолюции Генеральной Ассамблеи 37/6 от 28 октября 1982 года и 44/22 от 16 ноября 1989 года о ситуации в Кампучии; резолюции Совета Безопасности 269 (1969) от 12 августа 1969 года и 276 (1970) от 30 января 1970 года о ситуации в Намибии); резолюция 822 (1993) Совета Безопасности от 30 апреля 1993 года по Нагорному Карабаху; резолюция 853 (1993) Совета Безопасности от 29 июля 1993 года по Армении/Азербайджану; и резолюция 687 (1991) Совета Безопасности от 3 апреля 1991 года по Ираку/Кувейту.

B. Защита окружающей среды через механизм имущественных прав

27. Нормы, регулирующие режим оккупации, представляют собой конкретный корпус правовых норм, являющийся частью права вооруженных конфликтов, в состав которого, согласно общепринятой классификации, входят право нейтралитета, нормы, регулирующие режим оккупации, и международное гуманитарное право[110]. Особые правила, касающиеся оккупации, содержатся в Гаагском положении 1907 года и в части III раздела III Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Конвенции IV), озаглавленной «Оккупированные территории». Кроме того, согласно положениям общей статьи 2 Женевских конвенций о защите жертв войны все четыре конвенции в полной мере применимы к ситуациям, связанным с оккупацией[111]. Считается, что Гаагское положение кодифицирует нормы обычного международного права[112], а четыре Женевские конвенции были ратифицированы всеми государствами[113]. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) применим к ситуациям, связанным с оккупацией, в той мере, в которой они касаются его государств-участников[114].

28. Изложенные ниже соображения ограничиваются вопросами, касающимися защиты окружающей среды в условиях оккупации, и не затрагивают весь комплекс прочих аспектов норм, регулирующих режим оккупации. Конкретные аспекты, которые будут обсуждаться в связи с вопросом об оккупации, касаются, во-первых, имущественных прав; во-вторых – некоторых охраняемых объектов; и, в-третьих, - общего обязательства оккупирующего государства в том, что касается восстановления и поддержания общественного порядка и безопасности на оккупированной территории. Несмотря на то, что основной целью соответствующих положений является, в зависимости от обстоятельств, обеспечение имущественных и эксплуатационных прав и экономических интересов или же выживания и благосостояния гражданского населения, косвенным образом они также способствуют защите окружающей среды. Аналогичная тенденция прослеживается и применительно к стандартам в области прав человека. В решениях Межамериканского суда по правам человека право на собственность было увязано с защитой окружающей среды, особенно в том, что касается земель коренных народов[115].

29. Согласно преобладающей на сегодняшний день точке зрения некоторые конкретные положения об имущественных правах, являющиеся частью корпуса

---

[110] Вместе с тем понятия «право вооруженных конфликтов» и «международное гуманитарное право» во многих случаях используются на взаимозаменяемой основе.

[111] Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Конвенция IV), статья 2, пункт 2: «Конвенция будет применяться также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления».

[112] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory* (см. сноску 77 выше), p. 172, para. 89; and *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 82 выше), pp. 243–244, para. 217. См. также: International Military Tribunal, *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal*, vol. XXII, Nuremberg, 1948, p. 497.

[113] См. https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl-search.nsf/content.xsp.

[114] Пункт 3 статьи 1 предусматривает, что Протокол «применяется при ситуациях, упомянутых в статье 2, общей для [Женевских] конвенций».

[115] Indigenous and Tribal Peoples' Rights over Their Ancestral Lands and Natural Resources, Norms and Jurisprudence of the Inter-American Human Rights System, OEA/Ser.L/V/II., Doc. 56/09, 30 December 2009, paras. 194 and 215.

норм, которые регулируют режим оккупации, применяются и к природным ресурсам, которые рассматриваются в качестве «собственности, находящейся на оккупированной территории». В частности, именно об этом идет речь в статье 55 Гаагского положения, которая является основным нормативным источником, регламентирующим порядок действий оккупирующего государства по управлению природными ресурсами оккупированной территории. В статье 55 излагается так называемое «право пользовладения», которое касается ограничений на использование оккупирующим государством недвижимой государственной собственности на оккупированной территории:

«Государство, занявшее область, должно признавать за собою лишь права управления и пользовладения по отношению к находящимся в ней и принадлежащим неприятельскому Государству общественным зданиям, недвижимостям, лесам и сельскохозяйственным угодьям. Оно обязано сохранять основную ценность этих видов собственности и управлять ими согласно правилам пользовладения».

30. В целом признается, что перечисление в статье 55 «общественных зданий, недвижимостей, лесов и сельскохозяйственных угодий» не является исчерпывающим, а применяется ко всем видам недвижимой государственной собственности, которая не используется в военных целях[116]. Уходящая своими корнями в римское право концепция пользовладения («узуфрукта»), которая по-латыни буквально означает «извлечение пользы из собственности», определяется как право на пользование активами, принадлежащими другим собственникам, и на получение выгоды от этих активов без нарушения их целостности[117]. Несмотря на упоминание «плодов», которое можно истолковать как ограничительное, традиционно считается, что это право распространяется на эксплуатацию всех видов природных ресурсов, включая невозобновляемые. Таким образом, считается, что права пользовладения позволяют оккупирующему государству «арендовать или использовать государственные земли или здания, продавать урожаи сельскохозяйственных культур, вырубать лес и продавать древесину, эксплуатировать шахты»[118], а также пользоваться «плодами» местной государственной собственности в иных целях.

31. Помимо этого, признается, что оккупирующее государство несет определенные обязательства в отношении защиты природных ресурсов оккупированной территории. По мнению Оппенгейма, оккупирующему государству «запрещено осуществлять свое право нерачительным или ненадлежащим образом, вследствие чего может уменьшиться экономическая ценность фауны и флоры»; оно «обязано не допускать сплошной вырубки лесов, если только его не принуждает

---

[116] См., например, *The Manual of the Law of Armed Conflict* (сноска 71 выше), p. 303, para. 11.86.

[117] См. Part II of the law relating to real rights, chapter VI “Of usufruct, use, and habitation”, in T. MacKenzie, *Studies in Roman Law with Comparative Views of the Laws of France, England, and Scotland*, 2nd ed., Edinburgh and London, William Blackwood and Sons, 1880, pp. 181–182. Анализ правил пользовладения в гражданско-правовых юрисдикциях см. E. R. Cummings, “Oil resources in occupied Arab territories under the law of belligerent occupation”, *Journal of International Law and Economics*, vol. 9, No. 3 (December 1974), pp. 533–593.

[118] E. H. Feilchenfeld, *The International Economic Law of Belligerent Occupation*, Washington D.C., Carnegie Endowment for International Peace, 1942, p. 55. См. также: L. Oppenheim, *International Law: a Treatise*, vol. II, *War and Neutrality*, 2nd ed., London, Longmans, Green and Co., 1912, p. 175; и G. von Glahn, *The Occupation of Enemy Territory: a Commentary on the Law and Practice of Belligerent Occupation*, Minneapolis, The University of Minnesota Press, 1957, p. 177. См. аналогично: *The Manual of the Law of Armed Conflict* (сноска 71 выше), p. 303.

к этому военная необходимость»[119]. Фон Глан подчеркивает, что оккупирующему государству «не позволено эксплуатировать недвижимость более интенсивно, нежели в обычном режиме, а также вести более активную вырубку лесов, чем это делалось в период до начала оккупации»[120]. Стоун считает, что правила пользовладения запрещают «нерачительные или небрежные действия, наносящие ущерб капитальному имуществу, будь то чрезмерно интенсивные лесозаготовки или добыча полезных ископаемых, а также другие виды бесконтрольной эксплуатации ресурсов, противоречащие правилам эффективного ресурсосбережения»[121]. В литературе за прошлые годы, где анализируется деятельность в период до начала Второй мировой войны, в также в течение самой этой войны, в целом считается, что оккупирующее государство должно заниматься разработкой природных ресурсов лишь в том объеме, в котором это обусловлено военной необходимостью[122].

32. В 70-е годы началось обсуждение вопросов, касающихся точных пределов юридических прав оккупирующего государства в отношении разработки невозобновляемых ресурсов, и в частности нефти. Обсуждения сосредоточились на вопросе о том, имеет ли оккупирующее государство право наращивать добычу ресурсов до уровней, превышающих аналогичные показатели за период до начала оккупации, или же открывать новые шахты или скважины. Те, кто давал на этот вопрос положительный ответ, ссылались на увеличение экономической ценности активов[123], преимущества, связанные с применением новых технологий[124], и нужды местных жителей[125]. Тем не менее в целом такая деятельность рассматривалась как выходящая за рамки полномочий оккупирующего государства как временного управляющего территорией[126]. Несмотря на то, что вопрос о возможности более активной разработки ограниченных ресурсов имеет и определенное экологическое измерение[127], основной темой прошедших обсуж-

---

[119] Oppenheim (см. сноску выше), p. 175.

[120] Von Glahn (см. сноску 118 выше), p. 177.

[121] J. Stone, *Legal Controls of International Conflict: a Treatise on the Dynamics of Disputes and War-Law*, London, Stevens and Sons Limited, 1954, p. 714.

[122] См., например, Feilchenfeld, (сноска 118 выше), p. 55–56; and M. S. McDougal and F. P. Feliciano, *Law and Minimum World Public Order: the Legal Regulation of International Coercion*, New Haven, Yale University Press, 1961, p. 823.

[123] A. Gerson, “Off-shore oil exploration by a belligerent occupant: the Gulf of Suez dispute”, *American Journal of International Law*, vol. 71, No. 4 (October 1977), pp. 725–733.

[124] Dinstein (см. сноску 82 выше), p. 214; and R. D. Langenkamp and R. J. Zedalis, “What happens to the Iraqi oil? Thoughts on some significant, unexamined international legal questions regarding occupation of oil fields”, *European Journal of International Law*, vol. 14, No. 3 (2003), pp. 417–435.

[125] Dinstein (см. сноску 81 выше), p. 216, para. 510.

[126] M. Leigh, “Department of State memorandum on law on Israel’s right to develop oil fields in Sinai and the Gulf of Suez”, *International Legal Materials*, vol. 16, No. 3 (1977), p. 733–753; B. M. Clagett and O. T. Johnson, Jr., “May Israel as a belligerent occupant lawfully exploit previously unexploited oil resources of the Gulf of Suez?”, *American Journal of International Law*, vol. 72, No. 3 (1978), pp. 558–[585]; Cummings (сноска 118 выше); A. Cassese, “Powers and duties of an occupant in relation to land and natural resources”, *in* E. Playfair (ed.), *International Law and the Administration of Occupied Territories: Two Decades of Israeli Occupation of the West Bank and Gaza Strip*, Oxford University Press, 1992, pp. 419–442; and I. Scobbie, “Natural resources and belligerent occupation: perspectives from international humanitarian and human rights law” *in* S. Akram *et al*. (eds.), *International Law and the Israeli–Palestinian Conflict: a Rights-based Approach to Middle East Peace*, Abingdon, Routledge, 2011.

[127] Анализ вопроса об экологических последствиях деятельности в сфере добывающей промышленности см. доклад Специального докладчика по вопросу об обязательствах в области прав человека, связанных с экологически обоснованным регулированием и

дений стало распределение ресурсов. Тем не менее в последние годы, параллельно с формированием общих правовых рамок, регламентирующих разработку и сбережение природных ресурсов, экологические факторы стали привлекать более пристальное внимание в качестве одного из аспектов обязанности оккупирующего государства по «сохранению капитала». Высказывались мнения о том, что для того, чтобы обеспечить соблюдение положений статьи 55, оккупирующему государству необходимо «установить контроль над природными ресурсами на территории соответствующего района, обеспечить их защиту от чрезмерно интенсивной эксплуатации и антропогенных нагрузок, а также их справедливое и рациональное распределение между различными местными пользователями»[128], а также о том, что обязанности оккупирующего государства включают в себя «обеспечение устойчивого природопользования и охраны окружающей среды»[129]. Более подробно эти аргументы рассматриваются в главе III.

33. На толкование статьи 55 влияет также и принцип неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами. Этот принцип, закрепленный как в Международном пакте о гражданских и политических правах[130], так и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах[131], гласит: «Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования». Этот принцип также нашел свое отражение в ряде резолюций Генеральной Ассамблеи[132]. Тот факт, что он вытекает из норм обычного права, подтвердил Международный Суд[133]. Что касается значения понятия «неотъемлемый суверенитет над природными ресурсами», то оно претерпело примерно такую же эволюцию, что и международное право природных ресурсов в целом: на передний план в том, что касается его толкования, выдвинулись экологические аспекты и фактор устойчивости[134].

удалением опасных веществ и отходов Калина Георгеску (A/HRC/21/48). См. также P. Lujala and S. Aas Rustad (eds.), *High-Value Natural Resources and Post-Conflict Peacebuilding*, Abingdon, Earthscan, 2012.

[128] Benvenisti, *The International Law of Occupation* (см. сноску 86 выше), p. 81. См. также: E. Benvenisti, “Water conflicts during the occupation of Iraq”, *The American Journal of International Law*, vol. 97, No. 4 (October 2003), pp. 860–872, at p. 870. См. аналогично: D. Dam-de Jong, *International Law and Governance of National Resources in Conflict and Post-Conflict Situations*, Cambridge University Press, 2015, p. 228–229.

[129] M. Bothe, “The administration of occupied territory”, *в* A. Clapham, P. Gaeta and M. Sassòli (eds.) *The 1949 Geneva Conventions: a Commentary*, Oxford University Press, 2015, pp. 1455–1484, at p. 1467. См. также: B. Saul, “The Status of Western Sahara as occupied territory under international humanitarian law and the exploitation of natural resources”, *Global Change, Peace and Security*, vol. 27, No. 3 (2015), pp. 301–322, at p. 319.

[130] Статья 1, пункт 2.

[131] Статья 1, пункт 2.

[132] См. резолюции Генеральной Ассамблеи 1803 (XVII) от 14 декабря 1962 года, 3201 (S.VI) от 1 мая 1974 года (Декларация об установлении нового международного экономического порядка) и 3281 (XXIX) от 12 декабря 1974 года (Хартия экономических прав и обязанностей государств).

[133] *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 82 выше), pp. 251–252, para. 244.

[134] См. N. Schrijver, *Sovereignty over Natural Resources: Balancing Rights and Duties*, Cambridge University Press, 1997, pp. 120–140 and 368–395; и V. Barral, “National sovereignty over natural resources: environmental challenges and sustainable development”, *в* E. Morgera and K. Kulovesi (eds.), *Research Handbook on International Law and Natural Resources*, Cheltenham, Edward Elgar, 2016, pp. 3–25, at p. 7.

34. Был поднят ряд вопросов в отношении применимости принципа неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами к ситуациям, связанным с вооруженными конфликтами и оккупацией, в том числе в контексте сделанного Международным Судом в решении по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго» заявления о том, что он не считает данный принцип применимым к «конкретным ситуациям, связанным с мародерством, разграблением и эксплуатацией некоторых видов природных ресурсов военнослужащими армии государства, осуществляющего вооруженное вторжение в другое государство»[135]. Не ясно, следует ли считать это заявление применимым к ситуациям, связанным с вооруженными конфликтами и оккупацией, в целом[136] или же к конкретным обстоятельствам рассматриваемого дела, с учетом того, что случаи мародерства, имевшие место в оккупированном районе Итури Демократической Республики Конго, не рассматривались как следствие государственной политики[137]. Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ссылались на принцип неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами применительно к ситуациям, связанным с вооруженными конфликтами и оккупацией[138]. Было бы также затруднительно совместить идею о неприменимости принципа неотъемлемого суверенитета в условиях оккупации с юридической природой оккупации в качестве формы временного управления, которая не должна затрагивать суверенитет государства территориальной юрисдикции. Кроме того, пользу от данного принципа получают как государства, так и население.

35. Аналогичным образом, к разработке природных ресурсов на оккупированных территориях может быть применен принцип самоопределения, в особенности если речь идет о территориях, не являющихся частью какого-либо признанного государства[139]. В своем консультативном заключении по делу «Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории» Международный Суд указал, что строительство стены, а также другие действия оккупирующего государства «серьезно препятствуют осуществлению народом Палестины своего права на самоопределение»[140]. Право на самоопределение также упоминалось в консультативных заключениях по вопросу о юри-

---

[135] *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 82 выше), pp. 251–252, para. 244. См. также: the declaration of Judge Koroma, para. 11; в этом заявлении судья Корома утверждает, что «эти права и интересы сохраняют актуальность на всех этапах, в том числе в ходе вооруженных конфликтов и оккупации».

[136] Мнение следующих авторов: R. Pereira and O. Gough, “Permanent sovereignty over natural resources in the 21st century: natural resource governance and the right to self-determination of indigenous peoples under international law”, *Melbourne Journal of International Law*, vol. 14, No. 2 (2013), pp. 451–495, at p. 463.

[137] N. Schrijver, “Natural resources, permanent sovereignty over”, para. 18, *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*; документ доступен по ссылке www.mpepil.com.

[138] См., например, резолюция 1291 (2000) Совета Безопасности от 24 февраля 2000 года (о положении в Демократической Республике Конго), преамбула, пункт 4; резолюция 3336 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1974 года (Неотъемлемый суверенитет над национальными ресурсами в оккупированных арабских территориях), пункт 3; и резолюция 71/247 Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2016 года (Постоянный суверенитет палестинского народа на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и арабского населения на оккупированных сирийских Голанах над своими природными ресурсами).

[139] Таких, как несамоуправляющиеся территории, см. статью 73 Устава Организации Объединенных Наций.

[140] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory* (см. сноску 77 выше), para. 122.

дических последствиях для государств, вызываемых продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии»[141] и по делу о Западной Сахаре[142], а также в решении по делу о Восточном Тиморе, в котором Суд подтвердил универсальную применимость этого принципа[143]. Следует отметить, что существенные обстоятельства дела о Восточном Тиморе, в отношении которых Суд с определенностью не высказался, касались законности договора о разработке природных ресурсов в районе Тиморского желоба, который предположительно нарушал право Восточного Тимора на самоопределение и неотъемлемый суверенитет над своим материальным достоянием и природными ресурсами[144].

36. В течение последних десятилетий вопросы, касающиеся использования и охраны водных ресурсов, неоднократно поднимались в связи с ситуациями, связанными с оккупацией. Это неудивительно, если учесть, что две наиболее известные ситуации, связанные с оккупацией (оккупированные палестинские территории начиная с 1967 года и Ирак в период 2003-2004 годов), относятся к региону, в котором ощущается серьезная нехватка воды[145]. Несмотря на то, что в основном юристы комментировали проблемы, связанные со справедливым распределением воды и обеспечением доступа к ней[146], поднимались также и вопросы, касающиеся устойчивости и охраны водных ресурсов[147]. В зависимости от положений национального законодательства оккупированной территории природные ресурсы могут находиться как в государственной, так и в частной собственности. В данной связи статья 55 Гаагского положения является актуальной в тех случаях, когда водные ресурсы считаются государственной недвижимой собственностью. Касательно вопроса о том, является ли вода движимым или недвижимым имуществом, представляется, что, согласно установившейся точке зрения, запасы пресной воды в реках, озерах, на избыточно увлажненных землях и в водоносных пластах являются недвижимым имуществом[148]. В соответствии со статьей 55 оккупирующее государство как пользовладелец несет ответственность за недопущение чрезмерно интенсивной эксплуатации собственности и сохранение ее ценности в долгосрочной перспективе[149]. В данном контексте также может быть упомянут принцип неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами, который подчеркивает ответственность оккупирующего государства за охрану водных ресурсов в целях предотвращения серьезного ущерба для их качества и количества.

---

[141] *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971*, p. 16, at pp. 31–32, paras. 52–53.

[142] *Western Sahara, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1975*, p. 12, at pp. 32–33, paras. 56–59.

[143] *East Timor (Portugal v. Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995*, p. 90, at p. 102, para. 29.

[144] *Ibid.*, p. 104, para. 33.

[145] H. Tropp and A. Jägerskog, *Water Scarcity Challenges in the Middle East and North Africa (MENA)*, Stockholm, International Water Institute, 2006.

[146] G. Abouali, “Natural resources under occupation: the status of Palestinian water under international law”, *Pace International Law Review*, vol. 10, No. 2 (Fall 1998), pp. 411–574; Scobbie (см. сноску 126 выше); and A. Abu-Eid, “Water as a human right: the Palestinian Occupied Territories as an example”, *International Journal of Water Resources Development*, vol. 23, No. 2 (June 2007), pp. 285–301.

[147] UNEP, *Desk Study on the Environment in the Occupied Palestinian Territories* (см. сноску 58 выше), pp. 10–11; and Benvenisti, “Water conflicts during the occupation of Iraq” (см. сноску 128 выше), p. 868.

[148] H. Dichter, “The legal status of Israel’s water policies in the Occupied Territories”, *Harvard International Law Journal*, vol. 35 (1994), pp. 565–594, p. 582; и Cassese (см. сноску 126 выше), p. 426.

[149] Dichter (см. сноску выше), p. 577. См. также: the Berlin Rules on Equitable Use and Sustainable Development of Waters, International Law Association, *Report of the Seventy-First Conference, Berlin, 16–21 August 2004*, London, 2004, p. 334, art. 54.

37. В целом конфискация и эксплуатация собственности допустимы лишь в той мере, в какой это необходимо для покрытия расходов, связанных с оккупацией, а их масштабы «не должны выходить за пределы разумных возможностей экономики страны с ними справиться»[150]. Еще один фактор, ограничивающий масштабы эксплуатации материальных ценностей и природных ресурсов оккупированных территорий, вытекает из характера оккупации как формы временного и не связанного с осуществлением суверенитета управления территорией и не допускает эксплуатации ресурсов оккупированной страны или территории оккупирующим государством для его собственных внутригосударственных целей[151]. Подводя черту под данной темой, Институт международного права указал, что «оккупирующая держава может пользоваться ресурсами оккупированной территории лишь в той мере, в которой это необходимо для выполнения задач, связанных с текущим управлением территорией и удовлетворением основных потребностей населения»[152]. Аналогичным образом, в письме, направленном представителями Соединенного Королевства и Соединенных Штатов в мае 2003 в адрес Совета Безопасности, подчеркивалось, что действия государств-участников коалиции «будут направлены на обеспечение защиты иракской нефти и ее использования на благо народа Ирака»[153]. В данной связи можно также упомянуть дело «Armed Activities on the Territory of the Congo» («Вооруженные действия на территории Конго»), в связи с которым Суд сослался на принцип допустимости разработки природных ресурсов на благо местного населения согласно нормам международного гуманитарного права[154].

38. Как было указано выше, степень защиты, которой пользуется то или иное имущество в соответствии с Гаагским положением, завит от того, является ли это имущество государственным или частным, движимым или недвижимым. Вопрос о государственной движимой собственности затрагивается в пункте 1 статьи 53 Гаагского положения, который гласит: «Армия, занимающая область, может завладеть только деньгами, фондами и долговыми требованиями, составляющими собственность Государства, складами оружия, перевозочными средствами, магазинами и запасами провианта и вообще всей движимой собственностью Государства, могущей служить для военных действий». С учетом изложенных выше ограничений общего характера оккупирующее государство может свободно завладевать государственной движимой собственностью и продавать ее при том условии, что такая собственность может использоваться для военных нужд. Вместе с тем существуют различные точки зрения в отношении того, ограничивается ли действие данного правила имуществом, которое может использоваться непосредственно для военных целей[155], или же распространяется на иму-

---

[150] *Prosecutor v. Hermann Wilhelm Göring* et al. (см. ссылку 109 выше), p. 239.

[151] Singapore, Court of Appeal, N.V. *de Bataafsche Petroleum Maatschappij and Others v. The War Damage Commission*, 13 April 1956, Reports: 1956 Singapore Law Reports, p. 65; перепечатано в *International Law R*eports, vol. 23 (1960), pp. 810–849, p. 822 (*Singapore Oil Stocks* case); и *"The Krupp Case"* (см. сноску 108 выше), p. 1340.

[152] *Institut de Droit International*, Bruges Declaration on the use of force, September 2, 2003.

[153] S/2003/538 (8 мая 2003 года). См. также резолюцию 1483 Совета Безопасности (2003 год), пункт 20, в котором Совет Безопасности постановил, что «все поступления от таких продаж [нефти] будут депонироваться в Фонд развития Ирака до тех пор, пока не будет надлежащим образом создано международно признанное представительное правительство Ирака».

[154] *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 82 выше), p. 253, para. 249.

[155] Stone (см. сноску 121 выше), p. 715. Аналогично: Cummings (см. сноску 118 выше), pp. 575–578 (касательно национальных судебных процессов в связи с военными преступлениями), и Cassese (см. сноску 126 выше), p. 428. См. также: J. G. Stewart, *Corporate War Crimes: Prosecuting Pillage of Natural Resources,* Open Society Justice Initiative, Open Society Foundation, 2011, pp. 55–56 (касательно истории переговоров,

щество, которое возможно использовать для этих целей лишь косвенным образом, например – посредством вырученных от его продажи денежных средств[156]. Несмотря на то, что текст пункта 1 статьи 53 не содержит каких-либо ссылок на природные ресурсы, в целом считалось, что он относится, например, к сырой нефти, извлекаемой из недр земли. Ответ на вопрос о том, могут ли другие полезные ископаемые после их добычи считаться движимой собственностью по смыслу пункта 1 статьи 53, зависит от трактовки их требуемой взаимосвязи с военными операциями. В большинстве случаев полезные ископаемые считаются недвижимой собственностью, если они находятся в недрах земли[157], но при этом имеются определенные разночтения в отношении того, следует ли относить сырую нефть к движимой или недвижимой собственности[158].

39. Частная собственность в условиях оккупации пользуется значительно более серьезной защитой и в целом не подлежит конфискации или изъятию[159]. Пункт 2 статьи 53 Гаагского положения, допускающий изъятие, в частности, «всякого рода боевых припасов», относится как к государственному, так и к частному имуществу, но при этом в большинстве случаев признается, что для того, чтобы имущество могло рассматриваться в качестве «боевых припасов», оно должно быть пригодным для непосредственного использования в военных целях[160]. Другие исключения из этого общего правила включают в себя временное изъятие частного недвижимого имущества для военных целей, а также реквизицию движимого имущества для нужд оккупационной армии[161]. Действия, подпадающие под первое из этих двух исключений, включая, например, изъятие недвижимого имущества для расквартирования войск или проведения военных учений, способны приводить к негативным последствиям для окружающей среды[162]. Кроме того, меры по защите частной собственности, в том числе природных ресурсов, предусмотренные нормами, которые регулируют режим оккупации, способны

связанных с выработкой положения, которое свидетельствует о правильности первой из упомянутых точек зрения).

[156] Oppenheim (см. сноску 118 выше), p. 176, para. 137; von Glahn (см. сноску 118 выше), p. 181; McDougal and Feliciano (см. сноску 122 выше), p. 813; и Dinstein (см. сноску 81 выше), p. 219, para. 517.

[157] *Affaire du Guano (Chili, France), Award of 5 July 1901*, UNRIAA, vol. XV, pp. 77–387, at p. 367.

[158] *Singapore Oil Stocks* case (см. сноску 151 выше; pp. 823–824); в данном решении выражается поддержка той точки зрения, согласно которой сырая нефть является недвижимым имуществом. Аналогично: Cummings (см. сноску 117 выше), p. 558–559; Cassese (см. сноску 126 выше), p. 426; Y. Arai-Takahashi, *The Law of Occupation: Continuity and Change of International Humanitarian Law and its Interaction with International Human Rights law*, Leiden, Brill, 2009, p. 212. Differently: Dinstein (см. сноску 81 выше), p. 216–217, para. 512; и *The Manual of the Law of Armed Conflict* (см. сноску 71 выше), para. 11.81.1, p. 301.

[159] Статья 46 Гаагского положения.

[160] Историю переговоров см. в E. Lauterpacht, “The Hague Regulations and the seizure of *munitions-de-guerre*”, *British Yearbook of International Law*, vol. 32 (1955), pp. 218–226. См. также: *Singapore Oil Stocks* case (см. сноску 151 выше), pp. 822-823; *Prosecutor v. Naletilić and Martinović* (см. сноску 76 выше), para. 616; *Prosecutor v. Martić, Case No. IT-95-11-T, Judgment of 10 June 2007*, para. 102; Leigh (сноска 126 выше); и *United States Department of Defense Law of War Manual* (см. сноску 83 выше), sect. 11.18.6.2, pp. 795.

[161] Статья 52 Гаагского положения.

[162] См., например, Shelton and Cutting (сноска 61 вше), pp. 206–213. Можно также сослаться на документы Организации Объединенных Наций, которые касаются вопросов экологического характера, часто возникающих в ходе полевых операций. См., например: Department of Field Support, *Environment Strategy* (April 2017) и *Environmental Policy for UN Field Missions* (June 2010), Ref. 2009.6.

выполнять важную превентивную функцию, препятствуя чрезмерной или неизбирательной эксплуатации таких ресурсов, которая может приводить к нанесению окружающей среде серьезного ущерба[163].

40. Еще одно ограничение, обеспечивающее защиту природных ресурсов, а также некоторых других компонентов окружающей среды, связано с общим запретом на уничтожение или изъятие имущества, будь то государственного или частного, движимого или недвижимого, на оккупированной территории, за исключением тех случаев, когда такое уничтожение или изъятие абсолютно необходимы с точки зрения военных операций[164]. В соответствии со статьями 53 и 147 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Конвенции IV) всякое «проводимое в большом масштабе незаконное и произвольное разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью», является серьезным нарушением, а в Римском статуте Международного уголовного суда такая практика рассматривается как военное преступление «мародерства»[165].

41. Накоплен значительный объем информации о государственной практике и решениях судебных органов относительно применения правил, касающихся мародерства. Хотя большинство случаев, связанных с мародерством (грабежом или насильственным похищением имущества), касаются присвоения движимой собственности и ценностей, а также уничтожения домов, имеется определенное количество судебных решений относительно мародерства в условиях оккупации, имеющих конкретное отношение к природным ресурсам и окружающей среде, включая ряд решений, принятых после окончания Второй мировой войны[166]. В более недавнее время вторжение Ирака в Кувейт с его последующей оккупацией, в том числе нападения на нефтяные вышки, повлекли за собой широкомасштабный ущерб окружающей среде, который был задокументирован и оценен Компенсационной комиссией Организации Объединенных Наций, вынесшей по данному поводу соответствующие решения[167]. Кроме того, Международный Суд в своем решении по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго» пришел к выводу о том, что Уганда несет международную ответственность не только за акты мародерства, разграбления и эксплуатации природных ресурсов, совершенные ее военнослужащими на территории Демократической Республики Конго, но и за «нарушение своего обязательства не допускать подобных актов и … любых других актов мародерства, разграбления и эксплуатации природных ресурсов на оккупированной территории»[168]. В частности, это касается «нарушений прав человека и международного гуманитарного права другими

[163] Примеры такого ущерба см. UNEP, *The Democratic Republic of the Congo, Post-Conflict Environmental assessment, Synthesis for Policy-makers* (UNEP 2012).

[164] Статья 23(g) Гаагского положения и статья 53 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Конвенции IV).

[165] Статья 8, пункт (2)(a)(iv) и (b)(xiii).

[166] *"The Krupp Case"* (см. сноску 108 выше), p. 1337–1372; and *U.S.A. v. von Weizsäcker et al. (Ministries case)*, *Trials of War Criminals before the Nürnberg Military Tribunals*, vol. XIV, p. 741.

[167] S/RES/687 (1991 год); C. R. Payne, "Legal liability for environmental damage: the United Nations Compensation Commission and the 1990–1991 Gulf War", *в* C. Bruch, C. Muffett and S. S. Nichols (eds.), *Governance, Natural Resources and Post-Conflict Peacebuilding*, Abingdon, Routledge, 2016, pp. 719–760. См. также: A. Roberts, "Environmental issues in international armed conflict: the experience of the 1991 Gulf War", в R. J. Grunawalt, J. E. King and R. S. McClain (eds.), *Protection of the Environment During Armed Conflicts*, International Law Studies, vol. 69, Newport RI, Naval War College, 1996, pp. 222–277.

[168] *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 82 выше), p. 253, para. 250.

сторонами, присутствующими на оккупированной территории, включая группы повстанцев, действующие по своей собственной инициативе»[169].

42. Кроме того, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов (Протокол I) запрещает уничтожать, вывозить или приводить в негодность гражданские объекты, необходимые для выживания гражданского населения, «такие, как запасы продуктов питания, … сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения, специально с целью не допустить их использование гражданским населением или противной стороной как средств поддержания существования»[170]. Основной целью данного положения является защита гражданского населения, а также недопущение политики, которая может повлечь за собой голод среди гражданского населения или вынудить его уехать. Вместе с тем перечень охраняемых объектов носит иллюстративный характер и, согласно Комментарию МККК, должен трактоваться максимально широко, «с тем чтобы принять во внимание бесконечно многообразный диапазон потребностей населения во всех географических районах»[171]. Таким образом, это положение можно трактовать как направленное на защиту окружающей среды в целом, включая качество воды, почвы и воздуха, а также здоровье экосистем, в той мере, в которой речь идет о зависимости от них гражданского населения[172]. Так, например, действия невоенного характера, которые приводят к серьезной деградации водных ресурсов в условиях оккупации, могут трактоваться как подпадающие под категорию действий по «вывозу или приведению в негодность» сооружений для снабжения питьевой водой и запасов последней»[173].

---

[169] *Ibid.*, p.231, para. 179. Информацию об ущербе, нанесенном земельным и водным ресурсам в результате чрезмерной эксплуатации лесов в ходе индонезийской оккупации, см. также: *The Final Report of the Timor-Leste Commission for Reception, Truth and Reconciliation* (January 2006), Part 7.9., Economic and Social Rights, paras. 48–49; URL: http://www.chegareport.net.

[170] Пункт 2 статьи 54 гласит: «Запрещается подвергать нападению или уничтожать, вывозить или приводить в негодность объекты, необходимые для выживания гражданского населения, такие, как запасы продуктов питания, производящие продовольствие сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения, специально с целью не допустить их использование гражданским населением или противной стороной как средств поддержания существования, независимо от мотивов, будь то с целью вызвать голод среди гражданских лиц, принудить их к выезду или по какой-либо иной причине».

[171] ICRC Commentary to Additional Protocol I, art. 54(2), paras. 2102-2013, текст доступен по адресу: https://www.icrc.org.

[172] В пункте 5 резолюции Ассамблеи Организации Объединенных Наций по окружающей среде (UNEP/EA.3/Res.4) в качестве экологических проблем, приводящих к негативным последствиям для здоровья населения, перечисляются загрязнение воздуха, морской среды, воды и почвы, воздействие химических веществ, удаление отходов, изменение климата и утрата биоразнообразия.

[173] Берлинские правила по водным ресурсам (см. сноску 149 выше), статья 54, пункт 2. Разъяснение понятия «сооружения для снабжения питьевой водой», которые на практике «в большинстве случаев представляют собой крупные установки, имеющие ключевое значения для недопущения голода среди гражданского населения» см. также: *A Matter of Survival: Report of the Global High-Level Panel on Water and Peace*, 2017, p. 22.

C. Защита окружающей среды при помощи других правовых норм, регулирующих режим оккупации

43. Диапазон возможных действий оккупирующего государства также ограничивается его обязанностью по восстановлению общественного порядка и общественной жизни на оккупированной территории. Статья 43 Гаагского положения гласит: «С фактическим переходом власти из рук законного Правительства к занявшему территорию неприятелю последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы, буде к тому не встретится неодолимого препятствия». В оригинальном французском тексте статьи 43 используется формулировка «*l'ordre et la vie publics*» («общественный порядок и общественная жизнь»), в связи с чем данное положение трактуется как относящееся не только к физической безопасности, но и к «общественным функциям и обычным видам деятельности, из которых состоит повседневная жизнь, иными словами – к общественной и экономической жизни оккупированного региона во всей ее полноте»[174]. В пользу данного толкования также говорят мнения, высказанные в ходе предшествующих этапов обсуждения данной темы[175]. Значение формулировки «буде к тому не встретится неодолимого препятствия» уточняется рядом положений статьи 64 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Конвенции IV). В соответствии с этой статьей местные законы могут меняться, когда существенно необходимо a) предоставить оккупирующему государству возможность выполнить свои обязательства по Конвенции; b) поддержать нормальное управление территории; или c) обеспечить безопасность оккупационных войск или администрации[176].

44. В основе этих положений лежит так называемый «принцип поддержания статус-кво», указывающий на необходимость сохранения существующего положения дел, которая является центральным элементом норм, регулирующих режим оккупации. Они также свидетельствуют о том, что по своему характеру нормы, регулирующие режим оккупации, могут быть как разрешительными, так и запретительными[177]. Несмотря на жесткий характер использованной в статье 43 формулировки «буде к тому не встретится неодолимого препятствия», а также упоминания о «существенной» необходимости в статье 64, существующее толкование соответствующих положений предполагает, что оккупирующее государство имеет право принимать новые законы, когда это необходимо для поддержания общественного порядка и общественной жизни, а также вносить изменения

---

[174] McDougal and Feliciano (см. сноску 122 выше), p. 746. См. также: Dinstein (см. сноску 81 выше), p. 89, para. 203.

[175] В ходе Брюссельской конференции 1874 года термин «*vie publique*» («общественная жизнь») трактовался как «*des fonctions sociales, des transactions ordinaires qui constituent la vie de tous les jours*» («общественные функции и обычные виды деятельности, из которых состоит повседневная жизнь»). Это толкование бельгийского делегата было поддержано соответствующей Комиссией. См. Ministère des Affaires Etrangéres de Belgique, *Actes de la Conférence de Bruxelles de 1874*, p. 110; текст доступен по адресу https://babel.hathitrust.org/.

[176] Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Конвенция IV), статья 64, касающаяся уголовного законодательства оккупированной территории. Вместе с тем данная статья трактовалась как применимая ко всем видам местного законодательства. См. M. Sassòli, “Legislation and maintenance of public order and civil life by occupying Powers”, *European Journal of International Law*, vol. 16, No. 4 (2005), pp. 661–694, at p. 669; Dinstein (см. сноску 81 выше), p. 111; Benvenisti, *The International Law of Occupation* (см. сноску 86 выше), p. 101; и Kolb and Vité (см. сноску 71 выше), p. 192–194.

[177] Roberts, “Prolonged military occupation...” (см. сноску 73 выше), p. 46.

в законы, которые противоречат общепринятым стандартам в области прав человека[178]. Пикте описывает законодательные полномочия оккупирующего государства как «весьма широкие и многоплановые»[179], указывая, что, «как представляется, некоторые изменения могут быть необходимыми и даже изменять существующую ситуацию к лучшему», и разъясняя, что целью упомянутого текста является «не консервация политических институтов или правительственных структур государства как таковых, а защита населения»[180].

45. Кроме того, очевидно, что понятия «общественная жизнь» и «нормальное управление» находятся в развитии; в этом смысле их можно сравнить с понятиями «благополучие и развитие» и «священное наследие», которые, как указал Международный Суд в своем консультативном заключении по вопросу о юридических последствиях для государств, вызываемых продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии, «по определению являются эволюционирующими»[181]. Как указал Верховный суд Израиля, конкретное содержание обязанности оккупирующего государства по поддержанию общественной жизни и порядка не может «заключаться в поддержании общественной жизни и порядка XIX века»[182]. Несмотря на существование различных мнений в отношении границ полномочий оккупирующего государства в том, что касается принятия и из-

[178] Sassòli, “Legislation and maintenance of public order and civil life by occupying Powers” (см. сноску 176 выше), p. 663. *The Manual of the Law of Armed Conflict* предусматривает, что необходимость принятия новых законов может быть вызвана требованиями вооруженного конфликта, а также обстоятельствами, связанными с обеспечением порядка или благополучия населения (см. сноску 71 выше; p. 284, para. 11.25). Аналогично: McDougal and Feliciano (см. сноску 122 выше), p. 757.

[179] Комментарий МККК к Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Конвенции IV), art. 47, p. 335 (URL:https://www.icrc.org). Greenwood (Гринвуд) полагает, что оккупирующее государство обязано обеспечивать эффективное управление оккупированной территорией; см. C. Greenwood, “The administration of occupied territory in international law”, *в* E. Playfair (ed.), *International Law and the Administration of Occupied Territories: Two Decades of Israeli Occupation of the West Bank and Gaza Strip*, Oxford University Press, 1992, p. 265; Benvenisti (Бенвенисти) считает, что оккупирующее государство может «вносить изменения применительно к широкому диапазону вопросов» (“Water conflicts during the occupation of Iraq” (см. сноску 128 выше), p. 867).

[180] Комментарий МККК к Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Конвенции IV) (см. сноску 179 выше), статья 47, стр. 274.

[181] *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia* (см. сноску 141 выше), pp. 31–32, para. 53. Аналогично: *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey)*, Judgment, 19 December 1978, I.C.J. Reports 1978, p. 3, para. 77; в этом решении Суд указал, что трактовка некоторых общих понятий «должна следовать за общей эволюцией права и соответствовать тому значению, которое придается этим понятиям в соответствии с действующим законодательством на любой конкретный момент времени». См. также *US-Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products* (*Complaint by India et al.)* (1998), World Trade Organization document WT/DS58/AB/R (Appellate Body Report), para. 129; в соответствии с этим документом понятие «невозобновляемые природные ресурсы» должно трактоваться в свете современной обеспокоенности по поводу защиты и сохранения окружающей среды (URL: https://docs.wto.org); *Iron Rhine (“Ijzeren Rijn”) Railway*, *Belgium v. the Netherlands, Award of 24 May 2005*, Permanent Court of Arbitration, UNRIAA, vol. XXVII, pp. 35–131, paras. 79–81. См. также работу Комиссии по теме «Последующие соглашения и последующая практика», комментарий к проекту вывода 3, «Толкование терминов договора как способных менять свое значение с течением времени», *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят восьмая сессия, Дополнение № 10* (A/68/10), пункт 39.

[182] *A cooperative Society Lawfully Registered in Judea and Samaria Region vs. commander of the IDF Forces in the Judea and Samaria Region* et al., H.C. 393/82, 37(4) Piskei Din (Reports of the Israel Supreme Court), 785; частично воспроизводится в *Israel Yearbook on Human Rights,* vol. 30 (1984), 301–313.

менения законов, а также создания и трансформации институтов на оккупированной территории, большинство авторов, как представляется, признает, что для обеспечения благосостояния населения требуется принимать определенные меры с прицелом на будущее[183]. Чем дольше продолжается оккупация – тем очевиднее становится необходимость осуществления некоторых изменений, позволяющих избежать стагнации и дающих оккупирующему государству возможность выполнить свои обязательства в соответствии с нормами, регулирующими режим оккупации[184]. В данной связи следует напомнить о том, что, как ожидается, оккупирующее государство будет осуществлять управление оккупированной территорией в интересах населения, проживающего на этой территории[185]. В этом смысле общее обязательство оккупирующего государства по статье 43 трактовалось как «обязательство обеспечить, чтобы жизнь населения оккупированной территории в максимальной степени протекала в обычном порядке»[186].

46. Несмотря на то, что вышеизложенное может подразумевать определенную степень активного вмешательства в экономическую и общественную жизнь оккупированной территории, оккупирующее государство в данной связи обязано руководствоваться лишь ограниченным количеством соображений, включая заботу об общественном порядке, общественной жизни и благосостоянии населения на оккупированной территории. Наиболее важно то, что оккупирующее государство не имеет права вносить изменения в местное законодательство на основе своих собственных идеалов[187], а также не может необратимым образом видоизменять основополагающие институты оккупированной территории[188]. В данном контексте концепция «трансформирующей оккупации» имеет неоднозначный характер[189]. Вместе с тем всегда налицо определенное противоречие

---

[183] Feilchenfeld (Файльшенфельд) указывает, что «если оккупация продолжается в течение нескольких лет», то возникает необходимость внесения изменений в налоговое законодательство, отмечая, что «полное игнорирование этих реалий вполне может воспрепятствовать обеспечению благосостояния страны, а в конечном счете – и помешать поддержанию «общественного порядка и безопасности» в том смысле, в котором эти термины понимаются в статье 43» (см. сноску 118 выше). Аналогично: McDougal and Feliciano (см. сноску 122 выше), p. 746. См. также ICRC, *Expert Meeting* ... (сноска 99 выше), p. 58; в этом докладе подчеркивается право оккупирующего государства принимать новые законы в целях выполнения своих обязательств по Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Конвенции IV), а также поддержания общественной жизни на оккупированной территории. Вместе с тем Sassòli (Сассоли) считает, что оккупирующее государство должно «вносить изменения только в объеме того минимума, который является абсолютно необходимым для выполнения его обязательств в области прав человека» (Sassòli, “Legislation and maintenance of public order and civil life by occupying Powers” (см. сноску 176 выше), p. 676).

[184] ICRC, *Expert Meeting* ... (см. сноску 100 выше), p. 68; и Kolb and Vité (см. сноску 71 выше), p. 194.

[185] T. Ferraro, “The law of occupation and human rights law: some selected issues”, in R. Kolb and G. Gaggioli (eds.), *Research Handbook on Human Rights and Humanitarian Law*, Cheltenham, Edward Elgar, 2013, pp. 273–293; *The Jerusalem District Electricity Company Ltd.. v. (a) Minister of Energy and Infrastructure, (b) Commander of the Judea and Samaria Region* 35(23), H.C. 351/80, Piskei Din 673; частично воспроизводится в: *Israel Yearbook on Human Rights* (1981), pp. 354–358.

[186] Ferraro , “The law of occupation and human rights law...” (см. сноску выше), p. 279.

[187] Комментарий МККК к Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Конвенции IV) (сноска 179 выше), p. 337, para. 2(c); и Sassòli, “Legislation and maintenance of public order and civil life by occupying Powers” (см. сноску 176 выше), p. 671. См. также A. Roberts, “Transformative military occupation: applying the laws of war and human rights”, *American Journal of International Law*, vol. 100 (2006), pp. 580–622.

[188] Feilchenfeld (см. сноску 118 выше), p. 89.

[189] Трансформирующую оккупацию можно описать как «деятельность, главной целью которой является перестройка институциональных и политических структур

между принципом сохранения статус-кво, с одной стороны, и такими ориентированными на перспективу действиями, которые могут потребоваться от оккупирующего государства с целью избежать стагнации, с другой. В силу своего принудительного характера даже стабильная оккупация остается исключительной ситуацией, а оккупирующее государство не должно брать на себя роль суверенного субъекта нормотворчества. Принцип сохранения статус-кво устанавливает общие границы полномочий оккупирующего государства на оккупированных территориях, и его следует принимать во внимание в контексте применения более конкретных правовых норм, регулирующих режим оккупации. Он также задает те параметры, в рамках которых международные нормы в области прав человека и нормы международного экологического права могут дополнять конкретные правила, регулирующие режим оккупации, в условиях оккупации.

47. Обязательство оккупирующего государства обеспечить населению оккупированной территории возможность вести в условиях оккупации максимально привычный для него образ жизни очевидным образом связано с защитой окружающей среды, если учесть тот общепризнанный факт, что природоохранная деятельность входит в число базовых функций современного государства[190]. Та часть вышеприведенного правила, которая касается восстановления и поддержания общественного порядка, имеет особенно важное значение в периоды нестабильности, в том числе и с точки зрения предотвращения и пресечения действий, способных нанести ущерб окружающей среде, включая диверсии в отношении водопроводных сетей и насосных станций, которые, по данным ЮНЕП, продолжались в Ираке в период оккупации 2003-2004 годов и после ее окончания[191]. Чем дольше продолжается оккупация – тем выше должна быть степень диверсификации мер, которые, вероятно, потребуется принять оккупирующему государству в целях решения экологических проблем.

48. Ещё один актуальный вопрос связан с институциональным коллапсом, который часто становится неизбежным результатом вооруженного конфликта. При каких именно обстоятельствах институциональная реорганизация может считаться абсолютно необходимой? Отмечалось, что институциональные последствия вооруженных конфликтов, как правило, приводили к «более далеко идущим негативным последствиям для окружающей среды, чем непосредственное физическое воздействие войны»[192]. В своем докладе по ситуации в Ираке, опубликованном в 2003 году, ЮНЕП ясно заявила о том, что для надлежащего решения экологических проблем Ирака необходимо было реорганизовать органы по управлению природоохранной деятельностью в этой стране. Коалиционная временная администрация, представлявшая оккупирующие государства, предприняла ряд шагов в данном направлении. Так, например, она создала временный Управляющий совет, который в сжатые сроки назначил членов нового кабинета министров, включая министра экологии[193]; предполагалось, что эта мера будет иметь ключевое значение для долгосрочного и устойчивого решения экологических проблем Ирака в постконфликтный период[194]. Вместе с тем следует отметить, что в данном конкретном случае оккупирующие государства могли, в

оккупированной территории», см. ICRC, *Expert Meeting …* (сноска 100 выше), p. 67. Она отличается от санкционированной Советом Безопасности деятельности по государственному строительству, которая может быть связана с серьезными изменениями законодательства и институтов в той стране, где она проводится.

[190] K. Conca, *An Unfinished Foundation: the United Nations and Global Environmental Governance*, Oxford University Press, 2015, p. 108.

[191] UNEP, *Desk Study on the Environment in Iraq* (см. сноску 58 выше), p. 71.

[192] Conca (см. сноску 190 выше), p. 95.

[193] UNEP, *Environment in Iraq: UNEP Progress Report* (см. сноску 58 выше), p. 29.

[194] *Ibid*., p. 2.

частности, опереться на конкретную просьбу Совета Безопасности «содействовать благополучию народа Ирака путем эффективного управления территорией»[195].

49. В качестве еще одного фактора, способствующего защите окружающей среды, заслуживает внимания и требование, согласно которому оккупирующее государство обязано уважать законы и институты оккупированной страны. Степень защиты окружающей среды, которую может обеспечить данное требование, зависит от эффективности природоохранных положений национального законодательства, а также тех его положений, которые касаются рационального использования природных ресурсов. Можно предполагать, что к настоящему времени многие (а, возможно, и все) государства приняли законы и положения, касающиеся защиты окружающей среды[196]. На национальном уровне экологические права признаются в конституциях более ста государств[197]. Кроме того, основные многосторонние природоохранные соглашения были ратифицированы многими государствами, в связи с чем высока вероятность того, что в число их участников входят либо оккупированное или оккупирующее государство, либо они оба[198]. На такие конвенции – особенно в тех случаях, когда они инкорпорированы во внутреннее законодательство оккупированного государства, - будет

[195] S/RES/1483(2003), пункт 4.

[196] ЮНЕП опубликовала информацию более чем о 1100 нормативно-правовых актах, относящихся к национальному природоохранному законодательству URL: www.ecolex.org.

[197] Вместе с тем наблюдаются значительные расхождения в том, что касается представлений о соответствующих правах и обязанностях; см. P. Sands and J. Peel, *Principles of International Environmental Law*, 4th ed., Cambridge University Press, 2018, p. 816. Список соответствующих конституций находится по адресу http://earthjustice.org/sites/default/files/library/reports/2008-environmental-rights-report.pdf, Appendix.

[198] Включая, например, Конвенцию 1972 года об охране всемирного культурного и природного наследия (ратифицирована 193 государствами); Конвенцию 1973 года о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (ратифицирована 193 государствами); Конвенцию 1971 года о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц (ратифицирована 197 государствами); Венскую конвенцию об охране озонового слоя (ратифицирована 197 государствами); Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (ратифицирован 197 государствами); Базельскую конвенцию о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (ратифицирована 186 государствами); Рамочную конвенцию Организации Объединенных Наций об изменении климата (ратифицирована 197 государствами); Киотский протокол (ратифицирован 192 государствами); Парижское соглашение (ратифицировано 173 государствами); Конвенцию Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке (ратифицирована 197 государствами); Конвенцию о биологическом разнообразии (ратифицирована 196 государствами); Протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии (ратифицирован 104 государствами); Картахенский протокол 2000 года о биобезопасности (ратифицирован 171 государством); Конвенцию о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (ратифицирована 160 государствами); Конвенцию о стойких органических загрязнителях (ратифицирована 182 государствами); Конвенцию по сохранению мигрирующих видов диких животных (ратифицирована 126 государствами); Минаматскую конвенцию о ртути (ратифицирована 85 государствами); Конвенцию об оперативном оповещении о ядерной аварии (ратифицирована 121 государством); и Конвенцию о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации (ратифицирована 115 государствами).

распространяться обязательство оккупирующего государства по уважению законов и институтов оккупированной территории. Кроме того, многосторонние природоохранные соглашения и учрежденные в соответствии с ними руководящие органы способны играть особую роль в кризисных и постконфликтных ситуациях, в рамках которых государства-участники испытывают сложности с обеспечением защиты окружающей среды[199].

50. Специальный докладчик заявляет, что оккупирующее государство несет общее обязательство по защите окружающей среды оккупированной территории и учету соображений природоохранного характера в контексте управления такой территорией. Обязательство по защите окружающей среды оккупированной территории можно обосновать общей направленностью обязательства оккупирующего государства по обеспечению благосостояния населения оккупированной территории, вытекающего из статьи 43 Гаагского положения. Обязательство оккупирующего государства обеспечить населению оккупированной территории возможность вести в сложившихся условиях максимально привычный для него образ жизни[200] следует истолковывать как распространяющееся на меры по защите окружающей среды, поскольку такая защита входит в число общепризнанных функций современного государства. Кроме того, можно утверждать, что природоохранные факторы относятся к сфере основополагающих интересов субъекта территориального суверенитета[201], которые оккупирующее государство, выполняющее функции по временному управлению территорией, обязано уважать. Тезис о существовании такого общего обязательства также вытекает из стандартов в области прав человека, что обсуждается в главе II. Налицо тесная взаимосвязь между основными правами человека, включая права на питание, здоровье и жизнь, с одной стороны, и обеспечением качества почвы и воды и даже биоразнообразия[202] для поддержания жизнеспособности и здоровья экосистем, с другой.

---

[199] См. B. Sjöstedt, *Protecting the Environment in Relation to Armed Conflict: the Role of Multilateral Environmental Agreements*, Lund University, 2016, pp. 221–227; и Sjöstedt, “The ability of environmental treaties to address environmental problems in post-conflict”, *в* C. Stahn, J. Iverson and J. S. Easterday (eds.), *Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace*, Oxford University Press, 2017, pp. 73–92.

[200] Ferraro, “The law of occupation and human rights law...” (см. сноску 185 выше), p. 279.

[201] *Case Concerning the Gabčikovo–Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia), Judgment, I.C.J. Reports 1997*, p. 7, para. 53.

[202] См. Всемирная организация здравоохранения: *Our Planet, Our Health, Our Future: Human Health and the Rio Conventions: Biological Diversity, Climate Change and Desertification*, Discussion Paper (2012), p. 2; в данном документе признается роль биоразнообразия как «основы здоровья человека». URL:www.who.int/globalchange/publications/reports/health_rioconventions.pdf.

II. Защита окружающей среды в условиях оккупации посредством применения международных стандартов в области прав человека

A. Взаимодополняющий характер норм, регулирующих режим оккупации, и международных стандартов в области прав человека

51. Налицо широкий консенсус в отношении того, что международные стандарты в области прав человека продолжают применяться и в условиях вооруженных конфликтов и оккупации. В своем консультативном заключении по вопросу о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории Международный Суд подтвердил применимость как Международного пакта о гражданских и политических правах, так и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также Конвенции о правах ребенка к оккупированной палестинской территории[203]. Согласно хорошо известной формулировке, которую использовал Суд, «действие защиты, предоставляемой конвенциями по правам человека, не прекращается в случае возникновения вооруженных конфликтов, за исключением ситуаций, связанных с применением положений об отступлении, подобных положениям статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах. Таким образом, в контексте взаимосвязи между международным гуманитарным правом и стандартами в области прав человека можно вести речь о трех возможных ситуациях: некоторые права могут относиться исключительно к сфере международного гуманитарного права; некоторые другие – исключительно к сфере стандартов в области прав человека; и, наконец, третьи могут иметь отношение к обоим этим отраслям международного права. Для того, чтобы ответить на поставленный перед ним вопрос, Суду необходимо будет принять во внимание обе эти отрасли международного права, а именно стандарты в области прав человека и, в качестве *lex specialis*, - международное гуманитарное право»[204].

52. В решении по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго Суд подтвердил, что положения международных документов в области прав человека применяются в отношении действий, предпринимаемых государствами в порядке осуществления их юрисдикции за пределами их собственной территории, «в особенности на оккупированных территориях»[205]. Кроме того, принцип применимости стандартов в области прав человека в условиях оккупации был

[203] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory* (см. сноску 77 выше), pp. 178–181, paras. 107–113.

[204] *Ibid*., p. 178, para. 106.

[205] *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 82 выше), pp. 242–243, para. 216. См. также пункт 345 (3), в котором Суд, как представляется, подразумевает, что характер применения стандартов в области прав человека в условиях вооруженных конфликтов отличается от характера их применения в условиях оккупации; и Dinstein (сноска 81 выше), p. 88, para. 200.

подтвержден региональными судами[206], Комитетом по правам человека и Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам[207], а также широким кругом авторов научных работ[208].

53. Комитет по правам человека указал, что с того момента, когда население начинает пользоваться защитой прав в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, сфера охвата такой защиты распространяется на всю территорию и продолжает действовать в отношении проживающего на территории населения независимо от каких-либо изменений порядка управления этой территорией[209]. Данный принцип согласуется с требованием, согласно которому оккупирующее государство обязано уважать законы и институты оккупированной территории, если они не вступают в противоречие с общепризнанными стандартами в области прав человека. В широком смысле оккупирующее государство также должно выполнять свои собственные обязательства в области прав человека, а также соблюдать нормы международного обычного права. Следует напомнить о том, что, согласно определению Международного Суда, обязательства Израиля по Международному пакту о гражданских и

---

[206] См., например: European Court of Human Rights: *Loizidou v. Turkey, Preliminary Objections, Judgment of 23 March 1995* (сноска 106 выше), para. 62, и *Judgment (Merits) of 18 December 1996* (сноска 102 выше), para. 52; *Cyprus v. Turkey* (сноска 106 выше), p. 25, *para.* 77; *Al-Skeini and others v. United Kingdom*, *Application No. 55721/07, Judgment of 7 July 2011*, para. 94; в последнем из вышеперечисленных решений упоминалось решение Межамериканского суда по правам человека по делу *Mapiripán Massacre v. Colombia (Judgment of 15 September 2005, Series C., No. 134)*, в котором была подтверждена обязанность расследовать предполагаемые нарушения права на жизнь в условиях вооруженных конфликтов и оккупации.

[207] Комитет по правам человека, Замечание общего порядка по МПГПП № 26: «Постоянный характер обязательств», 8 декабря 1997 года, CCPR/C/21/Rev.1/Add.8/Rev.1, пункт 4; Замечание общего порядка по МПГПП № 29: «Статья 4: отступления в условиях чрезвычайного положения», 31 августа 2001 года, CCPR/C/21/Rev.1/Add.11, пункт 3; Замечание общего порядка № 31, «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта», 26 мая 2004 года, CCPR/C/21/Rev.1/Add. 13, пункт 10. См. также Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, «Заключительные замечания: Израиль», E/C.12/1/Add.69, 31 августа 2001 года и «Заключительные замечания: Израиль», E/C.12/ISR/CO/3, 16 декабря 2011 года, а также доклад о положении в области прав человека в Кувейте в период иракской оккупации, подготовленный Специальным докладчиком Комиссии по правам человека г-ном Вальтером Келином в соответствии с резолюцией 1991/67 Комиссии по правам человека, E/CN.4/1992/26, 16 июня 1992 года.

[208] См., например: Dinstein (сноска 81 выше), pp. 69–71; Kolb and Vité (сноска 71 выше), pp. 299–32; A. Roberts, “Transformative military occupation …” (сноска 187 выше), pp. 580–622; J. Cerone, “Human dignity in the line of fire: the application of international human rights law during armed conflict, occupation, and peace operations”, *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, vol. 39 (2006), pp. 1447–1610; Benvenisti, *The International Law of Occupation* (см. сноску 86 выше), pp. 12–16; Y. Arai-Takahashi, *The Law of Occupation: Continuity and Change of International Humanitarian Law and its Interaction with International Human Rights Law*, Leiden, Brill 2009; N. Lubell, “Human rights obligations in military occupation”, *International Review of the Red Cross*, vol. 94, No. 885 (2012), pp. 317–337; Ferraro, “The law of occupation and human rights law...” (см. сноску 185 выше), pp. 273–293; и M. Bothe, “The administration of occupied territory” (сноска 129 выше). См. также: M. J. Dennis, “Application of human rights treaties extraterritorially in times of armed conflict and military occupation”, *American Journal of International Law*, vol. 99 (2005), pp. 119–141.

[209] См. Замечание общего порядка по МПГПП № 26 (сноска 207 выше), пункт 4. См. также: *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996*, p. 226, para. 25; в этом решении Суд указывает, что действие такой защиты не прекращается во время войны, за исключением случаев, которые связаны с действием положений об отступлениях.

политических правах, а также по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах и Конвенции о правах ребенка распространяются на его действия на оккупированном Западном берегу[210]. В решении по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго» Суд сослался на ряд международных документов в области прав человека, участником которых являлась как Уганда (оккупирующее государство), так и Демократическая Республика Конго[211]. Аналогичным образом, Европейский суд по правам человека постановил, что положения Европейской конвенции по правам человека распространяются на действия Соединенного Королевства в качестве оккупирующего государства в Ираке[212].

54. Вопрос о параллельном применении стандартов в области прав человека имеет особенно важное значение в условиях оккупации. Важно отметить, что, по мнению Международного Суда, соблюдение соответствующих международных стандартов в области прав человека входит в число обязательств оккупирующего государства в соответствии со статьей 43 Гаагского положения[213]. Международный трибунал по бывшей Югославии также указывал, что с учетом разницы между этапом военных действий и периодом оккупации «на оккупирующее государство возлагаются более серьезные обязательства, нежели на сторону международного вооруженного конфликта»[214]. Кроме того, как ясно указал в нескольких своих решениях Европейский суд по правам человека, положения Европейской конвенции по правам человека применяются к таким ситуациям, при которых государство-участник осуществляет эффективный контроль над районом, расположенным за пределами его национальной территории. По мнению Суда, «обязательство обеспечивать соблюдение предусмотренных Конвенцией прав и свобод в таком районе вытекает из самого факта подобного контроля»[215]. Таким образом, представляется, что стандарты в области прав человека не только применимы к ситуациям, связанным с оккупацией, но и имеют более важное значение в условиях оккупации, нежели на этапе военных действий.

55. Несмотря на существование широкого консенсуса в отношении применимости стандартов в области прав человека к ситуациям, связанным с вооруженными конфликтами, не вызывает возражений и тот факт, что в подобных условиях они должны применяться с оговорками, принимая во внимание конкретные требования права вооруженных конфликтов. В данной связи Международный трибунал по бывшей Югославии выступил с предостережением по поводу слишком вольного применения концепций и понятий, которые были разработаны в ином правовом контексте. Подтвердив обоснованность использования инструментов и методик, разработанных в контексте стандартов в области прав человека, с учетом их «актуальности с точки зрения целей, ценностей и терминологии»[216], Судебная палата тем не менее добавила, что «понятия, сформированные

---

[210] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory* (см. сноску 77 выше), *paras.* 102–113.

[211] *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 82 выше), pp. 243–244, paras. 217 and 219.

[212] *Al-Skeini v. United Kingdom* (см. сноску 206 выше), paras. 149–150.

[213] *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 82 выше), p. 231, para. 178.

[214] *Prosecutor v. Naletilić and Martinović* (см. сноску 76 выше), para. 214.

[215] *Al-Skeini v. United Kingdom* (см. сноску 206 выше), para. 138; *Loizidou v. Turkey, Preliminary Objections, Judgment of 23 March 1995* (сноска 106 выше), para. 62, и *Judgment (Merits) of 18 December 1996* (сноска 102 выше), para. 52; *Cyprus v. Turkey* (см. сноску 106 выше), pp. 24–25, para. 76; *Ilaşcu and others v. Moldova and Russia, Application No. 48787/99, Judgment of 8 July 2004*, *paras.* 314–316.

[216] *Prosecutor v. Dragoljub Kunarać, Radomir Kovać and Zoran Vuković, Case Nos. IT-96-23-T and IT-96-*23/1-*T, Judgment of 22 February 2001*, para. 467.

в сфере защиты прав человека, могут применяться в международном гуманитарном праве лишь в той мере, в которой они учитывают конкретные особенности последнего корпуса права»[217].

56. Помимо этого, существуют как юридические, так и практические факторы, ограничивающие свободу действий оккупирующего государства в плане выполнения обязательств в области прав человека. Юридические ограничения, в частности, вытекают из принципа сохранения статус-кво, связанного с обязательством уважать законы и институты оккупированной территории. Временно управляя оккупированной территорией, оккупирующее государство имеет лишь административные полномочия и не должно пытаться подменить собой субъект территориального суверенитета. Практические ограничения могут быть связаны с нестабильной ситуацией в сфере безопасности. Периоды оккупации, которые являются промежуточной стадией между вторжением и прекращением конфликта, могут характеризоваться нестабильностью, по крайней мере до того момента, когда оккупирующее государство сможет консолидировать свой контроль над оккупированной территорией. Кроме того, могут иметь место и материальные ограничения. Как правило, оккупирующее государство может использовать ресурсы оккупированной территории для покрытия расходов, связанных с оккупацией, а также для обеспечения благосостояния населения. Вопрос о том, могут ли для развития оккупированной территории использоваться ресурсы самого оккупирующего государства, и, если да, - то в какой степени, является не столь однозначным[218].

57. Правовые нормы, относящиеся к оккупации, предусматривают применение в ситуациях, связанных с оккупацией, специального правового режима. В данной связи, в частности, принимаются во внимание интересы оккупирующего государства в области обороны и безопасности, интересы субъекта территориального суверенитета, а также интересы населения оккупированной территории. Таким образом, признание за правовыми нормами, регулирующими режим оккупации, статуса *lex specialis* является отправной точкой для оценки их взаимодействия с другими корпусами права. Из процитированного выше заявления Международного Суда, сделанного в его консультативном заключении по вопросу о юридических последствиях для государств, вызываемых продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии [219], можно сделать три вывода. Во-первых, статус международного гуманитарного права в качестве *lex specialis* не означает, что его нормы во всех без исключения случаях имеют приоритет над международными стандартами в области прав человека. Во-вторых, понятие *lex specialis* не применяется в контексте общей взаимосвязи между нормами международного гуманитарного права и стандартами в области прав человека. Вопрос о взаимодополняемости в контексте стандартов в области прав человека может решаться лишь применительно к конкретным нормам[220]. Аналогичным образом, «коллизия может возникать лишь между двумя правилами, сферы применения которых (*ratione materiae, ratione loci, ratione temporis, ratione personae*) пересекаются друг с другом в той или иной конкретной ситуации, при том

[217] *Ibid*., para. 471.

[218] См. Benvenisti, “Water conflicts during the occupation of Iraq” (сноска 128 выше), p. 868; Lubell (сноска 208 выше), pp. 332–334; и H. Cuyckens, *Revisiting the Law of Occupation*, Leiden, Brill/Nijhoff, 2017, pp. 197–198.

[219] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory* (см. сноску 77 выше), para. 106.

[220] Dinstein (см. сноску 81 выше), p. 88; M. Milanovic, *Extraterritorial Application of Human Rights Treaties*, Oxford University Press, 2011, pp. 232–234; A. Lindroos, “Addressing norm conflicts in a fragmented legal system: the doctrines of *lex specialis*”, *Nordic Journal of International Law*, vol. 74 (2005), pp. 27–66, at p. 44.

условии, что каждое из этих двух правил предусматривает использование отличных друг от друга директив или стандартов»[221]. В-третьих, параллельное применение норм международного гуманитарного права и стандартов в области прав человека не обязательно предполагает необходимость определения приоритетности тех или иных правил по отношению к другим правилам.

58. Как указывала Исследовательская группа Комиссии по вопросу о фрагментации международного права, действие принципа *lex specialis* «полностью зависит от нормативных соображений, для которых он обеспечивает словесное выражение: глубокое понимание контекста, способность отражать государственную волю, конкретность, четкость, определенность»[222]. Применительно ко многим вопросам, связанным с периодами оккупации, правила, вытекающие из норм, которые регулируют режим оккупации, обладают всеми этими качествами в сравнении с соответствующими правилами, вытекающими из стандартов в области прав человека. Нормы, регулирующие режим оккупации, лучше приспособлены к конкретным отличительным особенностям оккупации, включая ее временный и принудительный характер, а также периодическую нестабильность. Вместе с тем в более устоявшихся ситуациях, и в частности в периоды длительной оккупации, становятся очевидными и недостатки тех правовых норм, которые регулируют режим оккупации. Исторически нормы, регулирующие режим оккупации, разрабатывались в целях формирования необходимых нормативно-правовых рамок для временного выполнения иностранным субъектом функций по управлению территориями, будущий статус которых, как ожидалось, будет в скором времени определен в мирном договоре. В данном отношении их свод представляет собой *«un droit de l'urgence»* («корпус правовых норм, предназначенный для кратковременного применения»)[223]. Применительно к условиям, которые по своему характеру приближаются к мирному времени, Гаагское положение и Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Конвенция IV) не предоставляют в распоряжение оккупирующего государства подробных положений, которые могли бы использоваться им в качестве ориентиров при выполнении обязательства по восстановлению и поддержанию общественного порядка и общественной жизни[224].

59. В тех случаях, когда нормы, регулирующие режим оккупации, и международные стандарты в области прав человека регламентируют одни и те же вопросы и направлены на достижение идентичных целей, может появиться возможность для того, чтобы, опираясь на одну из этих отраслей права, обогатить и углубить правила, относящиеся ко второй из них. В некоторых случаях стандарты в области прав человека могут позволить разработать более четкие и подробные правила, которые по-прежнему можно будет приспособить к реальной ситуации на местах[225]. Так, например, стандарты в области прав человека могут

---

[221] J. d'Aspremont and E. Thranchez, "The quest for a non-conflictual co-existence of international human rights law and humanitarian law: which role for the *lex specialis* principle?", in R. Kolb and G. Gaggioli (eds.), *Research Handbook on Human Rights and Humanitarian Law*, Cheltenham, Edward Elgar, 2013, pp. 223–250, at p. 225.

[222] «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права», аналитический доклад, подготовленный Исследовательской группой (A/CN.4/L.682, Corr.1 и Add.1), пункт 119.

[223] Kolb and Vité (см. сноску 71 выше), p. 114.

[224] *Ibid*., p. 411: "*conçu pour être une réglementation de transition sur le court terme, le droit d'occupation n'envisage pas la question des conditions minimales d'existence au-delà du devoir d'assistance aux personnes en difficulté*".

[225] ICRC, *Expert Meeting …* (см. сноску 99 выше), p. 8; в данном документе предлагается использовать международные стандарты в области прав человека для дополнения норм, регулирующих режим оккупации, в тех ситуациях, когда последние отсутствуют или же являются расплывчатыми или нечеткими.

позволить определить конкретные параметры толкования понятия «общественная жизнь» или, например, более четко сформулировать обязательства государств в том, что касается обеспечения «общественного здравоохранения». В число соответствующих тем могут войти и экологические проблемы, если они оказывают влияние на благосостояние населения. Еще одна возможность связана с такими ситуациями, когда оба свода правил регламентируют один и тот же предмет, но при этом содержат различные взаимодополняющие элементы. Например, защита объектов, имеющих жизненно важное значение для выживания гражданского населения, которая предусмотрена Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), может дополняться и усиливаться положением Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, в соответствии с которым ни один народ «ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования»[226]. Если первое из этих понятий («объекты, имеющие жизненно важное значение») следует понимать в контексте экстренных ситуаций, то второе из них («средства к существованию») может включать в себя долгосрочную зависимость от наличия тех или иных природных ресурсов, тем самым укрепляя защиту последних от чрезмерной эксплуатации[227]. Вместе с тем общие параметры действий оккупирующего государства, включая временный характер его власти и его обязанность уважать существующие законы и институты, по-прежнему будут определяться нормами, регулирующими режим оккупации.

60. Это не означает, что международные стандарты в области прав человека и нормы, регулирующие режим оккупации, будут всегда иметь одну и ту же направленность. Так, например, оккупирующее государство может принять решение о временном интернировании гражданских лиц, если это будет необходимо для поддержания общественного порядка и безопасности[228], тогда как стандарты в области прав человека не предусматривают аналогичной возможности ограничения свободы передвижения. Период времени, в течение которого подобные меры будут по-прежнему оправданными, зависит от развития ситуации в сфере безопасности[229]. Еще одним примером различной направленности норм, регулирующих режим оккупации, и стандартов в области прав человека, которые относятся к одному и тому же предмету, являются имущественные и земельные права в ходе длительной оккупации[230]. Несмотря на то, что нормы, регулирующие режим оккупации, предусматривают особенно прочную защиту прав частной собственности, стандарты в области прав человека могут допускать ограничения таких прав с учетом факторов сбалансированности и пропорциональности[231].

61. Представляется, что особенно важное значение в условиях оккупации имеют экономические, социальные и культурные права. Во-первых, в решениях меж-

---

[226] Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 1, пункт 2; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статья 1, пункт 2.

[227] См. Dam-de Jong (сноска 128 выше), p. 238.

[228] Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Конвенция IV), статья 78.

[229] Там же, статья 46.

[230] Gross, *The Writing on the Wall …* (см. сноску 91 выше), p. 339–396; речь идет о решениях Европейского суда по правам человека относительно Северного Кипра, а также о решениях Верховного суда Израиля.

[231] *Ibid*., at 389.

дународных и региональных судов такие права увязывались с вопросом контроля над территорией[232]. Во-вторых, можно также упомянуть о сходстве целей, которые преследуют экономические, социальные и культурные права, с одной стороны, и нормы, регулирующие режим оккупации, с другой, включая, например, обеспечение благосостояния населения. Налицо также значительные параллели между сферами применения положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и норм, регулирующих режим оккупации. В-третьих, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах предусматривается постепенная реализация соответствующих прав и признаются ограничения, связанные с наличием ресурсов. Аналогичным образом, обязательство оккупирующего государства по статье 43 Гаагского положения, касающееся восстановления и поддержания общественного порядка и общественной жизни, включая обеспечение благосостояния населения, представляет собой обязательство поведения, которое не требует от оккупирующего государства достижения какого-либо конкретного результата[233]. Вместе с тем у государств-участников имеются некоторые непосредственные обязательства в отношении прав, предусмотренных Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, включая предоставление гарантий того, что права будут осуществляться без какой-либо дискриминации[234], а также обязательство предпринимать шаги в целях полной реализации соответствующих прав[235]. Подобные шаги должны быть конкретными и целенаправленными[236].

62. Кроме того, различие между предусмотренными стандартами в области прав человека обязательством «уважать» (негативное обязательство), с одной стороны, и обязательством «защищать» и «обеспечивать» (позитивное обязательство), с другой[237], имеет аналог в рамках свода норм, регулирующих режим оккупации. Нормы, регулирующие режим оккупации, предусматривают, что негативные обязательства (в большинстве случаев – запреты) должны выполняться сразу же, тогда как выполнение позитивных обязательств зависит от «степени осуществляемого контроля, ограничений, имеющих место на первоначальных стадиях оккупации, и тех ресурсов, которые имеются в распоряжении иностранных вооруженных сил»[238]. Таким образом, обязательства, которые несет оккупирующее государство, должны быть «соизмеримы с длительностью оккупации»[239]. Аналогичным образом, указывалось, что позитивные обязательства в области прав человека, в отличие от негативных обязательств, могут применяться экстерриториально лишь «при таких обстоятельствах, когда государству целесообразно будет предпринимать активные шаги с учетом его авторитета, степени контроля и наличия ресурсов»[240].

---

[232] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory* (см. сноску 77 выше), para. 112; соответствующие решения Европейского суда по правам человека см. сноску 216 выше.

[233] ICRC, Commentary of 2016 to article 2 ... (см. сноску 75), пункт 322.

[234] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статья 2, пункт 2.

[235] Там же, статья 2, пункт 1.

[236] Замечание общего порядка по МПЭСКП № 14, пункт 30.

[237] См., например, O. De Schutter, *International Human Rights Law: Cases, Materials, Commentary*, Cambridge University Press, 2014, pp. 280–295.

[238] ICRC, Commentary of 2016 to article 2 ... (см. сноску 75 выше), para. 322.

[239] *Ibid.*

[240] Cerone (см. сноску 208 выше), p. 1505; автор анализирует решения Европейского суда по правам человека.

B. Окружающая среда и права человека: право на здоровье

63. Существует широкий консенсус относительно наличия взаимосвязи между правами человека и охраной окружающей среды[241]. Несмотря на то, что в основных договорах по правам человека (большая часть которых была разработана до того, как забота об окружающей среде получила широкое распространение) окружающая среда упоминается редко, практика применения положений соответствующих конвенций носит экологически ориентированный характер. Кроме того, трибуналы по правам человека превратились в наиболее популярный механизм для подачи заявок на возмещение экологического ущерба, поскольку в рамках многосторонних природоохранных соглашений процедуры рассмотрения жалоб не предусмотрены[242]. Взаимосвязи между защитой окружающей среды и правами человека также нашли свое отражение в решениях и практике договорных органов по правам человека. В своих заключительных замечаниях Комитет по экономическим, социальным и культурным правам рассматривал вопрос о праве на питание в контексте вопросов, связанных с загрязнением окружающей среды в результате сельскохозяйственной деятельности, а также деятельности предприятий обрабатывающей и добывающей промышленности[243]. Кроме того, вопрос о праве на питание увязывался с истощением природных ресурсов, традиционно принадлежащих коренным общинам[244].

64. Деградацию окружающей среды можно увязать с нарушением нескольких прав человека, включая право на жизнь, право на личную и семейную жизнь, право на здоровье и право на питание. В данной связи в течение двух последних десятилетий было принято значительное число судебных решений как на национальном, так и на региональном уровнях. Что касается права на жизнь, то можно упомянуть, в частности, о решении Суда Экономического сообщества западноафриканских государств по делу *«SERAP v. Nigeria»* (*«ПСЭПП против Нигерии»*), в котором Суд подтвердил, что «качество жизни населения зависит от качества окружающей среды»[245]. В решении по делу *«Yanomami v. Brazil»*

---

[241] См. итоговый доклад независимого эксперта по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, г-на Джона Х. Нокса от 24 января 2018 года (A/HRC/37/59).

[242] D. Shelton, “Human rights and the environment: substantive rights”, *in* M. Fitzmaurice, D. M. Ong and P. Merkouris (eds.), *Research Handbook on International Environmental Law*, Cheltenham, Edward Elgar, 2011. Вместе с тем в недавнее время была предпринята инициатива, направленная на расширение прав участия в том, что касается окружающей среды; речь идет о Региональном соглашении о доступе к информации, участии общественности и обеспечении правосудия в связи с экологическими вопросами в Латинской Америке и Карибском бассейне (URL: www.cepal.org/en/publications/39051-text-compiled-presiding-officers-incorporating-language-proposals-countries).

[243] Заключительные замечания Комитета по экономическим, социальным и культурным правам: Российская Федерация, 20 мая 1997 года, E/C.12/1/Add.13, пункт 24; Комитет выразил серьезную обеспокоенность высоким уровнем загрязнения пищевых продуктов, который, по-видимому, был вызван «ненадлежащим применением пестицидов и загрязнением окружающей среды, в том числе в результате ненадлежащего удаления тяжелых металлов и разливов нефти».

[244] Доклад Комитета по ЭСКП о работе его 20-й и 21-й сессий, рассмотрение докладов государств-участников: Камерун (1999 год), E/C.12/1999/11, пункт 337; Доклад Комитета по ЭСКП о работе его 42-й и 43-й сессий, рассмотрение докладов государств-участников: Мадагаскар (2009 год), E/C.12/2009/3, пункт 372; Доклад Комитета по ЭСКП о работе его 46-й и 47-й сессий, рассмотрение докладов государств-участников: Аргентина (2011 год), E/C.12/2011/3, пункт 268; Доклад Комитета по ЭСКП о работе его 38-й и 39-й сессий, рассмотрение докладов государств-участников: Парагвай (2007 год), E/C.12/2007/3, пункт 436.

[245] *Socio-Economic Rights and Accountability Project (SERAP) v. Nigeria*, document No. ECW/CCJ/JUD/18/12.

(*«Яномами против Бразилии»*) Межамериканский суд по правам человека признал взаимосвязь между здоровой окружающей средой и правом на жизнь[246]. В решении по делу *«Öneryildiz v. Turkey»* (*«Онерйилдыз против Турции»*) Европейский суд по правам человека постановил, что взрыв метана на городской свалке повлек за собой нарушение права на жизнь[247]. В решениях Европейского суда по правам человека право на неприкосновенность частной жизни является одним из наиболее часто используемых аргументов в связи с делами, касающимися природоохранных вопросов[248]. В недавнем консультативном заключении Межамериканского суда по правам человека в связи с просьбой рассмотреть вопрос о правах на жизнь и личную неприкосновенность в свете международного экологического права был сделан вывод о том, что право на здоровую окружающую среду входит в число основных прав человека[249]. Вместе с тем во многих случаях экономические, социальные и культурные права рассматриваются в качестве критериев при решении вопроса о том, «обеспечивается ли на удовлетворительном уровне соблюдение основополагающих экологических стандартов и норм»[250]. В следующих нескольких пунктах подробно рассматривается право на здоровье в качестве одной из наиболее очевидных точек соприкосновения между правами человека и вопросами защиты окружающей среды.

65. Нормы, регулирующие режим оккупации, лишь в незначительной мере затрагивают вопросы здравоохранения. В соответствии со статьей 56 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Конвенции IV) оккупирующая держава обязана «при помощи всех имеющихся у нее средств обеспечить и поддерживать при содействии национальных и местных властей деятельность санитарных и больничных учреждений и служб, здравоохранение и гигиену на оккупированной территории, в частности, принимая … меры, необходимые для борьбы с распространением заразных заболеваний и эпидемий». Данное положение, которое также следует рассматривать в свете Комментария МККК 2016 года, касается прежде всего периода, наступающего сразу после прекращения военных действий, а также непосредственных угроз здоровью, связанных с недоеданием, вынужденной миграцией и антисанитарией. Одновременно с этим общее обязательство оккупирующего государства по восстановлению и поддержанию общественного порядка и общественной жизни в сочетании с положением статьи 56 относительно обеспечения и поддержания медицинского обслуживания, общественного здравоохранения и гигиены на оккупированной территории подразумевает, что после нейтрализации упомянутых рисков оккупирующее государство также обязано обратить внимание на те проблемы общественного здравоохранения, которые носят более долгосрочный характер[251]. Установившаяся практика толкования и осуществления права на здоровье может пролить дополнительный свет на вопрос о том, что могут означать общие

---

[246] *Yanomami v. Brazil*, 5 March 1985, IACHR Resolution No. 12/85, Case No. 7615, Resolution 1.

[247] *Öneryildiz v. Turkey, Application No. 48939/99, Judgment of 30 November 2004*, para. 71.

[248] Статья 8 Европейской конвенции по правам человека. Имеется значительное число судебных решений, в которых данное право трактуется в контексте природоохранной проблематики; см., например: *Powell and Rayner v. the United Kingdom, Application No. 9310/81, Judgment of 21 February 1990; López Ostra v. Spain, Application No. 16798/90, Judgment of 9 December 1994; Guerra and Others v. Italy, Application No. 116/1996/735/532, Judgment of 19 February 1998*; и *Fadeyeva v. Russia, Application No. 55723/00, Judgment of 9 June 2005*.

[249] *The Environment and Human Rights, Advisory Opinion O*C-23/17 *of 15 November 2017*, Inter-American Court of Human Rights, Series A, No. 23, paras. 55 and 59. Консультативное заключение было опубликовано 7 февраля 2018 года и доступно по адресу www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_esp.pdf.

[250] Sands and Peel (см. сноску 197 выше), p. 817.

[251] См. Lubell (сноска 208 выше), pp. 317–337.

ссылки на обязательства оккупирующего государства в отношении общественного здравоохранения. С учетом этого фактора становится очевидной вспомогательная роль стандартов в области прав человека в условиях оккупации с той точки зрения, которая также является актуальной применительно к вопросам охраны окружающей среды.

66. Право на здоровье было закреплено в ряде международных документов в области прав человека, включая Всеобщую декларацию прав человека[252] и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах[253]. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам также разъяснил, что «право на здоровье охватывает широкий диапазон социально-экономических факторов, способствующих формированию условий, в которых люди могут вести здоровый образ жизни, и распространяется на основополагающие параметры, определяющие уровень здоровья людей, включая, например, продовольствие и питание, жилье, доступ к безопасной и пригодной для употребления воде и надлежащим санитарным услугам, безопасные и благоприятные для здоровья условия труда и здоровую окружающую среду»[254]. Комментируя «право на благоприятствующие здоровью параметры природной среды и условий труда»[255], Комитет также указал, что оно, в частности, включает в себя «предотвращение и уменьшение воздействия на людей вредных веществ, в том числе радиоактивных веществ и вредных химикатов, а также прочих неблагоприятных условий окружающей среды, которые оказывают прямое или косвенное воздействие на здоровье людей»[256]. Взаимосвязь с окружающей средой также очевидна из ссылки в том же контексте на Стокгольмскую декларацию 1972 года[257]. В других документах Комитет отметил взаимосвязь между реализацией права на здоровье, с одной стороны, а также деградацией окружающей среды[258], ее загрязнением[259] и истощением природных ресурсов, расположенных в районах традиционного проживания коренного населения, с другой[260].

67. В свою очередь, в тексте Конвенции о правах ребенка право на здоровье непосредственно увязывается с окружающей средой[261]. В соответствующем Замечании общего порядка Комитет по правам ребенка отмечает, что «государства должны принимать меры по реагированию на угрозы и риски, которые несет

---

[252] Всеобщая декларация прав человека, A/RES/217 A, статья 25, пункт 1.
[253] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статья 12.
[254] Замечание общего порядка по МПЭСКП № 14, пункт 4.
[255] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статья 12.2(b).
[256] Там же, пункт 15.
[257] Декларация по проблемам окружающей человека среды, содержащаяся в Докладе Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, 16 июня 1972 года, A/CONF.48/14/Rev.1 и Corr.1 (Стокгольмская декларация), принцип 1: «Человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь».
[258] См., например, Заключительные замечания Комитета по ЭСКП: Узбекистан, 24 января 2006 года, E/C.12/UZB/CO/1, пункт 28.
[259] Замечание общего порядка по МПЭСКП № 14, пункт 15.
[260] См., например, Доклад Комитета по ЭСКП о работе его 32-й и 33-й сессий, рассмотрение докладов государств-участников: Эквадор (2004 год), E/C.12/2004/9, пункт 278; Доклад Комитета по ЭСКП о работе его 25-й, 26-й и 27-й сессий, рассмотрение докладов государств-участников: Венесуэла (2001 год), E/C.12/2001/17, пункт 85.
[261] Статья 24.

загрязнение окружающей среды для детского здоровья при любых обстоятельствах»[262]. Вопрос о загрязнении окружающей среды и его взаимосвязь с правом на здоровье регулярно, хотя и не всегда подробно, затрагиваются в заключительных замечаниях Комитета[263]. Также поднимался и вопрос о последствиях вооруженных конфликтов для права на здоровье детей, в том числе применительно к токсичным пережиткам войн, которые «причиняют боль и страдания населению еще долгое время после того, как конфликты были завершены»[264]. В Ираке «независимые исследования … свидетельствуют о значительном увеличении количества случаев врожденных аномалий развития среди детей в зонах конфликта, которые зачастую не имеют доступа к медицинской помощи и лечению»[265].

68. Помимо этого, концепция права на здоровье, а в некоторых случаях – и права на здоровую окружающую среду закреплена в некоторых региональных договорах по правам человека. Так, например, в Африканской хартии прав человека и народов говорится о праве на здоровье, а также конкретно упоминается о праве на здоровую окружающую среду[266]. Ссылки на эти права содержатся в решениях по делам «Social and Economic Rights Action Centre and another v. Federal Republic of Nigeria» («Ogoniland case») («Центр действий в защиту социальных и экономических прав и другие против Федеративной Республики Нигерия» («дело Огониленд»))[267] и «SERAP v. Nigeria» («ПСЭПП против Нигерии»). В случае с первым из этих дел, которое касалось деградации окружающей среды и связанных с ним проблем со здоровьем населения в результате действий одного из нефтяных консорциумов, Африканская комиссия пришла к выводу о том, что в рамках упомянутых выше положений «признается важное значение чистой и безопасной окружающей среды, которая имеет непосредственное отношение к экономическим и социальным правам в той мере, в которой окружающая среда затрагивает качество жизни и безопасность людей»[268]. В решении по второму из этих дел, которое касалось разведки нефти и связанной с ней деградации окружающей среды в дельте реки Нигер, Суд ЭКОВАС пришел к выводу о нарушении права на здоровую окружающую среду и подтвердил, что «как всем известно, случаи разлива нефти приводят к загрязнению водной среды, гибели водной флоры и фауны и снижению плодородия почв, что, в свою очередь, оказывает негативное воздействие на здоровье и жизнеобеспечение людей, живущих в окрестных районах»[269]. Право на здоровье также упоминается в Факультативном протоколе к Американской конвенции о правах человека, касающемся

---

[262] Замечание общего порядка КПР № 15, «Право ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения», 17 апреля 2013 года,https://undocs.org/ru/CRC/C/GC/15, пункты 49–50.

[263] См., например, Доклад Комитета о правах ребенка, 33-я сессия, 23 октября 2003 года,https://undocs.org/ru/CRC/C/132, пункт 434; Заключительные замечания Комитета по правам ребенка: Бангладеш, 27 октября 2003 года,https://undocs.org/ru/CRC/C/15/Add.221, пункт 53.

[264] Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов, 2 августа 2016 года, A/HRC/33/41, пункт 16.

[265] Там же.

[266] Статья 16(1) (право на здоровье), статья 24 («право на удовлетворительное общее состояние окружающей среды, благоприятствующее развитию [каждого человека]»).

[267] *Social and Economic Rights Action Centre (SERAC) and another v. Federal Republic of Nigeria*, Communication 155/96 (African Commission on Human and Peoples' Rights 2001).

[268] *Ibid., para.* 50.

[269] *SERAP* case, *para.* 96.

экономических, социальных и культурных прав (Сан-Сальвадорском протоколе)[270]. В решениях региональных органов признается, что право на здоровье включает в себя природоохранный компонент, в частности в том, что касается незагрязненной окружающей среды[271]. Кроме того, тот факт, что вредные факторы окружающей среды могут приводить к неблагоприятным последствиям для жизни и здоровья людей, признается в нескольких международных соглашениях по природоохранным вопросам[272].

69. Взаимосвязь между правом человека на здоровье и защитой окружающей среды подчеркивается в многочисленных документах, не имеющих обязательной силы. Например, в Азии в тексте Декларации прав человека АСЕАН упоминается право на здоровую окружающую среду в качестве одного из компонентов права на надлежащие условия жизни[273]. Кроме того, в принятой в 2004 году Арабской хартии прав человека признается, что право на здоровую окружающую среду является элементом права на надлежащие условия жизни[274]. В Американской декларации прав и обязанностей человека говорится о том, что каждый человек имеет право оберегать «свое здоровье посредством мер санитарного и социального характера, касающихся питания, одежды, жилья и медицинского обслуживания»[275]. Кроме того, право на здоровье и его взаимосвязь с охраной окружающей среды были признаны в Стокгольмской декларации[276] и в Европейской хартии 1989 года по окружающей среде и здравоохранению[277]. Вопрос о взаимосвязях между правом на здоровье и окружающей средой также

---

[270] Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the area of Economic, Social and Cultural Rights, (San Salvador, 17 November 1988), Organization of American States, *Treaty Series* No. 69.

[271] См. IACHR Annual Report 1984–85, Chapter V, Areas in which Further Steps are Needed to Give Effect to the Human Rights Set Forth in the American Declaration of the Rights and Duties of Man and the American Convention on Human Rights, OEA/Ser.L/V/II.66; см. также IACHR Report on The Situation of Human Rights in Cuba, 4 October 1983, OEA/Ser.L/V/II.61, Doc. 29 rev. 1, Chap. XIII *(The Right to Health),* para. 41; Case No. 7615; *Indigenous Community Yakye Axa v. Paraguay*, Merits, Reparations, и Costs Judgment of 17 June 2005 (Series C No. 125), para. 167.

[272] См., например, Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, статья 1; Венская конвенция об охране озонового слоя, преамбула; Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, статья 1; Конвенция о биологическом разнообразии, преамбула; Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии, преамбула, статья 1; Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях, преамбула и статьи 1, 3, 6, 9-11 и 13; и Минаматская конвенция по ртути, преамбула и статьи 1, 3-5, 12, 16-19.

[273] ASEAN Human Rights Declaration, 18 November 2012, (para. 28 (f)); URL:www.asean.org/storage/images/ASEAN_RTK_2014/6_AHRD_Booklet.pdf. См. также: the Ministerial Declaration on Environment and Development in Asia and the Pacific, 14 September 2017, E/ESCAP/MCED(7)/5, paras. 13 and 19, URL: www.apministerialenv.org/document/MCED_5E.pdf; и the Yangon Resolution on Sustainable Development, 18 December 2003, URL: http://asean.org/yangon-resolution-on-sustainable-development-2/.

[274] League of Arab States, Arab Charter on Human Rights (22 May 2004), arts. 38 and 39(2), reprinted in *International Human Rights Report*, vol. 12 (2005), p. 893.

[275] American Declaration of the Rights and Duties of Man, O.A.S. Res. XXX (2 May 1948), reprinted in *Basic Documents Pertaining to Human Rights in the Inter-American System*, OAS/Ser.L/V/I.4 Rev.9 (2003), article XI. See also *Interpretation of the American Declaration of the Rights and Duties of Man Within the Framework of Article 64 of the American Convention on Human Rights, Advisory Opinion O*C-10/89*, 14 July 1989*, Inter-American Court of Human Rights, (Ser. A), No. 10 (1989).

[276] Стокгольмская декларация (см. сноску 257 выше), преамбула и принцип 7.

[277] European Charter on Environment and Health, adopted at First European Conference on Environment and Health, Frankfurt, 7–8 December 1989, preamble.

затрагивался в рамках работы специальных докладчиков Совета по правам человека[278]; государства обсуждали как право на здоровую окружающую среду, так и взаимосвязь между правом на здоровье и охраной окружающей среды в контексте универсальных периодических обзоров[279].

70. Из вышеприведенного обзора следует, что тесная взаимосвязь между правом на здоровье и окружающей средой признается во всем мире. Поскольку деградация окружающей среды, включая ее загрязнение, а также истощение природных ресурсов, создает угрозу общественному здравоохранению, соответствующие обязательства государств в области прав человека не ограничиваются лишь оказанием населению своевременных и надлежащих услуг в сфере здравоохранения, а распространяется и на принятие природоохранных мер. В данной связи отмечалось, что «непредоставление доступа к питьевой воде, в которой отсутствовали бы токсичные или иные загрязнители, загрязнение атмосферы тяжелыми металлами или радиоактивными материалами, а также помещение опасных или токсичных отходов в непосредственной близости от жилищ» можно рассматривать в качестве нарушений основополагающих экономических и социальных прав[280]. Формирующийся корпус решений региональных судов по правам человека дает определенное представление о пороговых показателях деградации окружающей среды, превышение которых позволяет вести речь о нарушении основных прав человека[281]. Вместе с тем признавалась необходимость выработки «ключевых параметров качества окружающей среды, в том числе в отношении таких вопросов, как качество атмосферного воздуха, глобальный климат, качество пресной воды, загрязнение Мирового океана, отходы,

---

[278] См., например, «Право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», доклад Специального докладчика Поля Ханта, E/CN.4/2003/58, пункт 23; «Положение в области прав человека в Палестине и на других оккупированных арабских территориях», объединенный доклад Специального докладчика по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о детях и вооруженных конфликтах, Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях, Представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека внутренне перемещенных лиц, Специального докладчика по вопросу о праве на достаточное жилье как составной части права на достаточный уровень жизни и по вопросу о праве на недискриминацию в этом контексте, Специального докладчика по вопросу о праве на питание, Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, Специального докладчика по вопросу о праве на образование и Независимого эксперта по вопросу о правах человека и крайней нищете, представленный в соответствии с резолюцией S-9/1, 29 мая 2009 года, A/HRC/10/22, пункт 54.

[279] Mapping Human Rights Obligations Relating to the Enjoyment of a Safe, Clean, Healthy and Sustainable Environment, Individual Report of the General Assembly and the Human Rights Council, including the Universal Periodic Review Process, Report No. 6, December 2013, part 3.C. См. также доклад независимого эксперта по вопросу об обязательствах в области прав человека, связанных с пользованием безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, Джона Х. Нокса, 30 декабря 2013 года, A/HRC/25/53.

[280] Sands and Peel (см. сноску 197 выше), p. 818.

[281] См., например, решения по делам *Yanomami v. Brazil*, *Öneryildiz v. Turkey*, *Lopez Ostra v. Spain*, *Guerra and others v. Italy*, *Fadeyeva v. Russia*, *SERAC* and *SERAP*, а также уже обсуждавшийся выше документ *The Environment and Human Rights*, Advisory Opinion of the Inter-American Court of Human Rights. См. также: R. Pavoni, “Environmental jurisprudence of the European and Inter-American Courts of Human Rights: Comparative insights”, в B. Boer, *Environmental Law Dimensions of Human Rights*, Oxford University Press, 2015, pp. 69–106.

токсичные вещества, охраняемые природные районы, природоохранные меры и биологическое разнообразие»[282].

71. Еще один вопрос связан с тем, каким образом подобные пороговые параметры или стандарты могли бы применяться в ситуациях, связанных с вооруженными конфликтами и оккупацией. В данной связи следует напомнить о том, что в связи с правом на здоровье (равно как и в связи со всеми другими правами человека) имеются три уровня обязательств государств-участников международных договоров по правам человека[283]. Как указывал Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, обязательство «соблюдать» права требует, чтобы государства воздерживались от прямого или косвенного вмешательства в процесс удовлетворения права на здоровье. Обязательство «защищать» права налагает на государства обязанность принимать меры в целях недопущения подобных действий третьими сторонами. Наконец, обязательство «обеспечивать реализацию» прав требует, чтобы государства предпринимали шаги, направленные на всемерную реализацию права на здоровье[284]. Касательно вопроса об обязательстве по соблюдению права на здоровье Комитет разъясняет, что государствам следует, в частности, «воздерживаться от незаконного загрязнения воздуха, воды и почвы, например, посредством промышленных выбросов с государственных предприятий»[285]. Кроме того, государствам следует «воздерживаться от сокрытия или преднамеренного искажения информации по вопросам здоровья», а также от «противодействия участию населения в деятельности по охране здоровья»[286]. Обязательство «обеспечивать реализацию» данного права требует, чтобы государства, в частности, адекватным образом отражали право на здоровье в рамках национальных политических и правовых систем. Оно также включает в себя требование принимать меры в целях нейтрализации таких рисков, как риски, связанные с возникновением опасностей для здоровья в результате действия экологических факторов. С этой целью государствам «следует разрабатывать и осуществлять национальные стратегии, направленные на снижение и ликвидацию загрязнения воздуха, воды и почвы, включая загрязнение тяжелыми металлами, такими, как содержащийся в бензине свинец»[287].

72. Как указывалось выше, Пакт предусматривает постепенную реализацию прав, а также указывает на сложности, связанные с наличием ресурсов. Если говорить об оккупирующем государстве, то понятие имеющихся в наличии ресурсов может включать в себя поступления с оккупированных территорий, которые могут использоваться оккупирующим государством для покрытия расходов, связанных с оккупацией, а также для удовлетворения нужд населения оккупированной территории. Возможность использования оккупирующим государством своих собственных ресурсов и масштабы такого использования зависят от ряда факторов[288]. Прочие ограничения, связанные с возможностью принятия оккупирующим государством активных мер (включая меры законодательного характера) вытекают из принципа сохранения статус-кво. Хотя этот принцип можно рассматривать как «достаточно эластичный» с точки зрения возможности принятия новых законов, отвечающих требованиям развития ситуации,

[282] См. итоговый доклад независимого эксперта по вопросу об обязательствах в области прав человека, связанных с пользованием безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, Джона Х. Нокса от 24 января 2018 года (A/HRC/37/59), Рамочный принцип 11, комментарий, пункт 31.
[283] См. сноску 235 выше.
[284] Замечание общего порядка по МПЭСКП, пункт 33.
[285] *Там же*, пункт 34.
[286] *Там же*.
[287] *Там же*, пункт 36.
[288] См. сноску 218 выше.

если это необходимо для обеспечения безопасности, соблюдения норм международного гуманитарного права или удовлетворения нужд населения[289], многое в этом плане зависит от характера и длительности оккупации. Кроме того, поскольку цели таких ориентированных на будущее действий ограничены, в условиях длительной оккупации может быть целесообразным привлечение к процессу принятия решений местного населения.

73. С учетом ограничений материального и юридического характера, обусловленных временной природой ситуаций, связанных с оккупацией, можно сделать вывод о том, что выполнение задач, связанных с разработкой и осуществлением национальной природоохранной политики, не является ни целесообразным, ни даже желательным для оккупирующего государства, по крайней мере в тех случаях, когда к участию в этом процессе не привлекается население оккупированной территории. С другой стороны, принцип постепенной реализации права на здоровье в течение определенного периода времени не следует воспринимать как обстоятельство, освобождающее государства-участники от выполнения каких бы то ни было конкретных обязательств[290]. Кроме того, предполагается, что обязательства оккупирующего государства будут расширяться, «с тем чтобы быть соизмеримыми с длительностью оккупации»[291].

74. Если говорить и начальных стадиях оккупации, то обязательства оккупирующего государства, как представляется, относятся к области «соблюдения прав», включая, например, воздержание от действий, которые наносят значительный ущерб окружающей среде и общественному здравоохранению[292]. Кроме того, приоритетные задачи оккупирующего государства в сфере общественного здравоохранения могут включать в себя защиту населения от негативных последствий для его здоровья того ущерба окружающей среде, который наносится в результате выбросов токсичных веществ, загрязнения водной среды и разливов нефти, а также других опасностей для здоровья, связанных с экологическим ущербом в результате вооруженных конфликтов[293].

75. Как сообщала Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде, Коалиционная временная администрация (КВА) в Ираке, действуя в качестве представителя оккупирующих государств, предпринимала попытки решить некоторые из наиболее острых экологических проблем, связанных с очевидными негативными последствиями для здоровья населения. По данным ЮНЕП, коллапс системы удаления отходов в ходе конфликта «повлек за собой неконтролируемые и частые случаи помещения муниципальных отходов на улицы в результате отказа систем сбора отходов, мародерства и наличия ограничений». Кроме того, в результате конфликта «образовалось значительное количество строительного мусора из-за разрушения зданий в результате бомбардировок (возможно, с применением обедненного урана и асбеста), а также заброшенного военного снаряжения (включая транспортные средства, неразорвавшиеся боеприпасы и обедненный уран)[294]. ЮНЕП сообщала, что КВА развернула

[289] Dinstein (см. сноску 81 выше), pp. 112–116.
[290] См. сноску 236 выше.
[291] ICRC, *Expert Meeting …* (сноска 99 выше).
[292] В докладе Организации Объединенных Наций о положении в области прав человека в Кувейте в период иракской оккупации указывалось, что «в периоды вооруженных конфликтов преднамеренное нанесение окружающей среде широкомасштабного ущерба, который наносит ощутимый вред здоровью значительной части населения или создает угрозы здоровью будущих поколений» равносильно серьезному нарушению права на здоровье (см. сноску 207 выше, стр. 54).
[293] См., например: Hulme (сноска 65 выше), pp. 119– 142.
[294] UNEP, *Environment in Iraq: UNEP Progress Report* (see footnote 58 above), p. 16.

экстренную программу сбора отходов, благодаря которой удалось «удалить более миллиона кубометров мусора с улиц и дворов Багдада»[295]. Помимо этого, «КВА приступила к реализации программы, которая включала в себя оценку технического состояния строений, пострадавших в результате бомбардировок Багдада, а также их сноса и вывоза строительного мусора»[296]. КВА также объявила о прямом финансировании программы удаления отходов по линии министерства общественных работ Ирака, предполагавшей предоставление временной работы 100 000 людей, которые будут заниматься сбором и удалением отходов с улиц и из канализационной системы[297].

76. В случае с более стабильными ситуациями, связанными с оккупацией, соответствующие негативные обязательства могли бы включать в себя, как минимум, отказ от неправомерных действий, приводящих к загрязнению атмосферы, воды и почвы, а также от сокрытия экологической информации, имеющей отношение к общественному здравоохранению, как это предлагалось Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам[298]. Вместе с тем это не должно восприниматься как повод для возложения на оккупирующее государство ответственности за реализацию политических решений, принимавшихся субъектом территориального суверенитета до начала оккупации. Так, например, если экономика оккупированной территории зависит от производств, загрязняющих окружающую среду, возможные действия оккупирующего государства по коренной перестройке производственной инфраструктуры вышли бы за рамки полномочий оккупирующего государства в качестве временной администрации. С другой стороны, в условиях длительной оккупации принятие активных мер может быть обосновано с точки зрения необходимости не допустить экономического застоя[299].

III. Роль международного экологического права в условиях оккупации

A. Взаимодополняемость норм международного экологического права

77. Вопрос о применимости норм международного экологического права к ситуациям, связанным с вооруженными конфликтами, является предметом, которому как ученые, так и международные суды и трибуналы в целом уделяли гораздо менее пристальное внимание, нежели вопросу о взаимосвязи стандартов в области прав человека и норм международного гуманитарного права. В данной связи консультативное заключение Международного Суда 1996 года по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения является важным свидетельством в пользу того, что нормы обычного международного экологического права продолжают применяться и в условиях вооруженных конфликтов. По мнению Суда, несмотря на то, что действующие нормы международного права, касающиеся защиты и сохранения окружающей среды, не предусматривают конкретного запрета на применение ядерного оружия, они обозначают важ-

[295] *Ibid*.
[296] *Ibid*.
[297] *Ibid*., p. 17.
[298] См. сноску 236 выше.
[299] См. пункты 43–46 выше.

ные факторы природоохранного характера, которые следует надлежащим образом принимать во внимание в контексте реализации юридических принципов и правил, используемых в отношении вооруженных конфликтов[300].

78. В принятых Комиссией в 2011 году проектах принципов, касающихся последствий вооруженных конфликтов для договоров, указывается, что действие договоров, регламентирующих международную защиту окружающей среды, договоров, касающихся международных водотоков или водоносных горизонтов, а также многосторонних нормативных договоров может продолжаться в периоды вооруженных конфликтов[301]. Несмотря на то что включение таких договоров в примерный перечень лишь создает «комплекс опровержимых презумпций»[302], вытекающих из предмета таких договоров, Комиссия отметила, что замечания Суда в его консультативном заключении по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения «дают общие и косвенные основания для того, чтобы утверждать, что применение положений договоров о защите окружающей среды в периоды вооруженных конфликтов является уместным»[303]. Применительно к договорам о водотоках и водоносных горизонтах можно также сослаться на подготовленные Комиссией проекты статей по темам «Право несудоходных видов использования международных водотоков» и «Правовые нормы, относящиеся к трансграничным водоносным горизонтам»[304]. Что касается нормативных договоров, то в соответствующем комментарии упоминаются неполитический характер таких договоров, их предполагаемый бессрочный характер, а также практика государств[305]. Представляется, что данные соображения также применимы к многосторонним соглашениям об охране окружающей среды. Кроме того, в той мере, в которой такие договоры относятся к экологическим проблемам, имеющим трансграничный характер, или же имеют глобальный охват, и при этом были ратифицированы многими странами, едва ли можно было бы представить себе такую ситуацию, при которой их действие было бы

---

[300] *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996, p. 226, para. 33.

[301] Проекты статей о последствиях вооруженных конфликтов для договоров; *Yearbook … 2011*, vol. II (Part Two), pp. 107–130, paras. 100–101.

[302] *Ibid*., p. 120; пункт 2 комментариев к приложению.

[303] *Ibid*., p. 127; пункт 55 комментариев к приложению.

[304] Проекты статей о праве несудоходных видов использования международных водотоков (с комментариями) и резолюция о трансграничных артезианских подземных водах, комментарий к статье 29, пункт 3; Yearbook … 1994, vol. II (Part Two), pp. 88–135, paras. 210–222. «Разумеется, настоящие статьи как таковые применяются даже в периоды вооруженных конфликтов. Обязательство государств, на территории которых расположены бассейны международных водотоков, по защите этих водотоков и связанной с ними инфраструктуры в соответствии со статьями остается в силе в такие периоды. Вместе с тем военные действия могут оказывать влияние на международные водотоки, а также на их защиту и использование государствами, на территории которых расположены их бассейны. Применительно к таким случаям в статье 29 ясно говорится об уместности применения правил и принципов, регламентирующих вооруженные конфликты». См. также проекты статей о правовом режиме трансграничных водоносных горизонтов (с комментариями); *Yearbook…2008*, vol. II (Part Two), pp. 19–43, paras. 53–54, комментарий к статье 18, пункт 3: «Обязательство государств, на территории которых находятся трансграничные водоносные горизонты, по защите и использованию таких горизонтов и связанной с ними инфраструктуры в соответствии с настоящими проектами статей остается в силе даже в периоды вооруженных конфликтов. Вместе с тем военные действия могут оказывать влияние на трансграничные водоносные горизонты, а также на их защиту и использование государствами, на территории которых они расположены. Применительно к таким случаям в проекте статьи 18 ясно говорится об уместности применения правил и принципов, регламентирующих вооруженные конфликты».

[305] Проекты статей о последствиях вооруженных конфликтов для договоров, приложение, пункт 15–21.

приостановлено лишь в отношении сторон в конфликте[306]. Можно вести речь о том, что обязательства, предусмотренные подобными договорами, служат ограждению коллективных интересов и относятся к более широкому кругу государств, нежели государства, которые имеют отношение к тому или иному конфликту или оккупации[307].

79. В Руководящих принципах МККК в отношении защиты окружающей среды в периоды вооруженных конфликтов далее указывается, что «международные природоохранные соглашения и соответствующие нормы обычного права могут применяться и в периоды вооруженных конфликтов в той мере, в которой они не противоречат применяемым в подобных случаях нормам права вооруженных конфликтов. Обязательства по защите окружающей среды, которые имеют обязательную силу для государств, не являющихся сторонами вооруженного конфликта (например, соседних государств) и распространяются за пределы национальных юрисдикций (например, на открытое море), не зависят от наличия вооруженного конфликта в той мере, в которой эти обязательства не противоречат применяемым в подобных случаях нормам права вооруженных конфликтов»[308].

80. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что как обычное, так и кодифицированное международное экологическое право продолжают играть определенную роль в ситуациях, связанных с оккупацией. Этот вывод становится еще более актуальным в свете того, что в рамках работы Комиссии по теме «Последствия вооруженных конфликтов для договоров» рассматривались вооруженные конфликты в целом, а также того, что в своем консультативном заключении по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения Международный Суд сосредоточил основное внимание на применении оружия, которое «способно уничтожить всю цивилизацию и всю экосистему планеты»[309], тогда как ситуации, связанные с оккупацией, по своему характеру иногда могут приближаться к условиям мирного времени. Как и в случае со стандартами в области прав человека, имеются основания для того, чтобы проводить различие между стадией оккупации и стадией активных боевых действий, в том числе в плане применимости правовых норм, действующих в мирное время.

B. Должная осмотрительность

81. Что касается норм обычного международного экологического права, то основной интерес представляет ответственность за недопущение ущерба окружающей среде в других государствах и в районах, находящихся за пределами национальной юрисдикции, закрепленная в принципе 21 Стокгольмской декларации 1972 года и в принципе 2 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде

---

[306] K. Bannelier-Christakis, “International Law Commission and protection of the environment in times of armed conflict: a possibility for adjudication?”, *Journal of International Cooperation Studies*, vol. 20, No. 2 (2013), pp. 129 –145, at p. 140–141; and Dam-de Jong (см. сноску 128 выше), pp. 110–111.

[307] В контексте положений пункта 1(a) статьи 48 (в том разделе статей, которые касаются ответственности государств) в соответствующем комментарии (пункт 7) в данной связи упоминаются природоохранные договоры. См. *Yearbook … 2001*, vol. II (Part Two) and corrigendum, paras. 76–77, pp. 26–143, p. 126.

[308] ICRC, Guidelines for Military Manuals and Instructions on the Protection of the Environment in Times of Armed Conflict (1996), para. 5.

[309] *Nuclear Weapons* advisory opinion, para. 35.

и развитию 1992 года[310]. Эту ответственность называли «краеугольным камнем международного экологического права»[311] и «наиболее широко признанным принципом международного экологического права на сегодняшний день»[312]. Данное обязательство перекликается с концепцией должной осмотрительности[313]; в контексте международного экологического права на нее иногда ссылаются как на принцип «литейного завода в Трейле»[314] или же принцип «не навреди». Обязательство не наносить ущерба окружающей среде в других государствах, как правило, рассматривается как норма обычного права в природоохранной сфере. Международный Суд сослался на это принцип в своем решении по делу «Ядерное оружие», указав, что государства несут общую ответственность за то, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции и контроля обеспечивала сохранение окружающей среды в других государствах, а также на территориях, находящихся вне пределов национального контроля. По мнению Суда, данное обязательство «в настоящее время стало частью корпуса норм международного права, касающихся окружающей среды»[315]. Кроме того, Комиссия включила этот принцип в свои проекты статей о предотвращении трансграничного ущерба от опасных видов деятельности[316]. Согласно соответствующему комментарию обязательство проявлять должную осмотрительность может быть выведено из нескольких международных конвенций в качестве эталонного принципа защиты окружающей среды от вреда[317].

82. Что касается применимости данного принципа в конкретном контексте ситуаций, связанных с оккупацией, то можно сослаться на консультативное заключение Международного Суда по вопросу о юридических последствиях для государств, вызываемых продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии, в котором Суд напомнил о международных обязательствах и ответственности Южной Африки по отношению к другим государствам в связи с осуществлением ее полномочий в отношении оккупированной территории, указав, что «основанием для возложения на государства ответственности за действия, име-

---

[310] Стокгольмская декларация (см. сноску 257 выше), принцип 21: «В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права государства … несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции». См. также Рио-де-Жанейрскую декларацию по окружающей среде и развитию (см. сноску 66 выше), принцип 2.

[311] Sands and Peel (см. сноску 197 выше), p. 201.

[312] T. Koivurova, “What is the principle of due diligence?”, в J. Petman and J. Klabbers (eds.), *Nordic Cosmopolitanism, Essays in International Law for Martti Koskenniemi*, London, Martinus Nijhoff, 2003, pp. 341–349, p. 349.

[313] *The Corfu Channel Case, Judgment on Preliminary Objections, I.C.J. Reports 1948*, p. 15; International Law Association, Study Group on Due Diligence in International Law, *First Report* (March 2014) and *Second Report* (July 2016); и T. Koivurova, “Due diligence”, *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*; текст доступен по адресу www.mpepil.org.

[314] *Trail Smelter Case (United States, Canada), 16 April 1938 and 11 March 1941*, UNRIAA, vol. III, pp. 1905–1982.

[315] *Nuclear Weapons* advisory opinion, para. 29. См. также: Sands and Peel (сноска 197 выше), p. 206 и U. Beyerlin, “Different types of norms in international environmental law. Policies, principles and rules”, в D. Bodansky, J. Brunnée and E. Hey (eds.), *The Oxford Handbook of International Environmental Law*, Oxford University Press, 2008, pp. 426–448, p. 439.

[316] Draft articles on the prevention of transboundary harm from hazardous activities, article 3: “The State of origin shall take all appropriate measures to prevent significant transboundary harm or at any event to minimize the risk thereof”, *Yearbook… 2001*, vol. II (Part Two) and corrigendum, pp. 144–170, paras. 78–98.

[317] *Ibid.*, commentary to art. 3, para. 8.

ющие последствия для других государств, является не суверенитет или законность прав владения, а физический контроль над территорией»[318]. Кроме того, Суд упомянул об общем обязательстве государств обеспечивать, чтобы деятельность в пределах их юрисдикции и контроля не наносила вреда окружающей среде других государств или районов, находящихся вне пределов национального контроля, в своем решении по делу «Целлюлозные заводы на реке Уругвай»[319], а также в решении по объединенным «Некоторые мероприятия» и «Строительство дороги»[320].

83. В подготовленных Комиссией проектах статей о предотвращении трансграничного ущерба от опасных видов деятельности указывается, что это обязательство применимо к деятельности, которая ведется в пределах территории государства или районов, находящихся под его юрисдикцией или контролем в силу иных причин[321]. Следует напомнить о том, что Комиссия постоянно использовала эту формулировку применительно не только к территории государств, но и к деятельности, которая ведется на других территориях, находящихся под контролем этих государств. Как разъясняется в комментарии к проекту статьи 1, «речь идет о ситуациях, при которых государство осуществляет юрисдикцию де-факто, даже если де-юре у него нет оснований для осуществления такой юрисдикции, включая, например, случаи незаконной интервенции, оккупации и незаконной аннексии»[322]. Таким образом, как представляется, имеются достаточные основания для того, чтобы говорить о наличии ответственности оккупирующего государства за соблюдение принципа «не навреди» (должной осмотрительности) в целях предотвращения серьезного трансграничного ущерба окружающей среде в третьих государствах.

84. Принцип «не навреди» (или принцип должной осмотрительности) в обычном международном экологическом праве применяется лишь к ущербу, масштабы которого превышают установленный пороговый уровень (который чаще всего определяется как «значительный ущерб»)[323], и представляет собой обязательство поведения, которое предусматривает, что государство будет принимать все те меры, принятия которых от него можно прогнозируемо ожидать[324]. Комиссия описала основные элементы обязательства, связанного с проявлением должной осмотрительности, применительно к обязанности предотвращать трансграничный ущерб от опасных видов деятельности, следующим образом: «Основные элементы обязательства, связанного с проявлением должной осмотрительности, применительно к обязанности предотвращать трансграничный ущерб от опасных видов деятельности сводятся к степени заботы, проявление которой ожидается от эффективного правительства. В распоряжении последнего должны иметься правовая система и ресурсы, достаточные для функционирования эффективного административного аппарата в целях контроля и мониторинга соответствующих видов деятельности. Вместе с тем очевидно, что степень заботы, которую, как ожидается, должно проявлять государство, которому при-

[318] *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia* (см. сноску 141 выше), at p. 54, para. 118.
[319] *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay), Judgment, I.C.J. Reports 2010*, p. 14, para. 101.
[320] *Certain Activities Carried out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua)* and *Construction of a Road in Costa Rica along the San Juan River (Nicaragua v. Costa Rica*), *Judgment, I.C.J. Reports 2015*, p. 665.
[321] Draft articles on the prevention of transboundary harm from hazardous activities, commentary to article 2 (use of terms), para. 10.
[322] *Ibid*., commentary to draft art. 1, para. 12.
[323] См., например: Koivurova, “Due diligence” (сноска 313 выше), para. 23.
[324] International Law Association, *Second Report* (см. сноску 313 выше), p. 8.

сущи высокая степень развития экономики, а также наличие значительных людских и материальных ресурсов и высокоразвитые системы и структуры управления, отличается от аналогичных ожиданий в отношении не столь развитых государств. При этом даже в последнем случае ожидается, что выполнение функций, естественным образом возлагаемых на все без исключения правительства, включая бдительность, использование имеющейся инфраструктуры и мониторинг опасных видов деятельности на территории государства, будут выполняться[325].

85. В тех случаях, когда возникают сомнения в способности оккупирующего государства в качестве временного администратора выполнить требования, ожидаемые от «эффективного правительства», центральным элементом обязательств оккупирующего государства по предотвращению трансграничного экологического ущерба может становиться минимальный уровень бдительности, описанный в соответствующем комментарии.

86. Обязательство не причинять значительного ущерба окружающей среде в других государствах является общепризнанным в трансграничном контексте и имеет особую актуальность применительно к природным ресурсам, находящимся на территории нескольких государств, включая морские акватории, международные водотоки и трансграничные водоносные горизонты. Данное обязательство конкретно предусматривается в Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года[326], а также в Конвенции ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер[327] и Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву[328]. Многочисленные региональные договоры предусматривают соответствующие обязательства по принятию превентивных мер, сотрудничеству, уведомлению и выплате компенсаций в связи с ущербом, нанесенным рекам и озерам[329]. Данный принцип также был подтвержден и уточнен в решениях международных и региональных судов[330].

87. Как уже упоминалось выше, власть оккупирующего государства, установленная в отношении определенной сухопутной территории, распространяется и на прилегающие к ней морские акватории, а также на вышележащее воздушное пространство[331]. Такая власть также подразумевает (по крайней мере в тех случаях, когда оккупирована вся территория того или иного государства), что оккупирующее государство несет временные обязательства соблюдать положения о

---

[325] Draft articles on the prevention of transboundary harm from hazardous activities, commentary to article 3, para. 17.

[326] Статья 7.

[327] Статья 2.

[328] Статья 194 (2).

[329] См., например, Конвенцию о защите Рейна (1999 год); Соглашение о Плане действий по экологически рациональному использованию общей системы реки Замбези (1987 год); и Соглашение о сотрудничестве в целях устойчивого развития бассейна реки Меконг (1995 год); все тексты доступны по адресу www.ecolex.org. См. также: the Revised Great Lakes Water Quality Agreement (United States, Canada, 2013); документ доступен по адресу https://ijc.org.

[330] Некоторые из дел, в связи с которыми Международный Суд разъяснил природоохранные обязательства государств, были связаны с использованием и охраной водных ресурсов, включая, например, заболоченные земли и реки; речь, в частности, идет о делах *«Construction of a Road»* (см. сноску 320 выше) и *«Pulp Mills»* (см. сноску 319 выше) а также о деле *«Gabčíkovo-Nagymaros»* (см. сноску 201 выше). См. также: *Indus Waters Kishenganga Arbitration, Case No. 2011-1, 20 December 2013*, Permanent Court of Arbitration, paras. 449–450. Многочисленные решения региональных судебных органов доступны по адресу www.ecolex.org.

[331] См. пункт 21 выше.

правах и обязанностях в отношении водотоков, озер, морских акваторий и прочих трансграничных водных ресурсов, которые находятся не только на территории субъекта территориального суверенитета, но и на территории других государств[332]. В их число входят обязательство не причинять серьезного вреда окружающей среде в других государствах и в районах, находящихся за пределами национальной юрисдикции, а также соответствующие обязательства процедурного характера.

88. Кроме того, на обязательства оккупирующего государства по отношению к другим государствам могут оказывать влияние правила, касающиеся нейтралитета. Эти правила продолжают действовать в период активных боевых действий вплоть до окончания вооруженного конфликта, включая любые ситуации, связанные с оккупацией[333]. Территория нейтральных государств является неприкосновенной, а также защищенной от сопутствующих разрушений[334]. Следует отметить, что такая защита носит абсолютный характер, тогда как принцип должной осмотрительности представляет собой обязательство поведения, которое лишь требует от государств делать все, что в их силах, с учетом их возможностей. Вместе с тем принцип должной осмотрительности предполагает ответственность за отсутствие требуемой бдительности в том, что касается деяний негосударственных лиц организаций, действующих по своей собственной инициативе. Следует также напомнить о том, что Международный Суд признал «обязанность [Уганды] проявлять бдительность» в качестве оккупирующего государства применительно к случаям грабежей и мародерства со стороны групп повстанцев[335].

89. Несмотря на то, что экологические обязательства, связанные с принципом должной осмотрительности (или превентивных мер), как правило, имеют силу лишь в трансграничном контексте[336], в связи с этим можно сделать вывод о том, что оккупирующее государство несет аналогичную ответственность в отношении нанесения такого ущерба окружающей среде в оккупированных районах, который позволяет вести речь о разграблении территории, в том числе в результате действий частных субъектов[337]. Ассоциация международного права также пришла к выводу о том, что «оккупирующие государства … несут обязательства в отношении должной осмотрительности на оккупированных ими территориях, а масштабы реализации таких обязательств зависят от степени осуществляемого ими контроля»[338]. Как указывается в Рио-де-Жанейрской декларации, «окружа-

---

[332] Benvenisti, “Water conflicts during the occupation of Iraq” (см. сноску 129 выше).

[333] M. Bothe, “The law of neutrality”, in D. Fleck (ed.), *The Handbook of International Humanitarian Law*, 3rd ed., Oxford University Press, 2013, pp. 549–580, at pp. 559–560. Примеры различных толкований вопроса о продолжительности периода нейтралитета см. в: P. Hostetter and O. Danai, “Neutrality in land warfare”, *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*; документ доступен по адресу www.mpepil.com.

[334] Bothe (сноска выше), pp 559–600.

[335] *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 83 выше), p. 253, para. 247.

[336] Определение трансграничного ущерба см.: the draft articles on the prevention of transboundary harm from hazardous activities, commentary to art. 2 (*c*)

[337] По утверждению некоторых авторов, данное положение применимо к любому значительному ущербу, нанесенному окружающей среде в ходе вооруженных конфликтов или оккупации. См., например: D. Fleck, “Legal protection of the environment: the double challenge of non-international armed conflict and post-conflict peacebuilding”, *в* C. Stahn, J. Iverson and J. S. Easterday (eds.), *Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace*, Oxford University Press, 2017, pp. 203–219. См. также: M. Mason, “The application of warfare ecology to belligerent occupations”, *в* G. E. Machlis *et al*., (eds.), *Warfare Ecology: a New Synthesis for Peace and Security*, Dordrecht, Springer, 2011, pp. 155–173.

[338] International Law Association, *Second Report* (см. сноску 313 выше), p. 18.

ющая среда и природные ресурсы народов, живущих в условиях угнетения, господства и оккупации, должны быть защищены»[339]. Кроме того, в данной связи можно сослаться на решение Постоянного арбитражного суда по делу «Iron Rhine («Ijzeren Rijn») Railway» («Железная дорога «Железный Рейн»), обстоятельства которого не были связаны с трансграничными экологическими последствиями действий одного государства для другого государства. Постоянный арбитражный суд сослался на вышеуказанное решение Международного Суда относительно существования общего обязательства, касающегося защиты окружающей среды в других государствах и на территориях, находящихся за пределами национального контроля, и, рассуждая аналогичным образом, пришел к выводу о том, что «в тех случаях, когда государство, действуя в соответствии с международным правом, осуществляет то или иное право на территории другого государства, также учитываются факторы, связанные с защитой окружающей среды»[340]. Также высказывалось мнение относительно того, что государствам следует проявлять должную осмотрительность в целях недопущения ущерба окружающей среде на территории, находящейся в пределах их юрисдикции или контроля, исходя из своих обязательств в отношении прав человека, а также принимали меры по ликвидации последствий такого ущерба, если он все-таки имел место[341]. Все эти соображения подкрепляют тезис, согласно которому оккупирующая держава несет природоохранные обязательства как в пределах оккупированной территории, так и в отношении недопущения трансграничного ущерба.

C. Устойчивая разработка природных ресурсов

90. Как уже указывалось выше, статья 55 Гаагского положения, позволяющая оккупирующему государству вести разработку природных ресурсов оккупированной территории, с течением времени открыла возможность для многообразных толкований. В целом признается, что правила пользовладения запрещают хищническую эксплуатацию ресурсов, которая влечет за собой значительный экологический стресс, но при этом вопрос о позитивных обязательствах, которые несет оккупирующее государство, является менее ясным. В недавнее время были подняты новые вопросы, связанные с устойчивостью разработки ресурсов оккупированных территорий. Отмечалось, что с учетом общей тенденции развития норм международного права, относящихся к природным ресурсам, концепцию «сбережения капитала», можно было бы приравнять к «устойчивой разработке природных ресурсов»[342]. То же самое требование можно было бы также аргументировать правозащитным обязательством оккупирующего государства, согласно которому оно должно обеспечить гражданскому населению доступ к ресурсам и средствам к существованию[343].

91. Представляется, что в ситуациях, связанных с оккупацией, концепция устойчивого развития, корни которой уходят в требование относительно оптимального использования природных ресурсов (или оптимальной устойчивой добычи), уже в течение долгого времени применяемое в международном праве в

---

[339] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (см. сноску 66 выше), принцип 23.

[340] *Iron Rhine ("Ijzeren Rijn") Railway* (см. сноску 181 выше), at paras. 222–223.

[341] См. итоговый доклад Независимого эксперта по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, Джона Х. Нокса от 24 января 2018 года (A/HRC/37/59), рамочные принципы 1 и 2, комментарий, пункт 5.

[342] M. Bothe, "The administration of occupied territory" (см. сноску 129 выше), p. 1467.

[343] Информацию о данном обязательстве см. пункт 59 выше. Аргументацию см. Ferraro, "The law of occupation and human rights law..." (сноска 185 выше), p. 282.

отношении рыбного промысла и лесоводства[344], на самом деле приближается к традиционному пониманию и толкованию понятия пользовладения. В данной связи можно сослаться на уже давно сформировавшееся понимание принципа «сохранения целостности актива» в качестве одной из предпосылок, на которых основываются права пользовладельца, а также на толкование, согласно которому данный принцип предполагает «общее обязательство по защите долгосрочной ценности государственного имущества, являющегося предметом пользовладения[345]. Если же говорить о реальной практике, то можно упомянуть, например, об оккупации Японии после окончания Второй мировой войны, в ходе которой оккупационные власти активно выступали в пользу принципа долгосрочной устойчивости в области рыбного и китобойного промысла[346].

92. Оба этих понятия (оптимальное использование и пользовладение) можно описать как «основные принципы сбережения, направленные на рациональную и рачительную разработку невозобновляемых ресурсов, а также бессрочное сохранение производительности возобновляемых ресурсов»[347]. Основной целью ресурсосбережения является долгосрочное получение экономических выгод. Впоследствии концепция оптимального использования была расширена путем ее распространения на все природные ресурсы, а также наделена более глубоким содержанием в свете положений Стокгольмской декларации[348] и принятия Всемирной хартии природы[349]; сформировавшаяся в результате этого новая концепция «устойчивого развития» охватывает защиту окружающей среды и экосистемы, а также интересов будущих поколений. Концепция устойчивого развития предполагает применение комплексного подхода, в рамках которого интересы, связанные с разработкой ресурсов, совмещаются с решением природоохранных и социальных проблем[350].

93. Существует несколько различных определений элементов концепции устойчивого развития[351]. Согласно одному из таких определений, которое сосредоточивается на природных ресурсах, элементы концепции устойчивого развития, которые становятся очевидными из тех международных соглашений, в которых она фигурирует, могут быть сформулированы следующим образом:

---

[344] См. P. Sands, “International law in the field of sustainable development”, *British Yearbook of International Law*, vol. 64 (1994), pp. 303–381, p. 306; и N. Schrijver, “The evolution of sustainable development in international law: inception, meaning and status”, *Recueil des Cours*, vol. 329, Leiden, Martinus Nijhoff, 2008, pp. 215–412, at p. 367.

[345] Dichter; автор отметил, что эта позиция отражала общее понимание данного вопроса как Израилем, так и Соединенными Штатами, невзирая на разногласия, имеющиеся между ними в отношении некоторых других аспектов пользовладения (см. сноску 148 выше; at p. 591).

[346] См. B. Jones and H. N. Scheiber, “Fisheries policies and the problem of instituting sustainable management: the case of occupied Japan”, *в* H. Young and L. Goldman (eds.), *Livelihoods, Natural Resources, and Post-Conflict Peacebuilding*, Abingdon, Routledge, 2015, pp. 287–306.

[347] Schrijver, “The evolution of sustainable …” (см. сноску 344 выше), p. 367.

[348] Стокгольмская декларация (см. сноску 257 выше).

[349] Всемирная хартия природы (1982 год), A/RES/37/7.

[350] См. T. Kuokkanen, “The relationship between the exploitation of natural resources and the protection of the environment”, *International Environmental Law-making and Diplomacy Review* 2013, University of Eastern Finland, UNEP Course Series 13, Joensuu, UEF, 2014.

[351] Определение, получившее наиболее широкое признание, содержится в докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» (1987 год), A/42/427: «развитие, которое обеспечивает удовлетворение потребностей сегодняшнего дня, при этом не сужая возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные нужды».

- Необходимость сбережения природных ресурсов в интересах будущих поколений (принцип справедливости по отношению к будущим поколениям).
- Выполнение задачи, связанной с разработкой природных ресурсов на основе принципов «устойчивости», «рачительности», «рациональности», «мудрости» или «адекватности» (принцип устойчивой разработки).
- «Справедливая» разработка природных ресурсов, предполагающая, что в рамках их использования одним государством должны учитываться потребности других государств (принцип справедливого использования или справедливости по отношению к будущим поколениям).
- Необходимость отражения экологических факторов в рамках планов, программ и проектов в сфере экономики и других сферах, имеющих отношение к развитию, а также учета потребностей, связанных с развитием, в процессе достижения природоохранных целей (принцип комплексности)[352].

94. Устойчивое развитие признается в качестве одной из стратегических целей во всех частях планеты[353]. Оно нашло свое отражение в многочисленных документах Организации Объединенных Наций[354] и договорах[355]. Вместе с тем соответствующие положения договоров в большинстве случаев говорят об устойчивом развитии не как о юридическом обязательстве, а как о цели, к достижению

---

[352] Sands and Peel (см. сноску 197 выше), p. 218–19. Другие определения см., например: M.-C. Cordonier Segger and A. Khalfan, *Sustainable Development Law*: *Principles, Practices, and Prospects*, Oxford University Press, 2006, p. 45; V. P. Nanda and G. Pring, *International Environmental Law and Policy for the 21st Century,* 2nd ed., Leiden, Martinus Nijhoff, 2013), p. 29; P. Birnie, A. Boyle and C. Redgwell, *International Law and the Environment*, 3rd ed., Oxford University Press, 2009, p. 116-123; и D. French, “Sustainable development” в M. Fitzmaurice, D. Ong and P. Merkouris (eds.), *Research Handbook on International Environmental Law*, Cheltenham, Edward Elgar, 2010, pp. 51–68, at pp. 59–61.

[353] См., например, Декларацию о создании Арктического совета, *International Legal Materials*, vol. 35 (1996), p. 1382; Декларацию Яунде о сохранении и устойчивой эксплуатации тропических лесов, *International Legal Materials*, vol. 38 (1999), p. 783; Соглашения о сотрудничестве в целях устойчивого развития бассейна реки Меконг, *International Legal Materials*, vol. 34 (1995), p. 864; Пересмотренный протокол о совместном использовании водотоков на территории Сообщества по вопросам развития стран юга Африки, *International Legal Materials*, vol. 40 (2001), p. 321; и Договор о Европейском союзе (Лиссабонский договор), *Official Journal of the European Union* C115/13, 9 May 2008.

[354] Заключительный документ Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию 2012 года «Будущее, которого мы хотим» (2012 год), A/RES/66/268; см. также «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2015 год), A/RES/70/1.

[355] Например: Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата; Конвенция Организации Объединенных Наций о биологическом разнообразии; Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием и засухой в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке; Международное соглашение по тропической древесине; Соглашение об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими; и Соглашение о создании Всемирной торговой организации. По данным одного их авторов, концепция устойчивого развития упоминается более чем в 110 многосторонних договорах. См.: V. Barral, “Sustainable development in international law: nature and operation of an evolutive legal norm”, *European Journal of International Law*, vol. 23, No. 2 (2012), pp. 377–400, at p. 384.

которой должны стремиться стороны при реализации своей собственной политики в области охраны окружающей среды и развития[356].

95. Концепция устойчивого развития также упоминалась и применялась в решениях международных судебных органов. Международный Суд сослался на нее в своих решениях по делам «Габчиково–Надьмарош») и «Целлюлозные заводы»[357], указав, что необходимость увязки экономического развития с защитой окружающей среды «нашла надлежащее отражении в концепции устойчивого развития»[358]. В своем решении по объединенным делам «Строительство дороги» и «Некоторые мероприятия» Суд привел дополнительные подробности, касающиеся международного экологического права, и усилил его роль в экономической деятельности[359]. В данной связи можно также сослаться на решение Суда по делу «Китобойный промысел в Антарктике», в котором он, как отмечалось, «косвенно признал принцип устойчивости в деле сохранения популяции китов»[360]. Вместе с тем необходимо отметить, что Суд не признал устойчивое развитие в качестве одного из принципов международного экологического права. Кроме того, вопрос об устойчивой разработке природных ресурсов затрагивался в ряде других судебных решений, включая решение по делу «Южный голубой тунец»[361] и консультативное заключение относительно ответственности и обязанностей государства, вынесенное Международным трибуналом по морскому праву[362], а также решение по делу «China–Rare Earth» («Китай – редкоземельные металлы»), которое разбиралось в рамках механизма урегулирования споров Всемирной торговой организации[363]. В рамках международного права устойчивая разработка природных ресурсов является одним из наиболее широко признанных компонентов устойчивого развития[364].

---

[356] Barral, “Sustainable development in international law …” (см. сноску выше), p. 384. См. также Рио-де-Жанейрскую декларацию по окружающей среде и развитию (сноска 66 выше), принцип 21.

[357] *Pulp Mills* (см сноску 319 выше), paras. 171, 175–77 and 184–189. См. также особое мнение судьи Веерамантри.

[358] *Gabčíkovo-Nagymaros* case (см. сноску 201 выше), пункт 140.

[359] См. M. M. Mbengue, “The economic judgments and arbitral awards: the contribution of international courts and tribunals to the development of international economic law”, *в* W. A. Schabas and S. Murphy (eds.), *Research Handbook on International Courts and Tribunals*, pp. 122–142, at pp. 127–128; и J. Cabrera Medaglia and M. Saldivia Olave, “Sustainable development law principles in the *Costa Rica v. Nicaragua* territorial disputes”, *в* M.-C. Cordonier Segger and C. G. Weeramantry (eds.), *Sustainable Development Principles in the Decisions of International Courts 1992–2012*, Abingdon, Routledge, 2017, pp. 255–265.

[360] *Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2014*, p. 226. См. также особые мнения судьи Канчадо Тринидаде и временного судьи Чарльзуорта. Цитируется по M. Szabó, “Sustainable development in the judgments of the International Court of Justice”, *в* M.-C. Cordonier Segger and C. G. Weeramantry (eds.), *Sustainable Development Principles in the Decisions of International Courts 1992–2012*, Abingdon, Routledge, 2017, pp. 266–280, at p. 278.

[361] *Southern Bluefin Tuna (New Zealand v Japan; Australia v Japan), Provisional Measures, Order of 27 August 1999, ITLOS Reports 1999*.

[362] *Responsibilities and Obligations of States Sponsoring Persons and Entities with Respect to Activities in the Area, List of Cases: No. 17, Advisory opinion of 1 February 2011*, Seabed Disputes Chamber, International Tribunal for the Law of the Sea.

[363] *China – Measures Related to the Exportation of Rare Earths, Tungsten and Molybdenum*, Reports of the Appellate Body AB-2014-3, AB-2014-5, AB-2014-6, WTO.

[364] См.: International Law Association, Committee on the Role of international law in sustainable natural resource management for development, *Conference Report*, Johannesburg 2016. См. также: International Law Association, *New Delhi Principles of International Law Relating to Sustainable Development*, 2 April 2002.

96. Ассоциация международного права предложила толковать договоры и нормы обычного международного права в свете принципов устойчивого развития, за исключением тех случаев, когда это привело бы к явному нарушению положений того или иного договора или же было бы неуместным по каким-то иным причинам[365]. Отвечая на вопрос о том, соответствует ли такой подход содержанию статьи 55 Гаагского положения, следует напомнить о том, что принцип пользовладения имеет общий характер и не налагает на оккупирующие государства конкретных обязательств. Традиционно считалось, что он подразумевает «рачительный подход»[366], предполагающий, что при разработке соответствующих ресурсов пользовладелец «не должен выходить за рамки необходимости и общепринятых представлений»[367]. Использование подобного критерия предполагает учет конкретного контекста, в котором он применяется, и, как представляется, должен толковаться эволюционно, равно как и обсуждавшееся выше понятие «общественной жизни». В той мере, в которой концепция устойчивой разработки природных ресурсов может быть охарактеризована как «результат эволюции понятий защиты, сохранения и сбережения ресурсов, а также их рачительного и рационального использования или оптимальной устойчивой добычи»[368], она представляет собой современный аналог принципа пользовладения. Характер общих обязанностей оккупирующего государства по статье 43 Гаагского положения также является аргументом в пользу включения устойчивости в число важных факторов, которые необходимо принимать во внимание в контексте управления природными ресурсами оккупированных территорий и их разработки.

97. Концепция устойчивого развития постоянно используется в рамках международной юридической аргументации. Вместе с тем все еще сохраняются неразрешенные вопросы, касающиеся ее точного содержания и охвата. В соответствии с положениями договоров, в которых упоминается устойчивое развитие, государства как минимум должны отражать соображения природоохранного характера в проектах развития экономики, не допускать нанесения ущерба окружающей среде и осуществлять сотрудничество в этих целях. В некоторых договорах предусматриваются дополнительные меры, которые следует принимать государствам-участникам[369]. Как указывалось в соответствующих судебных решениях, учет фактора устойчивого развития может, в частности, требовать от государств принятия мер в целях рационального природопользования и мер предосторожности, а также проведения экологической экспертизы в тех случаях, когда существует риск значительного трансграничного ущерба[370]. Подобные обязательства редко носят абсолютный характер и зависят от конкретных

---

[365] “[I]nterpretations which might seem to undermine the goal of sustainable development should only take the precedence where to do otherwise would undermine fundamental aspects of the global legal order, infringe the exact wording of a treaty or breach a rule of *jus cogens*”, International Law Association, *Sofia Guiding Statement 2*, 2012.

[366] Стоун рассматривал правила пользовладения как запрещающие «нерачительные или небрежные действия, наносящие ущерб капитальному имуществу, … которые противоречат правилам эффективного ресурсосбережения» (см. сноску 121 выше; p. 714).

[367] Great Britain, War Office, *The Law of War on Land Being Part of the Manual of Military Law*, 1958, section 610. См. аналогично: *The Manual of the Law of Armed Conflict* (сноска 71 выше), p. 303, para. 11.86.

[368] V. Barral, “National sovereignty over natural resources: environmental challenges and sustainable development”, (см. сноску 134 выше), p. 18.

[369] Barral, “Sustainable development in international law …” (см. сноску 355 выше), p. 393.

[370] Дела *Gabčíkovo-Nagymaros* (см. сноску 201 выше), *Pulp Mills* (см. сноску 319 выше), *Construction of a Road* (см. сноску 320 выше) и *Certain Activities* (см. сноску 320 выше), и консультативное заключение по делу *Responsibilities and Obligations* (см.сноску 362

особенностей каждой отдельной ситуации. Применительно к устойчивой разработке природных ресурсов следует добавить, что существуют различные конкретные обязательства, касающиеся различных видов ресурсов.

98. При рассмотрении дел «Construction of a Road» («Строительство дороги») и «Certain Activities» («Некоторые виды деятельности») поднимался вопрос о том, влияет ли на природоохранные обязательства введение чрезвычайного положения; ставился «вопрос об освобождении государства-участника от выполнения его обязательства по проведению экологической экспертизы, предусмотренного нормами международного права, в результате введения чрезвычайного положения, или об отсрочке выполнения этого обязательства на период действия чрезвычайного положения»[371]. Хотя Суд и не пришел к выводу о существовании подобного исключения, обусловленного чрезвычайным положением, данное обстоятельство все же имеет отношение к ситуациям, связанным с оккупацией. Очевидно, что решение вопроса о практических способах выполнения требования относительно устойчивой разработки природных ресурсов в условиях оккупации зависит от таких конкретных факторов, как характер и длительность оккупации, а также масштабы и важность любого проекта, связанного с разработкой ресурсов. Кроме того, при разработке природных ресурсов оккупированной территории действия оккупирующего государства не должны препятствовать осуществлению суверенного права государства территориальной юрисдикции на принятие решений относительно его политики в сфере охраны окружающей среды и развития[372]. В данной связи, ссылаясь на устоявшееся понимание концепции пользовладения, можно отметить, что оккупирующему государству следует проявлять осмотрительность при разработке невозобновляемых ресурсов и не допускать превышения уровней добычи над соответствующими показателями в период до начала оккупации. Разработка невозобновляемых ресурсов должна вестись таким образом, чтобы обеспечивать долговременное использование ресурсов, а также возможности для их восстановления.

IV. Предлагаемые проекты принципов

99. В свете вышеизложенного предлагаются следующие проекты принципов:

Часть четвертая

Проект принципа 19

1. Оккупирующее государство принимает во внимание природоохранные соображения при осуществлении управления оккупированной территорией, включая любые прилегающие морские районы, в отношении которых государство территориальной юрисдикции уполномочено осуществлять суверенные права.

выше). Соответствующие обязательства процедурного характера могут также включать в себя обязательства по уведомлению и сотрудничеству.

[371] *Construction of a Road* (см. сноску 320 выше) и *Certain Activities* (см. сноску 320 выше), *para.* 158.

[372] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (см. сноску 66 выше), принцип 2: «В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и развития». См. также: Dam-de Jong noting that the principle «leaves States with a broad scope to decide what is sustainable and what is not» (см. сноску 128 выше; p. 118).

2. Оккупирующее государство обеспечивает соблюдение законодательства оккупированной территории, касающегося защиты окружающей среды, если только к этому нет непреодолимых препятствий.

Проект принципа 20

Оккупирующее государство осуществляет управление природными ресурсами оккупированной территории таким образом, чтобы это обеспечивало их устойчивое использование и сводило к минимуму ущерб окружающей среде.

Проект принципа 21

Оккупирующее государство использует все имеющиеся в его распоряжении средства для обеспечения того, чтобы деятельность на оккупированной территории не влекла за собой значительного ущерба для окружающей среды других государств, а также районов за пределами национальной юрисдикции.

V. Будущая работа

A. Вопросы, которые будут рассмотрены во втором докладе

100. Во втором докладе, который должен быть представлен в 2019 году, будет рассмотрен ряд вопросов, касающихся защиты окружающей среды в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера, включая, в частности, вопрос о том, каким образом международные правила и виды практики, относящиеся к природным ресурсам, могут способствовать защите окружающей среды во время и после таких вооруженных конфликтов, а также некоторые вопросы, связанные с обязанностями и ответственностью в отношении ущерба окружающей среде в контексте вооруженных конфликтов. Кроме того, будут рассмотрены вопросы, касающиеся сведения в единое целое всех проектов принципов, включая вопрос об употреблении терминов и преамбулу. Специальный докладчик выражает надежду на то, что данные усилия позволят заложить достаточную основу для того, чтобы завершить работу над рассматриваемой темой в первом чтении в 2019 году.

B. Прочие вопросы, касающиеся завершения работы над темой

101. До настоящего времени общий подход к изучаемой теме заключался в том, чтобы рассматривать вооруженные конфликты с точки зрения их различных стадий: до, во время и после конфликта. Проекты принципов, содержащиеся в части первой, касаются защиты окружающей среды в период до начала вооруженного конфликта. Некоторые проекты принципов, имеющие более общий характер, относятся ко всем трем упомянутым периодам времени. Часть вторая проектов принципов касается защиты окружающей среды в ходе вооруженных конфликтов, а часть третья охватывает тот же вопрос в период после их завершения. Возможно, стоит сказать несколько слов о том, каким образом временной подход можно применять к ситуациям, связанным с оккупацией, которые, как предполагалось, представляют собой промежуточную фазу между войной и миром.

102. Начало периода оккупации не обязательно совпадает с началом вооруженного конфликта; также нет прямой связи и между прекращением активных боевых действий и завершением оккупации. Стабильная оккупация имеет много общих черт с постконфликтной ситуацией, а с течением времени может даже приобретать сходство с условиями мирного времени. Несмотря на то, что в отношении длительных периодов оккупации продолжают применяться нормы, регулирующие режим оккупации, с течением времени начинает возрастать значение других корпусов права, включая стандарты в области прав человека и международное экологическое право. С другой стороны, ситуации, связанные с оккупацией, могут также характеризоваться неустойчивостью и быть чреваты конфликтами. В зависимости от характера, присущего тем или иным ситуациям, связанным с оккупацией, последние уподоблялись как вооруженным конфликтам, так и постконфликтным условиям.

103. В связи с этим возникает вопрос об актуальности существующих проектов принципов в условиях оккупации. Что касается принципов, содержащихся в части первой, то их актуальность в условиях оккупации, как представляется, не вызывает сомнений. Основная предпосылка проектов принципов, которые содержатся в части первой, - включая, например, принцип, касающийся обозначения охраняемых районов, - заключается в том, что предлагаемые меры принимаются в целях усиления защиты окружающей среды в случае возникновения вооруженных конфликтов. Такие вооруженные конфликты могут быть связаны или не связаны с оккупацией. В той мере, в которой периоды активных боевых действий в течение периода оккупации регламентируются правилами, касающимися ведения боевых действий, те проекты принципов, содержащиеся в части второй, которые относятся к защите окружающей среды на этапе вооруженного конфликта, будут применимы как таковые. Кроме того, окружающая среда на оккупированной территории будет по-прежнему находиться под общей защитой, которой пользуется окружающая среда в ходе вооруженных конфликтов согласно соответствующим нормам международного права, и в частности нормам права вооруженных конфликтов, что отражено в проекте принципа 9. Вместе с тем, если говорить о части третьей, то представляется более оправданным рассматривать вопрос об актуальности принципов, предложенных в отношении постконфликтных ситуаций, с учетом обстоятельств каждого конкретного случая. Те факторы, которые в данной связи необходимо принимать во внимание, связаны с характером оккупации, а также с ограничениями, присущими нормам, регулирующим режим оккупации.

104. В предварительном порядке предполагается, что особенно актуальными в ситуациях, связанных с оккупацией, будут следующие проекты принципов, содержащиеся в части третьей. Менять текст данных проектов статей не планируется, но при этом предполагается, что в некоторых случаях было бы уместным уточнить их отношение к ситуациям, связанным с оккупацией, в соответствующих комментариях. Это, в частности, может относиться к следующим проектам принципов:

- Проект принципа 6, пункт 2 (Защита окружающей среды на территориях проживания коренных народов). Данный принцип, который не сформулирован в форме юридического обязательства, может иметь отношение к оккупирующим державам в рамках их усилий по восстановлению и поддержанию общественного порядка и общественной жизни на оккупированной территории в соответствии со статьей 43 Гаагского положения.
- Проект принципа 15 (Оценки состояния окружающей среды и восстановительные меры после вооруженных конфликтов). Проект данного принципа составлен в общих выражениях, являющихся достаточно широкими для того, чтобы охватывать меры, которые могут приниматься оккупирующей державой. Кроме того, он не подразумевает наличия юридического обязательства. Содействие со стороны оккупирующей державы может поощряться в тех случаях, когда она в состоянии внести свой вклад в проведение оценки состояния окружающей среды или принятие восстановительных мер после вооруженных конфликтов.
- Проект принципа 16 (Пережитки войны). Представляется, что проект данного принципа охватывает ситуации, связанные с оккупацией, поскольку содержит конкретное упоминание о районах, находящихся под юрисдикцией или контролем государства.

- Проект принципа 17 (Пережитки войны на море). Общее упоминание о государствах в проекте этой статьи отражает различные с юридической точки зрения условия, в контексте которых пережитки войны на море могут представлять угрозу для окружающей среды; возможны ситуации, при которых то или иное государство осуществляет суверенитет, юрисдикцию или суверенитет в сочетании с юрисдикцией в отношении района местонахождения пережитков, а также ситуации, при которых оно не осуществляет ни суверенитета, ни юрисдикции в отношении этого района. Такие пережитки также могут быть расположены в морской акватории, находящейся под контролем оккупирующей державы.
- Проект принципа 18 (Обмен информацией и предоставление к ней доступа). Хотя и очевидно, что возможности оккупирующей державы в плане обмена информацией и предоставления доступа к ней зависит от положения в области безопасности, пункт 2 предусматривает исключение, касающееся соображений безопасности.

VI. Выборочный список использованной литературы

ABOUALI, Gamal

“Natural resources under occupation: the status of Palestinian water under international law”, *Pace International Law Review*, vol. 10, No. 2, 1998, pp. 411-574.

ABU-EID, Abdallah

“Water as human right: the Palestinian Occupied Territories as an example”, *International Journal of Water Resources Development*, vol. 23, No. 2, 2007, pp. 285–301.

ACEVEDO, Mariana T.

“The intersection of human rights and environmental protection in the European Court of Human Rights”, *New York University Environmental Law Journal*, vol. 8, 2000, pp. 439–496.

ALAM, Shawkat et al., eds.

Routledge Handbook of International Environmental Law. Abingdon, Routledge, 2013, pp. 70–76.

ALFREDSSON, Gudmundur and Alexander OVSIOUK

“Human rights and the environment”, *Nordic Journal of International Law*, vol. 60, 1991, pp. 19–28.

ALSTON, Philip and Katarina TOMASEVSKI, eds.

The Right to Food. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1984.

ARAI-TAKAHASHI, Yutaka

The Law of Occupation: Continuity and Change of International Humanitarian Law, and its Interaction with International Human Rights Law. Leiden, Martinus Nijhoff, 2009.

“Protection of private property”, *in* Andrew Clapham, Paola Gaeta and Marco Sassòli, eds., *The 1949 Geneva Conventions, a Commentary*. Oxford University Press, 2015, pp. 1515–1534.

D’ASPREMONT, Jean and Elodie TRANCHEZ

“The quest for a non-conflictual co-existence of international human rights law and humanitarian law: which role for the *lex specialis* principle?”, *in* R. Kolb and G. Gaggioli, *Research Handbook on Human Rights and Humanitarian Law*. Cheltenham, Edward Elgar, 2013, pp. 223–250.

BANNELIER-CHRISTAKIS, Karine

“International Law Commission and protection of the environment in times of armed conflict: a possibility for adjudication?”, *Journal of International Cooperation Studies*, vol. 20, No. 2, 2013, pp. 129–145, at pp. 140–141.

BARRAL, Virginie

“Sustainable development in international law: nature and operation of an evolutive legal norm”, *European Journal of International Law*, vol. 23, No. 2, 2012, pp. 377–400, at p. 384.

“National sovereignty over natural resources: environmental challenges and sustainable development”, *in* E. Morgera and K. Kulovesi, eds., *Research Handbook on International Law and Natural Resources*. Cheltenham, Edward Elgar, 2016, pp. 3–25.

Le développement durable en droit international: Essai sur les incidences juridiques d'une norme évolutive. Brussels, Bruylant, 2016.

BENVENISTI, Eyal

"Water conflicts during the occupation of Iraq", *American Journal of International Law*, vol. 97, 2003, pp. 860–872.

The International Law of Occupation. 2nd ed. Oxford University Press, 2012.

BEYERLIN, Ulrich

"Umweltschutz und Menschenrechte", *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, vol. 65, 2005, pp. 525–542.

"Different types of norms in international environmental law. Policies, principles and rules" *in* Daniel Bodansky, Jutta Brunnée and Ellen Hey, eds., *The Oxford Handbook of International Environmental Law*. Oxford University Press, 2008, pp. 426–448.

BIRNIE, Patricia, Alan BOYLE and Catherine REDGWELL

International Law and the Environment. 3rd ed. Oxford University Press, 2009.

BOISSON DE CHAZOURNES, Laurence

Fresh Water in International Law. Oxford University Press, 2015.

BOON, Kristen E.

"The future of the law of occupation", *Canadian Yearbook of International Law*, vol. 46, 2008, pp. 107–142.

BORGHI, Marco and Letizia POSTIGLIONE BLOMMESTEIN, eds.

The Right to Adequate Food and Access to Justice. Brussels, Bruylant, 2006.

BOSSELMANN, Klaus

The Principle of Sustainability. Farnham, Ashgate, 2008.

BOTHE, Michael

"The law of neutrality", in Dieter Fleck, ed., *The Handbook of International Humanitarian Law*. 3rd ed. Oxford University Press, 2013, pp. 547–580.

"The administration of occupied territory", in Andrew Clapham, Paola Gaeta and Marco Sassòli, eds., *The 1949 Geneva Conventions: a Commentary*. Oxford University Press, 2015, pp. 1455–1484.

BOUVIER, Antoine

"Protection of the natural environment in time of armed conflict", *Review of the International Committee of the Red Cross*, vol. 31, No. 285, 1991, pp. 574–582.

BOYD, David R.

The Environmental Rights Revolution: a Global Study of Constitutions, Human Rights, and the Environment. Armidale, UCB Press, 2011.

BOYLE, Alan E. and Michael R. ANDERSON, eds.

Human Rights Approaches to Environmental Protection. Oxford University Press, 1996.

BOYLE, Alan and David FREESTONE, eds.

International Law and Sustainable Development: Past Achievements and Future Challenges. Oxford University Press, 1999.

BRATSPIES, Rebecca and Russell MILLER, eds.

Transboundary Harm in International Law: Lessons from the Trail Smelter Arbitration. Cambridge University Press, 2006.

BRUCH, Carl, Carroll MUFFETT and Sandra S. NICHOLS, eds.

Governance, Natural Resources, and Post-Conflict Peacebuilding. Abingdon, Routledge, 2016.

CABRERA MEDAGLIA, Jorge and Miguel SALDIVIA OLAVE

"Sustainable development law principles in the Costa Rica v. Nicaragua territorial disputes", in M.-C. Cordonier Segger and C. G. Weeramantry, eds., *Sustainable Development Principles in the Decisions of International Courts 1992–2012*, Routledge Research in International Environmental Law. Abingdon, Routledge, 2017, pp. 255–265.

CARCANO, Andrea

The Transformation of Occupied Territory in International Law. Leiden, Brill, 2015.

CASSESE, Antonio

"Powers and duties of an occupant in relation to land and natural resources", in Emma Playfair, ed., *International Law and the Administration of Occupied Territories: Two Decades of Israeli Occupation of the West Bank and Gaza Strip*. Oxford University Press, 1992, pp. 419–442.

CERONE, John

"Human dignity in the line of fire: the application of international human rights law during armed conflict, occupation, and peace operations", *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, vol. 39, 2006, pp. 1447–1610.

CLAGETT, B. M. and O. T. JOHNSON, Jr.

"May Israel as a belligerent occupant lawfully exploit previously unexploited oil resources of the Gulf of Suez?", *American Journal of International Law*, vol. 72, No. 3, 1978, pp. 558–585.

CLAPHAM, Andrew

"The complex relationship between the Geneva Conventions and international human rights law", *in* Andrew Clapham, Paola Gaeta and Marco Sassòli, eds., *The 1949 Geneva Conventions, a Commentary*. Oxford University Press, 2015, pp. 701–735.

CONCA, Ken

An Unfinished Foundation. The United Nations and Global Environmental Governance. Oxford University Press, 2015.

CORDONIER SEGGER, Marie-Claire and Ashfaq KHALFAN

Sustainable Development Law: Principles, Practices, and Prospects. Oxford University Press, 2006.

CORDONIER SEGGER, Marie-Claire and C. G. WEERAMANTRY, eds.

Sustainable Development Principles in the Decisions of International Courts 1992-2012. Abingdon, Routledge, 2017.

CRAWFORD, Emily and Alison PERT

International Humanitarian Law. Cambridge University Press, 2015.

CUMMINGS, Edward R.

“Oil resources in occupied Arab territories under the law of belligerent occupation”, *Journal of International Law and Economics*, vol. 9, No. 3, December 1974, pp. 533-593.

CUYCKENS, Hanne

“Is Israel still an occupying power in Gaza?”, *Netherlands International Law Review*, vol. 63, 2016, pp. 275–297.

Revisiting the Law of Occupation. Leiden, Brill/Nijhoff, 2017.

DAM-DE JONG, Daniëlla

International Law and Governance of National Resources in Conflict and Post-Conflict Situations. Cambridge University Press, 2015.

DAS, Onita

Environmental Protection, Security and Armed Conflict: a Sustainable Development Perspective. Cheltenham, Edward Elgar, 2013.

DENNIS, Michael J.

“Application of human rights treaties extraterritorially in times of armed conflict and military occupation”, *American Journal of International Law*, vol. 99, 2005, pp. 119-141.

DESGAGNE, Richard

“Integrating environmental values into the European Convention on Human Rights”, *American Journal of International Law*, vol. 89, 1995, pp. 263–294.

DICHTER, Harold

“The legal status of Israel’s water policies in the Occupied Territories”, *Harvard International Law Journal*, vol. 35, 1994, pp. 565–594.

DIENELT, Anne

“‘After the war is before the war’: the environment, preventive measures under international humanitarian law, and their post-conflict impact”, *in* Carsten Stahn, Jens Iverson and Jennifer S. Easterday, eds., *Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace*. Oxford University Press, 2017, pp. 420–437.

DINSTEIN, Yoram

The International Law of Belligerent Occupation. Cambridge University Press, 2009.

DÖRMANN, Knut and Hans-Peter GASSER

“Protection of the civilian population”, in Dieter Fleck, ed., *The Handbook of International Humanitarian Law*. 3rd ed. Oxford University Press, 2013, pp. 231-320.

ENGELAND, Anicée Van

“Protection of public property”, *in* Andrew Clapham, Paola Gaeta and Marco Sassòli, eds., *The 1949 Geneva Conventions*, a Commentary. Oxford University Press, 2015, pp. 1535–1550.

FEILCHENFELD, Ernst H.

The International Economic Law of Belligerent Occupation. Washington D.C., Carnegie Endowment for International Peace, 1942.

FERRARO, Tristan

"Determining the beginning and end of an occupation under international humanitarian law", *International Review of the Red Cross*, vol. 94, No. 885, 2012, pp. 139–163.

"The law of occupation and human rights law: some selected issues", in R. Kolb and G. Gaggioli, eds., *Research Handbook on Human Rights and Humanitarian Law*. Cheltenham, Edward Elgar, 2013, pp. 273–293.

(ed.), *Occupation and Other Forms of Administration of Foreign Territory: Report of an Expert Meeting*. ICRC, 2012.

FLECK, Dieter

"Legal protection of the environment. The double challenge of non-international armed conflict and post-conflict peacebuilding", *in* Carsten Stahn, Jens Iverson and Jennifer S. Easterday, eds., *Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace*. Oxford University Press, 2017, pp. 203–219.

FITZMAURICE, Malgosia

"Some reflections on public participation in environmental matters as a human right in international law", *Non-State Actors and International Law*, vol. 2, 2002, pp. 1-22.

"The human right to water", *Fordham Environmental Law Review*, vol. 18, 2007, pp. 537–585.

FITZMAURICE, Malgosia and Jill MARSHALL

"The human right to a clean environment — phantom or reality: the European Court of Human Rights and English courts perspective on balancing rights in environmental cases", *Nordic Journal of International Law*, vol. 76, 2007, pp. 103–151.

FOX, Gregory H.

"Exit and military occupations'", in R. Caplan, ed., *Exit Strategies and State Building*. Oxford University Press, 2012, pp. 197–223.

"Transformative occupation and the unilateralist impulse", *International Review of the Red Cross*, vol. 94, No. 885, 2012, pp. 237–266.

FRANCIONI, Francesco and Tullio SCOVAZZI, eds.

International Responsibility for Environmental Harm. London, Graham & Trotman, 1991.

FREESTONE, David and Freedom-Kai PHILLIPS

"The United Nations Convention on the Law of the Sea (LOSC) and sustainable development jurisprudence", *in* Marie-Claire Cordonier Segger and C. G. Weeramantry, eds., Sustainable Development *Principles in the Decisions of International Courts 1992–2012*. Abingdon, Routledge, 2017, pp. 319–338.

FRENCH, Duncan

"Sustainable development", in Malgosia Fitzmaurice, David Ong and Panos Merkouris, eds., *Research Handbook on International Environmental Law*. Cheltenham, Edward Elgar, 2010, pp. 51–68.

GAVOUNELI, Maria

"Access to environmental information: delimitation of a right", *Tulane Environmental Law Journal*, vol. 13, 2000, pp. 13–30.

GEHRING, Markus and Alexandre GENEST

"Disputes on sustainable development in the WTO regime", *in* Marie-Claire Cordonier Segger and C. G. Weeramantry, eds., *Sustainable Development Principles in the Decisions of International Courts 1992–2012*. Abingdon, Routledge, 2017, pp. 357–383.

GERSON, Allen

"Off-shore oil exploration by a belligerent occupant: the Gulf of Suez dispute", *American Journal of International Law*, vol. 71, 1977, pp. 725–733.

GIACCA, Gilles

"Economic, social, and cultural rights in occupied territories", *in* Andrew Clapham, Paola Gaeta and Marco Sassòli, eds., *The 1949 Geneva Conventions, a Commentary*. Oxford University Press, 2015, pp. 1485–1514.

GLAHN, Gerhard von

The Occupation of Enemy Territory: a Commentary on the Law and Practice of Belligerent Occupation. Minneapolis, The University of Minnesota Press, 1957.

GREAR, Anna and Louis J. KOTZE, eds.

Research Handbook on Human Rights and the Environment. Cheltenham, Edward Elgar, 2015.

GREENWOOD, Cristopher

"The administration of occupied territory in international law", in Emma Playfair, ed., *International Law and the Administration of Occupied Territories: Two Decades of Israeli Occupation of the West Bank and Gaza Strip*. Oxford University Press, 1992.

GROSS, Ayeal

The Writing on the Wall: Rethinking the International Law of Occupation. Cambridge University Press, 2017.

"The righting of the law of occupation", in Nehal Bhuta, ed., *The Frontiers of Human Rights: Extraterritoriality and its Challenges*. Oxford University Press, 2016, pp. 21-54.

HALL, Matthew

Victims of Environmental Harm: Rights, Recognition and Redress under National and International Law. London, Routledge, 2013.

HANDL, Günther

"Human rights and protection of the environment: a mildly 'revisionist' view", *in* Antonio Cançado Trindade, ed., *Human Rights and Environmental Protection. Instituto Interamericano de Derechos Humanos*, 1992, pp. 117–142.

"Human rights and protection of the environment", *in* Asbjørn Eide, Catharina Krause and Allan Rosas, eds., *Economic, Social and Cultural Rights*. 2nd rev. ed. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 2001, pp. 303–328.

"Transboundary impacts", in Daniel Bodansky, Jutta Brunnée and Ellen Hey, eds., *The Oxford Handbook of International Environmental Law*. Oxford University Press, 2007, pp. 531–549.

HANQIN, Xue

Transboundary Damage in International Law. Cambridge University Press, 2003.

HEINTSCHEL VON HEINEGG, Wolff

"The rule of law in conflict and post-conflict situations: factors in war and peace transitions", *Harvard Journal of Law and Public Policy*, vol. 27, 2004, pp. 843–876.

HENCKAERTS, Jean-Marie and Louise DOSWALD-BECK

Customary International Humanitarian Law: Rules, vol. I. ICRC and Cambridge University Press, 2005.

HULME, Karen

"Taking care to protect the environment against damage: a meaningless obligation?", *International Review of the Red Cross*, vol. 92, No. 885, 2010, pp. 675–691.

"Using a framework of human rights and transitional justice for post-conflict environmental protection and remediation", *in* Carsten Stahn, Jens Iverson and Jennifer S. Easterday, eds., *Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace*. Oxford University Press, 2017, pp. 119–142.

(ed.), *Law of the Environment and Armed Conflict*. Cheltenham, Edward Elgar, 2017.

JENSEN, David and Steve LONERGAN, eds.

Assessing and Restoring Natural Resources in Post-Conflict Peacebuilding. Abingdon, Routledge, 2012.

JESSUP, Philip C.

"A belligerent occupant's power over property", *American Journal of International Law*, vol. 38, No. 3, 1944, pp. 457–461.

JHA, U.C.

Armed Conflict and Environmental Damage. New Delhi, Vij Books India Pvt Ltd, 2014.

JONES, Benjamin and Harry N. SCHEIBER

"Fisheries policies and the problem of instituting sustainable management: the case of occupied Japan", *in* Helen Young and Lisa Goldman, eds., *Livelihoods, Natural Resources, and Post-Conflict Peacebuilding*. Abingdon, Routledge, 2015, pp. 287-306.

KISS, Alexandre Charles, and Diane SHELTON

International Environmental Law. 3rd ed. Transnational Publishers, 2004.

KOIVUROVA, Timo

"What is the principle of due diligence?", in Jarna Petman and Jan Klabbers, eds., *Nordic Cosmopolitanism, Essays in International Law for Martti Koskenniemi*. London, Martinus Nijhoff, 2003, pp. 341–349.

KOLB, Robert and Sylvain VITÉ

Le droit de l'occupation militaire. *Perspectives historiques et enjeux juridiques actuels*. Brussels, Bruylant, 2009.

KOUTROULIS, Vaios

"The application of international humanitarian law and international human rights law in situation of prolonged occupation: only a matter of time?", *International Review of the Red Cross*, vol. 94, No. 885, 2012, pp. 165–205.

KRAUSE, Catarina, Allan ROSAS and Asbjørn EIDE, eds.

Economic, Social and Cultural Rights: A Textbook, 2nd ed. Leiden, Martin Nijhoff, 2012.

KUOKKANEN, Tuomas

"The relationship between the exploitation of natural resources and the protection of the environment", *International Environmental Law-making and Diplomacy Review 2013*. UNEP Course Series 13. Joensuu, University of Eastern Finland, 2014.

LANG, Winfried, ed.

Sustainable Development and International Law. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1995.

LANGENKAMP, R. Dobie, and R. J. ZEDALIS

"What happens to the Iraqi oil?: Thoughts on some significant, unexamined international legal questions regarding occupation of oil fields", *European Journal of International Law*, vol. 14, No. 3, 2003, pp. 417–435.

LAUTERPACHT, Elihu

"The Hague Regulations and the seizure of munitions-de-guerre", *British Yearbook of International Law*, vol. 32, 1955, pp. 218–226.

LEFEBER, René

Transboundary Environmental Interference and the Origin of State Liability. The Hague, Kluwer International Law, 1996.

LEIB, Linda Hajjar

Human Rights and the Environment: Philosophical, Theoretical, and Legal Perspectives. Leiden, Martinus Nijhoff, 2011.

LEIGH, M.

"Department of State memorandum on law on Israel's right to develop oil fields in Sinai and the Gulf of Suez", *International Legal Materials*, vol. 16, No. 3, 1977, pp. 733–753.

LINDROOS, Anja

"Addressing norm conflicts in a fragmented legal system: the doctrines of lex specialis", *Nordic Journal of International Law*, vol. 74, 2005, pp. 27–66, at p. 44.

LONGOBARDO, Marco

"State responsibility for international humanitarian law violations by private actors in occupied territories and the exploitation of natural resources", *Netherlands International Law Review*, vol. 63, 2016, pp. 251–274.

LUBELL, Noam

"Human rights obligations in military occupation", *International Review of the Red Cross*, vol. 94, No. 885, 2012, pp. 317–337.

LUJALA, Päivi and Siri Aas RUSTAD, eds.

High-Value Natural Resources and Post-Conflict Peacebuilding. Abingdon, Earthscan, 2012.

MASON, Michael

"The application of warfare ecology to belligerent occupations", *in* Gary E. Machlis, et al., eds., *Warfare Ecology: a New Synthesis for Peace and Security*. Dordrecht, Springer, 2011, pp. 155–173.

MATAR, Ibrahim

"Exploitation of land and water resources for Jewish colonies in the occupied territories", in Emma Playfair, ed., *International Law and the Administration of Occupied Territories: Two Decades of Israeli Occupation of the West Bank and Gaza Strip*. Oxford University Press, 1992, pp. 443–460.

MBENGUE, M. M.

"The economic judgments and arbitral awards: the contribution of international courts and tribunals to the development of international economic law", in William A. Schabas and Shannonbrooke Murphy, eds., *Research Handbook on International Courts and Tribunals*, pp. 122–142.

MCCAFFREY, Stephan

"A human right to water: domestic and international implications", Georgetown *International Environmental Review*, vol. 5, No. 1, 1992, pp. 1–24.

MCDOUGAL, Myres S. and Florentino P. FELICIANO

Law and Minimum World Public Order. The Legal Regulation of International Coercion. New Haven, Yale University Press, 1961.

MILANO, Enrico

"Occupation", in André Nollkaemper and Ilias Plakokefalos, eds., *The Practice of Shared Responsibility in International Law: Shared Responsibility in International Law*. Cambridge University Press, 2017.

MILANOVIC, Marko

Extraterritorial Application of Human Rights Treaties, Law, Principles and Policy. Oxford University Press, 2011.

"Extraterritoriality and human rights: prospects and challenges", in Thomas Gammeltoft-Hansen and Jens Vedsted-Hansen, eds., *Human Rights and the Dark Side of Globalisation: Transnational Law Enforcement and Migration Control*. New York, Routledge, 2017.

MOLLARD-BANNELIER, Karine

La protection de l'environnement en temps de conflit armé. Paris, Pédone, 2001.

MOMTAZ, Djamchid

"Les règles relatives à la protection de l'environnement au cours des conflits armés à l'épreuve du conflit entre l'Irak et le Koweït", *Annuaire français de droit international*, vol. 37, 1991, pp. 203–219.

MREMA, Elizabeth Maruma

Protecting the Environment during Armed Conflict: an Inventory and Analysis of International Law. Nairobi, UNEP, 2009.

MURPHY, Sean D., Won KIDANE and Thomas R. SNIDER

Litigating War: Arbitration of Civil Injury by the Eritrea–Ethiopia Claims Commission. New York, Oxford University Press, 2013.

NANDA, Ved P. and George (Rock) PRING

International Environmental Law and Policy for the 21st Century. 2nd ed. Leiden, Martinus Nijhoff, 2013.

NIFOSI-SUTTON, Ingrid

The Protection of Vulnerable Groups under International Human Rights Law. London, Routledge, 2017.

OHLIN, Jens David, ed.

Theoretical Boundaries of Armed Conflict and Human Rights. Cambridge University Press, 2017.

OKOWA, Phoebe

State Responsibility for Transboundary Air Pollution in International Law. Oxford University Press, 2000.

"Environmental justice in situations of armed conflict", *in* Jonas Ebbesson and Phoebe Okowa, eds., *Environmental Law and Justice in Context*. Cambridge University Press, 2009.

OPPENHEIM, Lassa

International Law, a Treatise, vol. II, War and Neutrality. 2nd ed. London, Longmans, Green and Co., 1912.

OTTOLENGHI, Michael

"The stars and stripes in Al-Fardos square: the implications for the international law of belligerent occupation", *Fordham Law Review*, vol. 72, No. 5, 2004, pp. 2177-2218.

PAVONI, Ricardo

"Environmental jurisprudence of the European and Inter-American Courts of Human Rights: comparative insights", *in* Ben Boer, *Environmental Law Dimensions of Human Rights*. Oxford University Press, 2015, pp. 69–106.

PAYNE, Cymie R.

"Legal liability for environmental damage: the United Nations Compensation Commission and the 1990–1991 Gulf War", *in* Carl Bruch, Carroll Muffett and Sandra S. Nichols, eds., *Governance, Natural Resources, and Post-Conflict Peacebuilding*. Abingdon, Routledge, 2016, pp. 719–760.

PEJIĆ, Jelena

"The right to food in situations of armed conflict: the legal framework", *International Review of the Red Cross*, vol. 83, No. 844, 2001, pp. 1097–1109.

RADICS, Olivia and Carl BRUCH

"The law of pillage, conflict resources, and jus post bellum", *in* Carsten Stahn, Jens Iverson and Jennifer S. Easterday, eds., *Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace*. Oxford University Press, 2017, pp. 143–168.

RAYFUSE, Rosemary, ed.

War and the Environment: New Approaches to Protecting the Environment in Relation to Armed Conflict. Leiden, Brill/Nijhoff, 2014.

ROBERTS, Adam

"What is military occupation", *British Yearbook of International Law*, vol. 55, No. 1, 1985, pp. 249–305.

"Prolonged military occupation: the Israeli-occupied territories since 1967", *American Journal of International Law*, vol. 84, 1990, pp. 44–103.

"Environmental issues in international armed conflict: the experience of the 1991 Gulf War", *in* Richard J. Grunawalt, John E. King and Ronald S. McClain, eds., *Protection of the Environment During Armed Conflicts. International Law Studies*, vol. 69. Newport, Naval War College, 1996, pp. 222–277.

"The law of war and environmental damage", *in* Jay E. Austin and Carl E. Bruch, eds., *The Environmental Consequences of War: Legal, Economic, and Scientific Perspectives*. Cambridge University Press, 2000, pp. 47–86.

"Transformative military occupation: applying the laws of war and human rights", *American Journal of International Law*, vol. 100, 2006, pp. 580–622.

SANDS, Philippe

"International law in the field of sustainable development", *British Yearbook of International Law*, vol. 64, 1994, pp. 303–381.

SANDS, Philippe, and Jacqueline PEEL

Principles of International Environmental Law. 4th ed. Cambridge University Press, 2018.

SASSÒLI, Marco

"Legislation and maintenance of public order and civil life by occupying Powers", *European Journal of International Law*, vol. 16, No. 4, 2005, pp. 661–694.

"The concept and beginning of occupation", *in* Andrew Clapham, Paola Gaeta and Marco Sassòli, eds., *The 1949 Geneva Conventions, a Commentary*. Oxford University Press, 2015, pp. 1389–1419.

SAUL, Ben

"The status of Western Sahara as occupied territory under international humanitarian law and the exploitation of natural resources", *Global Change, Peace and Security*, vol. 27, No. 3, 2015, pp. 301–322.

SCHEFFER, David J.

"Beyond occupation law", *American Journal of International Law*, vol. 97, 2003, pp. 842–860.

SCHMITT, Michael N.

"Green war: an assessment of the environmental law of international armed conflict", *Yale Journal of International Law*, vol. 22, No. 1, 1997, pp. 1–109.

"War and the environment: fault lines in the prescriptive landscape", *in* Jay E. Austin and Carl E. Bruch, eds., *The Environmental Consequences of War: Legal, Economic, and Scientific Perspectives*. Cambridge University Press, 2000, pp. 87–136.

SCHRAM, Gunnar G.

"Human rights and the environment", *Nordic Journal of International Law*, vol. 61, 1992, pp. 141–150.

SCHRIJVER, Nico

Sovereignty over Natural Resources, Balancing Rights and Duties. Cambridge University Press, 1997.

"The evolution of sustainable development in international law: inception, meaning and status", *Recueil des Cours de l'Académie de droit international de la Haye*, vol. 329. Leiden, Martinus Nijhoff, 2008, pp. 215–412.

SCOBBIE, Iain

"Natural resources and belligerent occupation: mutation through permanent sovereignty", *in* Stephen Bowen, ed., *Human Rights, Self-Determination and Political Change in the Occupied Palestinian Territories*. The Hague, Kluwer Law International, 1997, pp. 221–290.

"Natural resources and belligerent occupation: perspectives from international humanitarian and human rights law", *in* Susan M. Akram, et al., eds., *International Law and the Israeli-Palestinian Conflict: a Rights-based Approach to Middle East Peace*. Abingdon, Routledge, 2011.

SHANY, Yuval

Faraway, so Close: the Legal Status of Gaza, after Israel's Disengagement. Research Paper No. 12–06. The Hebrew University of Jerusalem, 2006.

SHELTON, Dinah

"Human rights, environmental rights and the right to the environment", *Stanford Journal of International Law*, 1991, pp. 103–137.

"What happened in Rio to human rights?", *Yearbook of International Environmental Law*, vol. 3, 1992, pp. 75–107.

"Human rights and the environment: what specific environmental rights have been recognized?", *Denver Journal of International Law and Policy*, vol. 35, 2006, pp. 129–171.

"Human rights and the environment: substantive rights", *in* Malgosia Fitzmaurice, David Ong and Panos Merkouris, eds., *Research Handbook on International Environmental Law*. Cheltenham, Edward Elgar, 2010.

SHELTON, Dinah L. and Isabel CUTTING

"If you break it, do you own it? Legal consequences of environmental harm from military activities", *Journal of International Humanitarian Legal Studies*, vol. 6, 2015, pp. 201–246.

SJÖSTEDT, Britta

Protecting the Environment in Relation to Armed Conflict. The Role of Multilateral Environmental Agreements. Lund University, 2016.

"The ability of environmental treaties to address environmental problems in post-conflict", *in* Carsten Stahn, Jens Iverson and Jennifer S. Easterday, eds., *Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace*. Oxford University Press, 2017, pp. 73–92.

SOROETA, Juan

"The conflict in Western Sahara after forty years of occupation: international law versus realpolitik", *German Yearbook of International Law*, vol. 59, 2016, pp. 187-221.

SPIEKER, Heike

Völkergewohnheitsrechtlicher Schutz der natürlichen Umwelt im internationalen bewaffneten Konflikt. Bochum, UVB-Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1992.

STAHN, Carsten, Jens IVERSON and Jennifer S. EASTERDAY, eds.

Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace. Oxford University Press, 2017.

STEFANIK, Kirsten

"The environment and armed conflict: employing general principles to protect the environment", *in* Carsten Stahn, Jens Iverson and Jennifer S. Easterday, eds., *Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace*. Oxford University Press, 2017, pp. 93–118.

STEWART, James G.

Corporate War Crimes. Prosecuting Pillage of Natural Resources. Open Society Foundation, 2011.

STONE, Julius

Legal Controls of International Conflict: a Treatise on the Dynamics of Disputes and War-Law. London, Stevens and Sons Limited, 1954.

STRYDOM, Hennie

"Sustainable development controversies in the African Commission on Human and People's Rights", *in* Marie-Claire Cordonier Segger and C. G. Weeramantry, eds., *Sustainable Development Principles in the Decisions of International Courts 1992-2012*. Abingdon, Routledge, 2017, pp. 470–490.

SZABÓ, Marcel

"Sustainable development in the judgments of the International Court of Justice", *in* Marie-Claire Cordonier Segger and C. G. Weeramantry, eds., Sustainable *Development Principles in the Decisions of International Courts 1992–2012*. Abingdon, Routledge, 2017, pp. 266–280.

THORME, M.

"Establishing environment as human right", *Denver Journal of International Law and Politics*, vol. 19, 1991, pp. 301–342.

TIGNINO, Mara

"Water, international peace and security", *International Review of the Red Cross*, vol. 92, No. 879, 2010, pp. 647–674.

"The legal regime of natural resources in times of armed conflict and its weaknesses", *in* Yann Kerbrat and Sandrine Maljean-Dubois, eds., *The Transformation of International Environmental Law*. Oxford, Hart Publishing, 2011.

Water During and After Armed Conflicts, What Protection in International Law. Leiden, Brill, 2017.

TLADI, Dire

"The principle of sustainable development in the case concerning Pulp Mills on the River Uruguay", *in* Marie-Claire Cordonier Segger and C. G. Weeramantry, eds., *Sustainable Development Principles in the Decisions of International Courts 1992-2012*. Abingdon, Routledge, 2017, pp. 242–254.

TOMASEVSKI, Katarina, ed.

The Right to Food: Guide through Applicable International Law. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1987.

TROPP, H. and A. JÄGERSKOG

Water Scarcity Challenges in the Middle East and North Africa (MENA). Stockholm, International Water Institute, 2006.

VIÑUALES, Jorge E.

"A human rights approach to extraterritorial environmental protection? An assessment", in Nehal Bhuta, ed., *The Frontiers of Human Rights*. Oxford University Press, 2016, pp. 177–220.

VITÉ, Sylvain

"The interrelation of the law of occupation and economic, social and cultural rights: the examples of food, health and property", *International Review of the Red Cross*, vol. 90, No. 871, 2008, pp. 629–651.

WATES, Jeremy and Seita ROMPPAINEN

"The Aarhus Convention: a legally binding framework promoting procedural environmental rights", *in* Tuula Honkonen and Ed Couzens, eds., *International Environmental Law-making and Diplomacy Review 2009*. Joensuu, University of Eastern Finland, 2010.

WEBER, Stefan

"Environmental information and the European Convention on Human Rights", *Human Rights Law Journal*, vol. 12, 1991, pp. 177–185.

WEIR, Doug

"Reframing the remnants of war: the role of the International Law Commission, governments, and civil society", *in* Carsten Stahn, Jens Iverson and Jennifer S. Easterday, eds., *Environmental Protection and Transitions from Conflict to Peace*. Oxford University Press, 2017, pp. 438–455.

WILMSHURST, Elizabeth, and Susan BREAU, eds.

Perspectives on the ICRC Study on Customary International Humanitarian Law, Cambridge University Press, 2007.

ZAHRADNIKOVA, Eva

"European Court of Human Rights: giving the green light to environmental protection", *Queen Mary Law Journal*, vol. 8, 2017, pp. 13–25.

ZARSKY, Lyuba, ed.

Human Rights and the Environment: Conflicts and Norms in a Globalizing World, London, Earthscan, 2002.

Приложение

Сводный перечень проектов принципов, которые были приняты в предварительном порядке либо Комиссией, либо Редакционным комитетом

Проекты принципов о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами[373]

Введение

Проект принципа 1
Сфера применения

Настоящие проекты принципов применяются к защите окружающей среды* до, во время и после вооруженных конфликтов.

Проект принципа 2
Цель

Настоящие проекты принципов имеют целью усилить защиту окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, в том числе посредством профилактических мер, направленных на минимизацию ущерба окружающей среде в ходе вооруженных конфликтов, а также посредством восстановительных мер.

[…]

Часть первая

Общие принципы

Проект принципа 4
Меры для улучшения защиты окружающей среды

1. Государства во исполнение своих обязательств по международному праву принимают эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для улучшения защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами.

2. Помимо этого, государствам следует принимать в надлежащих случаях дальнейшие меры для улучшения защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами.

Проект принципа 5 [I-(x)]
Специальное обозначение охраняемых зон

Государствам на основании соглашения или иным образом следует специально обозначить в качестве охраняемых зон районы, имеющие большое экологическое и культурное значение.

---

* Вопрос о том, какой термин – «окружающая среда» или «природная среда» – следует использовать в тексте всех проектов принципов или некоторых из них, будет вновь рассмотрен на более позднем этапе.

[373] Принятые Редакционным комитетом в предварительном порядке проекты принципов, которые Комиссия приняла к сведению на своей шестьдесят восьмой сессии, даны курсивом.

Проект принципа 6
Защита окружающей среды на территориях проживания коренных народов

1. В случае вооруженного конфликта государствам следует принимать надлежащие меры для защиты окружающей среды на территориях проживания коренных народов.

2. После вооруженного конфликта, отрицательно повлиявшего на окружающую среду на территориях проживания коренных народов, государствам следует проводить эффективные консультации и осуществлять эффективное сотрудничество с соответствующими коренными народами посредством надлежащих процедур, и в частности через их собственные представительные институты, с целью принятия восстановительных мер.

Проект принципа 7
Соглашения относительно присутствия военных сил в связи с вооруженными конфликтами

Государствам и международным организациям следует в надлежащих случаях включать положения о защите окружающей среды в соглашения относительно присутствия военных сил в связи с вооруженными конфликтами. Такие положения могут включать в себя превентивные меры, оценки воздействия и меры по восстановлению и очистке.

Проект принципа 8
Миротворческие операции

Государства и международные организации, участвующие в миротворческих операциях в связи с вооруженными конфликтами, учитывают воздействие таких операций на окружающую среду и принимают надлежащие меры для предотвращения, смягчения и устранения их негативных экологических последствий.

Часть вторая
Принципы, применимые во время вооруженных конфликтов

Проект принципа 9 [II-1]
Общая защита природной среды во время вооруженных конфликтов

1. Природная среда уважается и защищается в соответствии с применимым международным правом, и в частности правом вооруженных конфликтов.

2. Принимаются меры для защиты природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба.

3. Никакой компонент природной среды не может подвергаться нападению, если только он не становится военным объектом.

Проект принципа 10 [II-2]
Применение права вооруженных конфликтов к природной среде

Право вооруженных конфликтов, в том числе принципы и нормы в отношении проведения различия, соразмерности, военной необходимости и мер предосторожности при нападении, применяется к природной среде с целью ее защиты.

Проект принципа 11 [II-3]
Природоохранные соображения

При применении принципа соразмерности и норм, касающихся военной необходимости, учитываются природоохранные соображения.

Проект принципа 12 [II-4]
Запрет на репрессалии

Нападения, направленные против природной среды, в качестве репрессалий запрещаются.

Проект принципа 13 [II-5]
Охраняемые зоны

Любой район с большим экологическим и культурным значением, специально обозначенный по соглашению в качестве охраняемой зоны, защищен от любого нападения, если он не содержит военного объекта.

Часть третья
Принципы, применимые после вооруженных конфликтов

Проект принципа 14
Мирные процессы

1. Сторонам вооруженного конфликта следует, как часть мирного процесса, в том числе в надлежащих случаях в соглашениях о мире, решать вопросы, относящиеся к восстановлению и защите окружающей среды, которой был нанесен ущерб в результате конфликтов.

2. В надлежащих случаях соответствующим международным организациям следует играть в этой связи посредническую роль.

Проект принципа 15
Оценки состояния окружающей среды и восстановительные меры после вооруженных конфликтов

Между соответствующими акторами, включая международные организации, поощряется сотрудничество в отношении оценок состояния окружающей среды и восстановительных мер после вооруженных конфликтов.

Проект принципа 16
Пережитки войны

1. После вооруженного конфликта стороны конфликта стремятся устранить или обезвредить токсичные и опасные пережитки войны под их юрисдикцией или контролем, которые наносят ущерб или порождают риск нанесения ущерба окружающей среде. Такие меры принимаются в соответствии с применимыми нормами международного права.

2. Стороны также прилагают усилия к тому, чтобы достичь согласия между собой и, в надлежащих случаях, с другими государствами и с международными организациями о технической и материальной помощи, включая в соответствующих обстоятельствах проведение совместных операций для устранения или обезвреживания таких токсичных и опасных пережитков войны.

3. Пункты 1 и 2 не затрагивают каких-либо прав или обязательств по международному праву в отношении очистки, устранения, уничтожения или содержания минных полей, заминированных районов, мин, мин-ловушек, взрывоопасных боеприпасов и других устройств.

Проект принципа 17
Пережитки войны на море

Государствам и соответствующим международным организациям следует сотрудничать в обеспечении того, чтобы пережитки войны на море не представляли опасности для окружающей среды.

Проект принципа 18
Обмен информацией и предоставление к ней доступа

1. Для содействия восстановительным мерам после вооруженного конфликта государства и соответствующие международные организации обмениваются соответствующей информацией и предоставляют к ней доступ согласно своим обязательствам по международному праву.

2. Ничто в настоящем проекте принципа не обязывает государство или международную организацию обмениваться информацией, имеющей насущно важное значение для национальной обороны или безопасности, или предоставлять к ней доступ. Тем не менее это государство или международная организация добросовестно сотрудничают в целях предоставления как можно более полной в данных обстоятельствах информации.